

ДЖЕССИ ХОЛМС
Покровители

«Превосходная история о сильных характерах, о ведовстве и о борьбе за право быть услышанными».

ДЖЕССИ БЕРТОН, автор бестселлера
«МИНИАТЮРИСТ»

Annotation

Англия, начало XVII века.

Флитвуд живет в старинном фамильном замке, она замужем уже четыре года, но у нее с супругом до сих пор нет детей. Отчаявшись, она призывает к себе загадочную девушку Алису, с которой однажды познакомилась в лесу. Флитвуд верит, что Алиса знает, какие травы ей пить, чтобы выносить и родить здорового ребенка.

Но вскоре в округе разворачивается судебное дело против ведьм, и Алиса попадает под подозрение. Одним из доказательств служит то, что у каждой колдуньи есть волшебные духи-покровители, или фамильяры.

Алису ждет виселица, но Флитвуд пытается спасти ее от страшной участи. Ради этого она отправляется глубоко в лес, где сталкивается с собственными страхами и... удивительными животными.

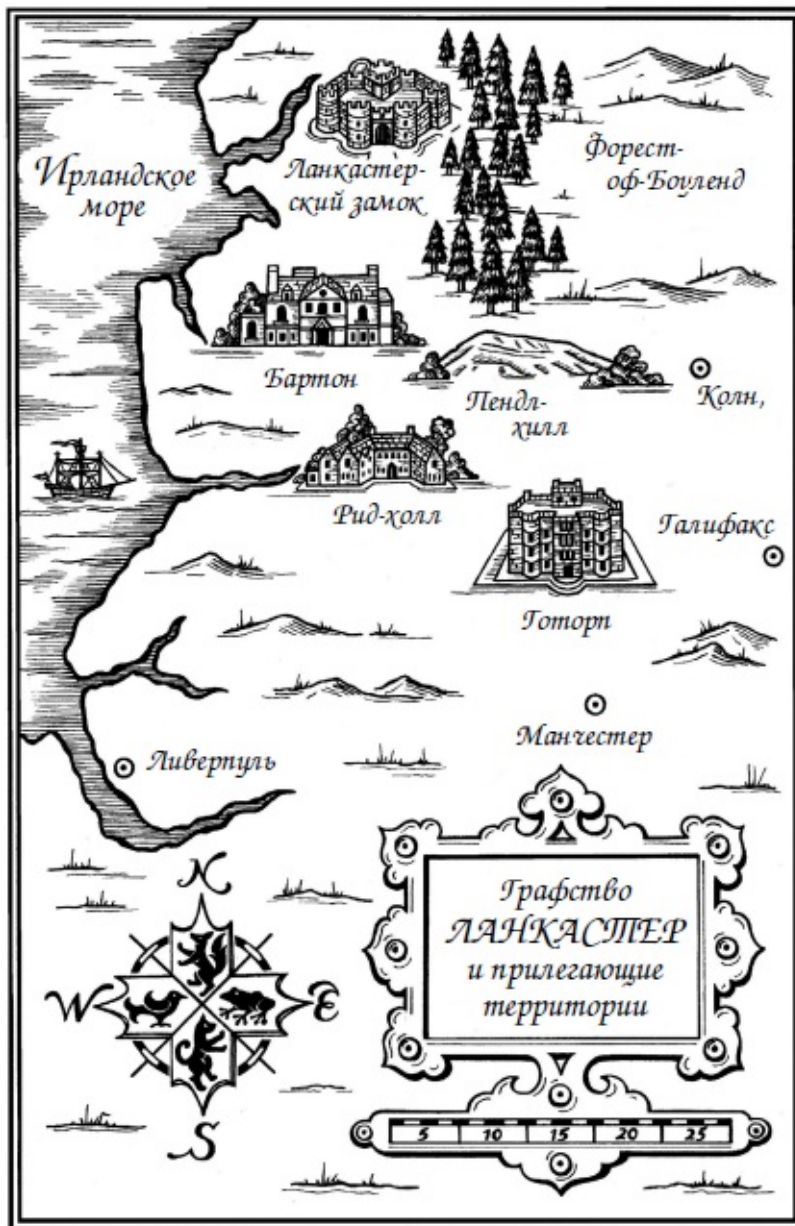
- [Стейси Холлс](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Часть 4](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
- [Исторический комментарий](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

Стейси Холлс Покровители

Посвящается моему мужу

Часть 1

Графство Ланкастер (ныне Ланкашир), начало апреля 1612 г.

*Будь неизменно полон сил,
ибо иначе ловчая птица
Недолго будет послушна твоим приказам,
вынудив тебя подчиняться ей.*

Книга о соколиной и ястребиной охоте

Джордж Тербервиль (1543–1597).

Благоразумие и правосудие.

Девиз рода Шаттлвортов

Глава 1

Не зная, как лучше поступить, я вышла из дома, прихватив с собой письмо. Газон, еще влажный от поздней утренней росы, быстро промочил мои любимые розовые шелковые туфельки, ведь в спешке я и не подумала надеть паттены^[1]. Но я продолжила путь и вскоре скрылась за деревьями, окружавшими газоны перед фасадом особняка. Я еще раз развернула зажатое в руке письмо, желая убедиться, что его содержание не приснилось мне, пока я отдыхала в кресле.

Нынешнее утро выдалось холодным и туманным, освежающий ветер слетал с Пендлского холма, и, хотя душа моя пребывала в смятении, я не забыла захватить плащ из гардеробной. Рассеянно приласкав Пака^[2], я с удовольствием отметила, что руки у меня не дрожат. Я не рыдала, не хлопнулась в обморок, а всего лишь сложила обратно в конверт прочитанное послание и спокойно спустилась по лестнице. Никем не замеченная, я, проходя мимо кабинета Джеймса, мельком увидела его, сидящего за столом. У меня мелькнула мысль, что он тоже мог прочитать это письмо, поскольку, будучи управляющим, обычно вскрывал личную корреспонденцию своего господина, но, моментально отбросив эту мысль, я вышла из дома на парадное крыльцо.

Облака, цвета оловянных кувшинов, грозили пролиться дождем, поэтому я поспешила по газону к деревьям. Я понимала, что мой черный плащ отлично выделяется на зеленом газоне и может привлечь внимание любопытных слуг, припавших к окнам, а мне хотелось спокойно все обдумать. Леса в нашей стороне Ланкашира перемежались холмами и болотистыми низинами, и над ними простирались обычно серые небеса. Иногда между деревьями мелькали и мгновенно исчезали рыжеватые олени или голубые шейки фазанов.

Еще не войдя под лесную сень, я вновь почувствовала тошноту. Расставшись с заполнившей рот рвотной массой, я аккуратно подобрала подол волочившейся по траве юбки и вытерла рот носовым платком. Прачки Ричарда сбрызгивали их розовой водой. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов и, когда почувствовала себя немного лучше, вновь взглянула на зеленеющие травы. Углубляясь в лес, я видела, как трепещут на ветру деревья, слышала веселый птичий щебет, и вскоре массивное здание Готорп-холла совсем скрылось из вида. В этих краях наш особняк, построенный из теплого желтоватого камня на расчищенном от

леса участке, привлекал внимание не меньше, чем я сама. Но хотя этот дом не скрывал от вас такого близкого, казалось, видного из окон леса, сам этот лес отлично скрывал вас от Готорп-холла. Порой мне казалось, что они играют друг с другом в прятки.

Наконец я опять развернула письмо, разгладила смявшуюся в кулачке бумагу и нашла потрясший меня абзац:

«Вы можете легко догадаться об истинной природе опасности, угрожающей вашей жене. С печальным сожалением я сообщаю вам свое профессиональное мнение как сведущего в сфере деторождения врача: в результате моего последнего визита к ней в пятницу на прошлой неделе я пришел к глубоко прискорбному заключению, что она не способна вынашивать детей. Полагаю, вам чрезвычайно важно понять то, что если ей вновь придется рожать, то она не переживет родов и ее земная жизнь завершится».

Теперь, оказавшись в лесном уединении, я позволила себе отчасти проявить тайные чувства. Сердце мое бешено колотилось, щеки пылали. К горлу опять подступила тошнота, и я едва не задохнулась от едкого, обжигающего язык привкуса.

Недомогания мучили меня целыми днями, и утром, и днем, и вечером, выворачивая наизнанку все мои внутренности; число приступов тошноты доходило до сорока раз на дню, а если меня тошнило всего дважды, то я чувствовала себя счастливой. У меня даже сосуды полопались на лице, оставляя красные пятнышки вокруг дьявольски покрасневших глаз. Теперь ужасно противный привкус надолго останется во рту, удушающе едкий и острый, точно лезвие ножа. Никакая еда во мне не задерживалась. Хотя у меня и аппетит начисто пропал, к большому огорчению нашей кухарки. Даже большие плитки моего любимого марципана лежали нетронутыми в кладовой, а присланные из Лондона банки леденцов покрылись пылью.

Преыдущие три раза я не страдала от таких недомоганий. На сей раз, видимо, растущий во мне ребенок пытается вырваться на свободу из моего горла, а не между ног, как в других случаях, когда он покидал меня преждевременными красными потоками, струящимися по ногам. Кровавые сгустки выглядели безобразно, и я видела, как их заворачивали в салфетки, словно свежий хлеб.

«Не жилец он на белом свете, бедный малютка», – проворчала последняя повитуха, вытирая мою кровь со своих больших, как у мясника, рук.

За четыре года семейной жизни случились три беременности, но в дубовой колыбельке, подаренной нам с Ричардом на венчание моей

матерью, так и не появился наследник. Она смотрела на меня с таким укором, словно я была виновата в том, что все они покидали мое чрево раньше времени.

И все-таки я не могла понять, знал ли Ричард о мнении доктора, видя, как я набираю вес, точно индейка к Святкам. Это письмо лежало в пачке других посланий, связанных с моими тремя предыдущими беременностями, поэтому, возможно, он и пропустил его. Либо счел за лучшее скрыть его от меня? Внезапно строчки с заключением врача, казалось, вылетели со страницы и обмотались петлей вокруг моей шеи. Причем написал их человек с неизвестным мне именем, видно, страдая тогда от жуткой боли, я не смогла осознать ни его прикосновений, ни голоса, ни того, как он выглядел.

Не переводя дух, я продолжала стремительно углубляться в лес, и мои домашние туфельки совсем промокли и позеленели от травянистой грязи. Когда одна из них окончательно развалилась и я почувствовала под шелковым чулком неровности сырой земли, остатки выдержки покинули меня. В сердцах я скомкала злосчастное письмо и изо всех сил швырнула его в какие-то кусты, испытав легкую радость от того, что оно отскочило от ствола дерева в нескольких ярдах от меня.

Если бы я не сделала этого, то могла бы не заметить кроличью лапку совсем рядом с местом, где упало скомканное письмо, не заметила бы и кроликов – вернее, даже того, что от них осталось: изодранных и окровавленных меховых тушек. Мне доводилось охотиться на кроликов; но этих зверьков убили не ястребы или соколы, птицы наносят аккуратную смертельную рану и тут же улетают обратно к своему хозяину. Чуть погодя я заметила и еще кое-что: подол стелившейся по земле бурой юбки, коленопреклоненную фигуру, лицо, белый чепец. Молодая женщина, стоявшая на коленях, пристально смотрела на меня. Все в ней выдавало настороженность и какое-то дикое напряжение. Она была бедно одета: в домотканом шерстяном платье без фартука, поэтому я и не сразу разглядела ее среди зелени деревьев и кустов. Из-под ее чепца струились локоны льняных волос. На удлинённом узком лице горели глаза, цвет их привлекал внимание даже на расстоянии: теплый и золотистый, они светились, точно новенькие золотые монеты. Взгляд девушки горел живым, почти как у мужчин, умом, и, хотя я стояла, а она припала к земле, на мгновение я испытала страх, словно именно она застучала меня за каким-то предосудительным занятием.

В ее руках болталась тушка второго кролика, устремившего на меня свой застывший глаз. Его шкурка испачкалась в крови. На земле, рядом с

подолом юбки, лежал открытый, грубо сшитый мешок. Девушка встала. Ветер шелестел листьями и травой вокруг нас, но она застыла в неподвижности с непроницаемым выражением лица. Только мертвая тушка слегка покачивалась в руке.

– Кто ты? – спросила я. – Что здесь делаешь?

Ничего не ответив, она принялась складывать тушки в свой мешок. Мое скомканное письмо ярко белело на фоне кровавой резни, и она помедлила, увидев его; ее длинные, испачканные в крови пальцы застыли в воздухе.

– Поддай его мне, – отрывисто приказала я.

Взяв письмо, она протянула его, не сходя с места, и я, сделав пару широких шагов, выхватила листок. Она не сводила с меня своих золотистых глаз, и я подумала, что никто из незнакомцев еще не смотрел на меня с таким упорством. На мгновение я представила, как странно, должно быть, выгляжу, без уличных башмаков, с застрявшей в грязи туфелькой. Мое лицо, наверное, пылало после приступов тошноты, и белки глаз могли покраснеть. А от едкого и кислого привкуса у меня все еще саднило язык.

– Как тебя зовут?

Она молчала.

– Ты нищенствуешь?

Она покачала головой.

– Это мои владения. Ты незаконно убила кроликов в моем лесу?

– Ваши владения?

Звук ее голоса разрушил несуразность этой сцены, точно галька, брошенная в пруд. До меня наконец дошло, что она просто обычная деревенская девушка.

– Меня зовут Флитвуд Шаттлворт, я – владелица Готорп-холла. Это усадьба моего мужа; если ты из Падихама, то должна знать его.

– Не из Падихама, – коротко ответила она.

– Тебе известно, какое наказание полагается за охоту в чужих владениях?

Она оценивающе глянула на мой плотный черный плащ, на выглядывающее из-под него платье из бронзовой тафты. Я понимала, что мои черные волосы усугубляют и без того болезненную бледность моего лица, однако не желала, чтобы мне напоминала об этом какая-то незнакомка. На вид она выглядела старше меня, но я не смогла сообразить, сколько же ей на самом деле лет. Ее грязное платье, похоже, давно не чистили и не проветривали, как и чепец сероватого цвета пыльной овечьей шерсти. Но тут наши взгляды встретились, и я осознала, с каким

спокойствием и гордостью она взирает на меня. Нахмурившись, я вздернула подбородок. Учítывая, что рост мой составлял всего лишь четыре фута и одиннадцать дюймов^[3], в любом обществе я вечно оставалась самой маленькой, однако напугать меня было совсем нелегко.

– Мой муж привяжет тебя за руки к своей лошади и оттащит к судье, – заявила я с самоуверенностью, хотя вовсе ее не испытывала.

Она не произнесла ни слова, тишину нарушили лишь шелест веток да трепет листвы.

– Так ты – нищая? – снова спросила я.

– Нет. – Она протянула мне мешок. – Заберите их. Я не знала, что забрела в ваши владения.

Ответ прозвучал странно, и я подумала, что смогу рассказать об этом Ричарду. Потом, вспомнив о письме, я сжала его покрепче.

– Как ты убила их?

– Я не убивала. – Она шмыгнула носом. – Просто нашла их уже убитыми.

– У тебя странная манера разговора. Ты можешь назвать мне свое имя?

Едва договорив, я успела лишь заметить золотисто-коричневый промельк развернувшейся и убежавшей в лес девушки. Ее светлый чепец мелькал между стволами деревьев, мешок подскакивал на боку. Она бежала уверенно и проворно, словно молодая олениха, и быстро скрылась из виду.

Глава 2

Звук кошелька на ремне Ричарда сопровождал его повсюду. По-моему, это придавало ему ощущение могущества – звон его денег слышался до того, как вы лицезрели их хозяина. Вот и сейчас, услышав знакомое позвякивание и поступь его лайковых башмаков по ступеням, я глубоко вздохнула и смахнула воображаемую пылинку с рукава. Я поднялась с кресла, когда он вошел в комнату, бодрый и воодушевленный своей деловой поездкой в Манчестер. Его золотая серьга блеснула в луче солнечного света, серые глаза озарились радостью.

– Флитвуд, – приветливо произнес он, обнимая ладонями мою голову.

После его поцелуя я сразу прикусила губу. Не подведет ли меня голос? Мы стояли в гардеробной, он знал, естественно, что именно здесь сможет найти меня. Только в этой комнате я чувствовала себя хозяйкой, хотя мы стали первыми новоселами Готорпа. На мой взгляд, проектируя этот особняк, дядя Ричарда избрал на редкость современный подход, придумав и помещение для нарядов, хотя сам жил холостяком. Разумеется, если бы дома придумывали женщины, они уделили бы также особое внимание планированию кухонных помещений. Угольно-черный каменный дом моих родителей высился под тоскливыми серыми небесами, поэтому, приехав сюда, в Готорп-холл, построенный из теплого желтоватого камня, словно вечно озаренного солнцем, с тремя этажами, поблескивающими стеклами окон, и с возвышающейся посередине башней, я почувствовала себя скорее заезжей принцессой, чем хозяйкой. Ричард провел меня через лабиринт комнат и узких коридоров и от изобилия полированных панелей, свежей штукатурки и толп декораторов, плотников и прочих слуг я пришла в такое потрясение, что у меня даже голова закружилась. Я предпочла жить под самой крышей, чтобы никому не мешать. Если бы у меня появился малыш, или мне приходилось спускаться с ребенком к завтраку, я выбрала бы другие покои, но пока детей у нас нет, я продолжаю жить в своих верхних комнатах с гардеробной, откуда открывается красивый вид на быстротекущие воды реки Колдер и Пендл-хилл.

– Опять беседовала со своими нарядами? – шутливо спросил он.

– Они мои постоянные спутники.

Пак, мой здоровенный бордоский дог, поднялся с турецкого ковра, потягиваясь и зевая во всю пасть, такую большую, что в нее могла поместиться моя голова.

– Привет, грозный страж, – сказал Ричард, присев на корточки рядом с собакой, – недолго тебе осталось быть единственным объектом нашей любви. Скоро придется поделиться. – Он вздохнул и опустил на колени, уставший от долгой скачки. – Как вы себя чувствуете? Хорошо ли отдохнули?

Я кивнула, заправив под капор выбившуюся прядь волос. Последнее время, причесываясь, я стала замечать, что мои черные волосы выпадают целыми клоками.

– Вы беспокоитесь. Не надо... Не о чем...

– Да, все хорошо.

«Письмо. Спросить ли его о том письме?» Эти слова вибрировали у меня в горле, точно стрела, удерживаемая в натянутом луке, однако на красивом лице Ричарда не отразилось ничего, кроме облегчения. Я слишком долго удерживала его взгляд, осознавая, как благоприятная возможность для вопроса исчезает, просачиваясь, точно песок сквозь пальцы.

– Вот и славно, и в Манчестер я съездил удачно. Джеймс обычно полагает, что в таких поездках ему следует сопровождать меня, но я вполне успешно обхожусь и без него. Вероятно, его расстраивает только то, что я забываю записывать денежные поступления; но я заверил его, что они так же надежно, как и в кошельке, хранятся и в моей голове. – Он помедлил, не обращая внимания на обнюхивающего его Пака. – Так у вас нынче все спокойно?

– Ричард, я прочитала сегодняшнее письмо от повитухи. И последнее послание от врача.

– О, как хорошо, что вы напомнили мне.

Он порылся за пазухой своего изумрудного бархатного дублета, его лицо озарилось каким-то мальчишеским волнением. Я ждала, и вот, вытащив руку, он положил мне на ладонь странный сувенир. Маленькая, длинная, как нож для открывания писем, серебряная шпага с блестящим золотым эфесом. Но кончик ее был тупым, с него на крючочках свисали крошечные шарики. Подняв красивую безделушку, я услышала тихий мелодичный перезвон.

– Это ведь детская погремушка. – Лицо его озарилось сияющей улыбкой, он встряхнул игрушку, и она зазвенела, словно упряжка лошадей, подбегающая к конюшне. – Взгляните на колокольчики. Будут веселить нашего сына.

Он даже не пытался приглушить прозвучавшее в голосе страстное желание. Я вспомнила о запертом на ключ ящике в комодке одной из спален.

Там хранились полдюжины вещей, купленных им в других поездках – шелковый кошелек с нашими инициалами, умещающаяся на ладони лошадка из слоновой кости. В большой галерее появились новые доспехи, приобретенные Ричардом для празднования того дня, когда впервые мы осознали, что у меня начал расти животик. Его вера в рождение нашего ребенка была светлой и мощной, как полноводный речной поток. Даже торгуя шерстью в Престоне, он заезжал к торговцу, продававшему миниатюрные фигурки животных, а в лавке нашего портного приглядел рулон шелка жемчужного оттенка. В последнем случае он просто не знал, родится ли у нас сын или дочь, и я ни о чем, естественно, его не просила, поскольку пока еще не стала матерью. Каждый его подарок становился напоминанием о моих выкидышах, и мне порой хотелось бросить все эти вещи в горящий камин и смотреть, как дым исчезает в дымоходе и рассеивается в небе. В то же время я задумывалась и о том, где могла бы оказаться без моего супруга, и сердце мое переполняла печаль, ведь он подарил мне новую счастливую жизнь, а я потеряла уже трех нерожденных детей, их души исчезли, развеялись в воздухе.

– Ричард. – Я решила на вторую попытку. – Вы ничего не хотите сообщить мне?

Блеснув серьгой, он внимательно взглянул на меня. Пак зевнул и опять улегся на ковер. Где-то на нижнем этаже басовитый голос призывно выкрикнул имя Ричарда.

– Внизу ждет Роджер, – пояснил он, – мне пора спуститься к нему.

Стремясь избавиться от нового подарка, я отложила погремушку на кресло, позволив любопытному носу Пака обнюхать ее.

– Значит, и мне придется спуститься?

– Я поднялся сюда, чтобы переодеться; мы собираемся на охоту.

– Но ведь целое утро были в седле?

– Охота – не скачки, а охота, – с улыбкой ответил он.

– Тогда я с вами.

– А вы чувствуете в себе достаточно сил?

Улыбнувшись, я окинула взглядом свои наряды.

* * *

– Флитвуд Шаттлворт! Подумать только, вы такая бледненькая! – пробасил Роджер с другого конца конного двора. – Ваше личико блеее самого белого подснежника, но вдвое его прекраснее. Ричард, вы что, не

кормите свою супругу?

– Роджер Ноуэлл, вы умеете польстить даме, – с улыбкой заметила я, выпрямляясь в седле.

– Судя по наряду, вы тоже решили поохотиться. Неужели вы уже завершили все подобающие леди утренние занятия?

Высокий и полный, он вспрыгнул на свою лошадь, вопросительно приподняв седую бровь, а его звонкий раскатистый бас отдавался эхом от каждой балки и угла конного двора.

– Я предпочла провести время с моим любимым судьей.

Тройка наших лошадей вышла из конюшни, я пока ехала между мужчинами. Роджер Ноуэлл был приятен в общении, но я, выросши практически без отца, признаться, поначалу слегка побаивалась его. По летам своим он как раз годился в отцы и мне, и Ричарду – вернее, даже в дедушки – и, поскольку оба наших отца давно умерли, Роджер начал по-дружески опекать нас, когда Ричард унаследовал Готорп. На следующий день после нашего прибытия он заехал к нам на своей лошади, привезя трех фазанов, и задержался на целый день, посвящая нас в положение здешних дел и заочно ознакомив со всеми достойными обитателями ближайших поместий. Мы впервые попали в эти края Ланкашира, с его зелеными холмами и темными лесами, и к тому же никого здесь не знали, а Роджер обладал обширными познаниями. Благодаря его знакомству с давно ушедшим в мир иной дядюшкой Ричарда, который в свое время служил судьей в Честере и впервые обеспечил связь семьи с королевским двором, Роджер мог сказать, что давно знал Шаттлвортов, и обосновался в нашем доме с той же естественностью, с какой мы воспринимали всю унаследованную обстановку. Правда, мне он понравился с первого взгляда. Подобно свече, он ярко горел, и когда бы он ни появлялся в нашем доме, его переменчивое и живое, точно язычки пламени, настроение, обеспечивало нам сердечное тепло и полезные знания.

– Последняя новость из дворца: похоже, король наконец нашел жениха для своей дочери, – провозгласил Роджер.

Услышав наше приближение, гончие на псарне уже безудержно рвались на свободу, и едва их выпустили, принялись радостно кружиться вокруг лошадиных ног.

– Кого же?

– Фридриха V Пфальцского, графа палатина Рейнского. Он собирается прибыть в Англию в нынешнем году и, надо надеяться, положит конец параду фигляров, претендовавших на руку принцессы.

– Вы поедете на свадьбу? – спросила я.

– Надеюсь. Вероятно, это будет грандиозное зрелище, какого уже много лет не видели в королевстве.

– Интересно, какое у нее будет свадебное платье, – невольно высказала я сразу пришедшую мне в голову мысль.

Из-за лая собак Роджер меня не услышал, они с Ричардом, уже поглощенные охотничьим азартом, выехали со двора. Видя, что гончих пока держат на привязи, я догадалась, что мы будем преследовать оленя, и пожалела, что сама напросилась с ними. Загнанный олень с роскошным рогами и большими затравленными глазами являл собой не самое приятное зрелище; я предпочла бы, пожалуй, видеть на его месте любое другое животное. Мне захотелось вернуться домой, но мы уже углубились в лес, и поэтому, слегка сжав ногами бока лошади, я догнала мужчин. Эдмунд, помощник псаря, поигрывая кнутом, скакал рядом с гончими. Когда мы выехали из-за деревьев, до меня донеслись обрывки их тихого разговора, и я, безмолвно следуя за ними, рассеянно слушала. Из памяти внезапно всплыла недавняя встреча: пролитая кровь, остекленевшие глаза кролика и странная золотоволосая женщина.

– Ричард, – вмешалась я в разговор мужчин, – вчера в наши владениях видели нарушителя.

– Что? Где?

– К югу от замка, в лесу.

– Почему Джеймс не сообщил мне?

– Потому что я ничего ему не сказала.

– Так это вы заметили его? Что вы там делали?

– Я... вышла прогуляться.

– Я же говорил вам не выходить одной; вы могли заблудиться или упасть и... ушибиться.

Роджер прислушивался к нашему диалогу.

– Ричард, я чудесно прогулялась. К тому же я заметила не мужчину, а женщину.

– Что она там делала? Заблудилась?

И тут я осознала, что не могу рассказать ему о кроликах, поскольку сама толком не понимаю, что же я видела на самом деле.

– Видимо, да, – помедлив, ответила я.

– У вас, Флитвуд, должно быть, бурное воображение, – с радостным облегчением заметил Роджер, – мы уж едва не подумали, что в лесу на вас напал какой-то варвар, хотя на самом деле вы всего лишь встретили заблудившуюся женщину?

– Да, – опять вяло согласилась я.

– Нынче у нас даже такая встреча может быть небезопасной... Может, до вас уже дошли слухи о том, что случилось в Колне с торговцем Джоном Лоу?

– Нет, не дошли пока.

– Роджер, не стоит пугать ее колдовскими сказками... ей и так снятся кошмары.

Я изумленно открыла рот и покраснела. Мне даже не верилось, что Ричард решил упомянуть при посторонних о моем кошмаре. Но перо на его шляпе продолжало спокойно покачиваться, и он без дальнейших пояснений продолжал ехать вперед.

– Расскажите же мне, Роджер.

– Блуждающие в одиночестве женщины не всегда так невинны, как кажутся, в этом как раз убедился Джон Лоу, и теперь не забудет об этом всю жизнь... хотя, возможно, господи помилуй, жить ему осталось недолго. – Роджер откинулся в седле. – Пару дней назад ко мне в Рид-холл заезжал его сын, Абрахам.

– Разве мы с ним знакомы?

– Нет, он красильщик по тканям из Галифакса. Но парень достиг немалых высот, учитывая, что отец его бродил по дорогам, продавая булавки.

– Так он столкнулся с ведьмой?

– Нет, слушайте дальше.

Вздохнув, я пожалела, что не осталась отдыхать в гостиной в обществе собаки.

– Джон брел по торговому пути в окрестностях Колна и столкнулся с девушкой. Нищая – так он подумал. Она попросила его дать ей немного булавок, и когда он отказал, – тут он помедлил для пущей важности, – девчонка прокляла его. Джон отвернулся от нее и вдруг услышал за спиной ее тихий голос, словно она с кем-то еще разговаривала. По спине его побежали мурашки. Сначала он подумал, что слышит шум ветра, но, оглянувшись, увидел устремленный на него взгляд ее темных глаз и шевелящиеся губы. Он поспешил убраться подальше, и не успел еще пройти и тридцати ярдов, как услышал звуки погони, и тогда на него набросилась странная черная собака и искусила, повалив на землю.

– Что за странность была в той черной собаке? – спросил Ричард. – Вы же упомянули именно черную собаку.

Оставив его вопрос без внимания, Роджер продолжил:

– Джон закрыл лицо руками и взмолился о пощаде, а когда открыл глаза, собака уже пропала. Исчезла. И странная девчонка тоже. Кто-то

нашел его на дороге и помог добраться до ближайшего постоянного двора, но сам он едва мог передвигаться. Один глаз у него не открывался, а половину лица перекосило. Он заночевал на постоялом дворе, однако на следующее утро та девчонка, совсем обнаглев, заявила снова и принялась умолять его о прощении. Заявила, что не хотела проклинать его, да не сумела совладать со своим ремеслом.

– Она призналась в этом? – Мне вдруг вспомнилась вчерашняя девушка. – А как она выглядела?

– Как ведьма. Худущая, противная и угрюмая, с лохматыми черными волосами. По словам моей матушки, черноволосым вообще доверять нельзя, у них обычно и душа черная.

– У меня тоже черные волосы.

– Так вы хотите дослушать мою историю?

В детстве мать грозила зашить мне рот. Они с матушкой Роджера, должно быть, нашли бы множество тем для обсуждения.

– Извините, – добавила я, – но сейчас-то тот торговец уже поправился?

– Нет, и вряд ли ему уже станет лучше, – печально ответил Роджер.

– Тревожная, в сущности, история, но больше всего пугает в ней появление собаки. Мы все подвергаемся опасности, пока псина свободно разгуливает по Пендлу.

Бросив на меня скептически насмешливый взгляд, Ричард поехал дальше, явно решив продолжить охотничью вылазку. Меня напугало не само это животное... ведь у меня самой есть дог размером с мула. Но прежде чем я успела объяснить свои опасения, Роджер продолжил историю.

– Через несколько дней после того случая по-прежнему живший на постоялом дворе Джон Лоу проснулся среди ночи в своей кровати, услышав чье-то дыхание. Над ним маячил огромный зверь, размером с волка, с оскаленной пастью и горящими глазами. Торговец понял, что перед ним бесплотный дух, существо не от мира сего. Можно понять его ужас: ужас онемевшего и парализованного страдальца, способного лишь стонать. А через мгновение возле его кровати появился не кто иной, как та самая ведьма собственной персоной.

Я вдруг почувствовала, будто моего лица коснулся чей-то пушистый хвост.

– То есть дух обернулся женщиной?

– Нет, Флитвуд, вы когда-нибудь слышали о так называемых духах-покровителях?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда я советую вам почитать Книгу Левита^[4]. Коротко говоря, дьявол может принимать разные обличья. Таким образом, если угодно, он расширяет свои владения. Эта девушка являлась в обличье собаки, но духи могут принимать любые формы: животных, детей. Такая способность проявляется у них в те моменты, когда им необходимо получить желаемое, что и сказала девчонка на прошлой неделе парализованному Джону Лоу. Такой дух-покровитель служит верным признаком колдовской натуры.

– И вы видели их?

– Естественно, нет. Маловероятно, что дьявольское порождение явится богобоязненному праведнику. Только те, кто испытывают сомнения в вере, могут ощутить его присутствие. Благодатной средой для него являются низкие моральные устои.

– Но ведь Джон Лоу видел этого духа, а вы говорили, что он добродетелен.

– Мы потеряли из виду Ричарда, – раздраженно заметил Роджер, отмахнувшись от моих слов, – он не обрадуется, что я распустил язык перед его женой. Вот что бывает, когда женщин пускают на охоту.

Я не стала напоминать, что лишь потворствовала его желанию – когда у Роджера появлялась новая история, ему не терпелось поделиться ею. Мы пустили лошадей легким галопом и замедлили скорость, завидев впереди наших охотников. Готорп остался далеко позади, и меня решительно не прельщала мысль провести в седле всю вторую половину дня.

– А где сейчас та девочка? – спросила я, когда мы вновь замедлили шаг.

– Ее зовут Элисон Дивайс, – ответил Роджер, подбирая поводья, – пока она находится под моей охраной в Рид-холле.

– В вашем доме? Почему же вы не отправили ее в ланкастерскую тюрьму?

– Сейчас она не опасна. Ничего не сможет сделать... не осмелится. Кроме того, она помогает мне в других расследованиях.

– Какого рода расследованиях?

– О боже, миссис Шаттлворт, вы, оказывается, на редкость любознательны! Может быть, нам следует заговорить зверей, на которых мы охотимся, до смерти? Элисон Дивайс родилась в семье потомственных ведьм; она сама мне призналась. Ее мать, бабушка, даже ее брат – все практикуют магию и колдовство всего в нескольких милях отсюда. Окрестные соседи обвиняют их в убийстве посредством колдовства одного арендатора из владений Шаттлворта. Потому-то я и подумал, что вашему мужу следует узнать об этом.

Он мотнул головой в сторону раскинувшихся перед нами зеленых холмов. Мы опять потеряли из виду Ричарда и Эдмунда со сворой гончих.

– Но откуда вы знаете, что она говорит правду? Зачем ей предавать своих родных? Должно быть, она понимает, чем это грозит ведьмам... неизбежной смертью.

– Разумеется, я знаю об этом не больше вас, – просто ответил Роджер, хотя я догадалась, что он чего-то недоговаривает.

При желании он мог использовать все свое могущество и многого добиться одними угрозами; я поняла это, видя, как он обходится с Кэтрин, его женой, но она относилась к достаточно спокойным натурам.

– И она заявила, что во всех убийствах виноваты ее родственнички, – заключил он.

– Они сами всех убивали?

– Несколько раз. Не пожелал бы я вам столкнуться на узкой дорожке с одним из Дивайсов. Но не бойтесь, дитя мое. Элисон Дивайс под надежной охраной, и уже завтра или послезавтра я допрошу всю ее семейку. И мне придется, безусловно, уведомить нашего короля. – Он тяжело вздохнул, словно считал это излишним затруднением. – Но я уверен, что ему будет приятно узнать такие новости.

– А вдруг они сбегут... как вы тогда найдете их?

– Не сбегут. Вы же знаете... у меня есть соглядатаи по всему Пендлу. Сложно утаить что-то от шерифа графства.

– Бывшего шерифа, – поддразнила я его. – А много ли ей лет? Той девушке с собакой?

– Она сама не знает, но я дал бы ей лет семнадцать.

– Так же, как мне. – Задумчиво помолчав, я решила задать очередной вопрос: – Роджер, а вы доверяете Ричарду?

– Как самому себе. – Его кустистые брови поднялись. – Я доверил бы ему свою жизнь. Или то, что от нее осталось... увы, я уже стар, дети выросли, лучшие дни моей карьеры, как ни прискорбно, остались позади. А почему вы спросили об этом?

Я нащупала письмо доктора, спрятанное под костюмом для верховой езды, оно напоминало о себе с каждым моим вдохом, точно второе сердце.

– Да просто так.

Глава 3

Великий пост еще не закончился, и по-прежнему страдая от отсутствия нормального аппетита, я все-таки мечтала о кусочке тушеной говядины или о мягком ломтике соленого цыпленка. Роджер остался у нас на ужин и, потирая руки, взирал, как слуги выставляют на стол серебряные блюда со щукой и осетром. Я понимала, что мне не суждено пока даже попробовать их, хотя я и проголодалась за время нашей охотничьей вылазки, с которой нам, кстати, пришлось вернуться с пустыми руками из-за опустившегося на землю холодного тумана. Теперь он сгустился и за окнами нашей не успевшей прогреться столовой. Разломав хлеб на кусочки, я глотнула вина, раздумывая, когда же я смогу вновь съесть все, что положат мне на тарелку. Я не рассказывала слугам о моем положении, даже Саре, хотя она помогала мне одеваться, однако первыми обычно все узнают кухарки. Другие слуги могли заметить, как я подкармливаю Пака, давая ему кусочки со своей тарелки, но так я поступала с тех пор, когда он был еще щенком. Моя собака становилась все упитаннее, а я, казалось, высыхала. Ричард однажды заметил, что Пак питается едва ли не лучше всех в Ланкашире.

Когда мне стало невыносимо больше даже видеть рыбы головы, я поднялась в свои покои отдохнуть. Под крышей дома, вдали от стука ножей и ложек по соусникам и тарелкам, царил тишина, уютно горел камин. Обычно я задергивала шторы, надеясь, что в полумраке головная боль пройдет быстрее, но сегодня я чувствовала себя слишком измученной и усталой, поэтому сразу же сбросила туфельки, улеглась на кровать и, положив руки на живот, устремила взгляд в окно. С утра произошло много интересных событий, но все они скрылись за мрачной туманной завесой, оставившей в моем сознании только письмо доктора. Полагаю, терзавший меня вопрос сводился к тому, кто выживет: я или наш ребенок, или оба, или никто? Если, по мнению лекаря, – а его мнение, несомненно, таково: ребенок созревает, как конский каштан в колючей зеленой скорлупе, то в итоге, созрев, он расколется. Больше всего на свете Ричард хотел наследника, и после прошлых неудач, возможно, на сей раз роды пройдут успешно... но ценой моей собственной жизни? После зачатия женщины вынашивают в себе не только жизнь, но и смерть, такова данность нашего женского бытия. Надеяться и молиться, что я не присоединюсь к усопшим, так же бессмысленно, как желать, чтобы трава стала синей.

– Неужели ты сможешь созреть и убить меня? – спросила я, устремив взгляд на свой едва округлившийся животик. – Или позволишь мне выжить? Давай мы постараемся выжить вместе?

Должно быть, я уснула, потому что, проснувшись, обнаружила возле кровати кувшин молока. Моя мать обычно говорила, что лица у самых красивых девушек округлые и бархатисто-сливочные, подобно свежему молоку. По сравнению с ними мое лицо напоминало старый выцветший пергамент. Мне вспомнилась суэта, устроенная матерью, когда Ричард впервые приехал в Бартон со своим дядей Лоренсом; не в силах успокоиться, она порхала вокруг меня, словно мотылек.

– Привлеките его внимание к вашим рукам, – тараторила она, – только не размахивайте ими, а держите изящно сложенными.

Ей не было нужды напоминать мне, что черты моего лица оставляют желать лучшего... я и сама это знала. И все-таки моя внешность не имела ни малейшего значения, мы обе знали, что моим главным достоинством было родовое имя и унаследованное благодаря ему богатство. Мать частенько говорила, что отец отличался особой прижимистостью, но когда я спрашивала, почему мы живем в холодном, продуваемом сквозняками доме и ютимся в одной спальне, она строго поджимала губы и отвечала, что старый дом лучше новых двух.

Ночью, после встречи с Ричардом, когда мы с матушкой уже улеглись спать, она спросила, понравился ли он мне.

– А это имеет значение? – раздраженно ответила я.

– Да, огромное значение для вашего счастья. Ведь вы проведете в его обществе всю свою жизнь.

«Он избавит меня от этой жалкой несчастной жизни, – подумала я, – при всем старании он не мог бы понравиться мне больше».

Мне вспомнилось его приятное молодое лицо и светло-серые глаза. В ушах его покачивались прекрасные серьги, и не менее красивые кольца поблескивали на руках, одну из которых, насколько я понимала, он протянет мне, чтобы повести в новую жизнь.

– Вы любите театр? – спросил он меня, когда мы сидели в гостиной моей матери.

Его дядя и моя мать стояли возле окна и беседовали, поглядывая на нас. Я знала, что моя мать подготовила почву для этой помолвки, но если Ричард откажется, то ничего не случится.

– Да, – солгала я, поскольку мне еще не приходилось бывать в них.

– Превосходно. Каждый год мы будем ездить в Лондон. Именно там находятся лучшие театры. Дважды в год, если пожелаете.

Разве мог не очаровать и не восхитить меня такой привлекательный молодой мужчина, к тому же обходившийся со мной как со взрослой девушкой, в отличие от всех остальных, считавших меня ребенком. Ежечасно, целыми днями я вспоминала его лицо, да и во снах он частенько радовал меня. В приходской церкви назначили дату венчания, и с того дня я с нетерпением ждала наступления каждого следующего утра и очередной ночи, поскольку они приближали меня к новой жизни. Я размышляла о том, какой я стану госпожой: доброй и разумной, раз уж мне не повезло родиться красавицей. Когда-нибудь стану матерью, обожаемой детьми и мужем. Я буду исполнять любые желания Ричарда. Буду всячески заботиться о нем, посвящу всю жизнь его счастью. Ибо он одарил меня сверх всякой меры, согласившись взять в жены, и всю оставшуюся мне жизнь, до последнего ее дня, я буду благодарна ему. Я услышала, как зашевелилась в своей кровати моя мать.

– Флитвуд, – спросила она, – вы слышите меня? Я ведь поинтересовалась: нравится ли вам Ричард?

– Наверное, понравится, – уклончиво ответила я, с улыбкой задувая свечу.

* * *

Я неловко встала на онемевшие ноги и, желая немного размяться, направилась прогуляться по большой галерее, протянувшейся вдоль фасадной стены дома. К моему удивлению, я застала там Роджера – сцепив руки за спиной, он внимательно рассматривал королевский герб над камином.

– «Бога бойтесь, царя чтите... уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему»^[5], – процитировала я по памяти текст на мантии.

– Bravo, Флитвуд. Считаю это вашим обещанием мировому судье.

– Так же говорил и Лоренс, дядя Ричарда. Мне кажется, он надеялся, что король Яков, прослышав об этом, сочтет излишней надобность личного визита.

– Разумеется, ведь Шаттлворты преданы короне. – В голосе Роджера прозвучал предостерегающий оттенок.

– Преданы, как собаки.

– И все-таки в здешних краях, – задумчиво помолчав, произнес Роджер, – требуется более впечатляющая демонстрация преданности. Но вот как ее продемонстрировать?

– По-моему, здесь скорее не хватает не преданности, а доверия. Кроме того, естественно, что король сторонится этого графства из-за здешней приверженности к старой вере.

– Да, эта часть королевства вызывает у Его Величества большую тревогу. Многие еще можно сделать и для изъявления почитания короля, и для уклонения от зла. – Он подался вперед и нахмурился. – Я заметил на королевском гербе еще одну надпись. Каково ее значение?

– «*Honi soit qui mal у pense*», – в переводе со старофранцузского это означает: «Стыд тому, кто дурно об этом подумает»^[6].

Лоб его прорезали морщины, очевидно, свидетельствуя о глубоком раздумье.

– Воистину так. Однако Лоренс так и не объяснил нам, о чем, собственно, не надо дурно думать. Вероятно, мне лучше спросить самого короля.

– Вы скоро собираетесь ко двору?

– Его Величество требует, – кивнув, ответил он, – чтобы все мировые судьи Ланкашира предоставили список подданных, не прошедших причастия в церкви.

– И с какой же целью?

– Ах, Флитвуд, вам нет нужды беспокоиться о делах придворной жизни, они едва ли затрагивают жизнь молодой дамы. Спокойно выполняйте свой долг и дарите вашему супругу много маленьких Шаттлвортов, а я буду выполнять свой долг, заботясь о безопасной жизни в Пендле.

Должно быть, на лице моем отразилось недовольство, поскольку он взглянул на меня более мягко, с приличествующей доброжелательностью.

– В общем, если уж вам так нужно знать, Его Величество еще крайне... тревожат события, произошедшие в парламенте семь лет тому назад^[7]. И, возможно, вы слышали разговоры о том, что некоторым заговорщикам тогда удалось сбежать в Ланкастершир. Необходимо сделать нечто особенное для доказательства преданности этого графства короне, поскольку в настоящее время король весьма подозрительно относится к нашему северному краю и скрывающимся у нас преступникам. Он считает нас подобными дикой звериной стае в сравнении с благородными и воспитанными южными лордами и леди. Мы здесь чертовски далеки от светского общества, и, по-моему, он побаивается нас. Однако, знаете, к чему еще он относится подозрительно?

Я недоуменно покачала головой.

– К колдовству.

Его глаза торжествующе сверкнули, и через мгновение меня осенило.

– Вы имеете в виду Элисон Дивайс?

– Если мне удастся убедить короля, – кивнув, продолжил Роджер, – что его подданным в Ланкашире угрожает то, что он ненавидит более всего, то он, вероятно, проявит к нам сочувствие и станет менее подозрительным. Если я позабочусь об устранении, скажем так, дурной крови, то это, скорее всего, благоприятно скажется на развитии и процветании нашего графства и мы сможем вернуть себе добрую репутацию в королевстве.

– Но нельзя же сравнивать католиков с ведьмами. Первых у нас много, а вторых мало.

– Больше, чем вы думаете, – просто ответил Роджер, – кроме того, сам король считает их одинаково опасными.

– Ну, по-моему, вряд ли королю стоит беспокоиться о том, что мы тут запасаем порох. У нас для этого слишком сыро, – заметила я, вызвав смех Роджера.

И тогда я подумала, что вряд ли мне стоит сообщать Роджеру о спрятанном мною письме. А может быть, ему и так уже известно о заключении доктора?

– Но где же Ричард? – меняя тему, спросила я.

– У него какие-то дела с управляющим, а потом он собирался показать мне своего нового сокола и проводить до Рид-холла. Не желаете ли присоединиться к нам?

– Он проводит с этой птицей больше времени, чем со мной. Нет уж, благодарю покорно. Но не могли бы вы передать ему, чтобы он пригласил к нам портного. Мне нужно заказать несколько новых платьев.

Мы как раз успели подняться на верхнюю площадку лестницы и прошли мимо входа в мои покои.

– В плане нарядов вы с моей Кэтрин равно убедительны, – усмехнувшись, заметил Роджер, – однако, все же ни одной из вас не сравниться с Ричардом. У него самая большая коллекция одежды, не считая, конечно, королевского гардероба. – Он помедлил на лестничной клетке. – Не собираетесь ли вы в скором времени заехать к нам повидать Кэтрин? Она частенько спрашивает о вас и ваших последних модных приобретениях. Ее чертовски интересует, что носят нынче молодые дамы.

Я улыбнулась с легким поклоном, и Роджер начал спускаться с моей башни по винтовой лестнице, но прежде чем он исчез из виду, я окликнула его, испытав вдруг отчаянную потребность в том, чтобы он по-отечески обнял меня. От него, безусловно, исходил своеобразный отцовский запах,

по крайней мере так мне представлялось, – древесного дыма, конской гривы и табака. Он остановился, поджидая меня возле портрета, запечатлевшего меня в детстве рядом с моей матерью – именно эту картину мне не захотелось повесить ни в большой галерее, ни в одной из других парадных комнат. Меня как раз устраивало, что здесь, на лестнице, перед ним никто не задерживался надолго и, проходя дальше, гости зачастую уже забывали о нем на следующем этаже. На этом портрете, высотой примерно с мой рост, господствовала моя мать в ярко-красном платье с широким воротником. Меня же изобразили в левом нижнем углу; устремленная ко мне рука матери словно торопила меня выйти из рамы. На моей руке сидит маленькая черная ласточка, что обессмертило эту мою домашнюю любимицу, которая жила в клетке в моей комнате. Мне до сих пор вспоминается, как меня усадили в большом зале Бартона, заставив молча и тоскливо позировать для этого портрета, и как тот художник с заостренным лицом и перепачканными красками пальцами, видимо, от усердия то и дело высовывал свой темный, точно змеиный, кончик языка.

– Роджер... – Мой голос сорвался и замер в горле. – Как вы думаете, выживет ли Джон Лоу?

– Не волнуйтесь, – сказал Роджер, – о нем позаботится сын.

Возвращаясь к себе, я задумалась, как Роджеру спится в одном доме с ведьмой, и решила, что сон его крепок и здоров.

* * *

На случай необходимости я спрятала под кроватью горшок, накрыв его салфеткой, но, войдя в нашу спальню, Ричард все-таки вздрогнул, заметив его. Я лежала в ночной рубашке, ослабевшая и опустошенная, а ко дну этого сосуда прилип кусочек щуки, съеденной мной за ужином. Вздохнув, Ричард опустил на колени рядом со мной.

– Вам не становится лучше? Вы ведь почти ничего не ели. Как же мне хочется, чтобы у вас все наладилось.

Я обтянула ночной рубашкой легкую округлость моего живота. Ричард заметил его и мягко приложил ладонь к этой выпуклости. Я покрутила его золотое кольцо, он никогда не снимал с пальца этот подарок отца. Мне до сих пор не удалось решить, что же хуже: мои тошнотворные недомогания или сомнения в том, не скрывает ли от меня муж ужасную правду. Сегодня вечером, когда я сидела в своем будуаре в компании весело потрескивающих свечей, меня вдруг осенило: разумеется, Ричарду более

дорога жизнь ребенка, чем моя. Могло ли быть иначе, ведь мужчине крайне важно оставить после себя наследника?

– Ричард, что будет, – спросила я, – если мне не суждено подарить вам наследника?

Мне вспомнились истории королевских жен, сложивших головы на плахе. Что же предпочтительнее: уйти мучительно и тяжело, корчась в пропитанной кровью постели, или чинно и смиренно, облачившись в свое лучшее платье? Бракоразводный процесс мог затянуться на десятилетия, но само это понятие так же страшно, как смерть.

– Даже не думайте об этом. На сей раз все будет в порядке... Господь будет добр к нам. И мы пригласим самую лучшую акушерку.

– В прошлый раз к нам уже приходила акушерка; но даже с ее помощью он родился мертвым.

Поднявшись с колен, Ричард начал раздеваться, отблески свечей играли на его пуговицах, потом переместились на обнаженное тело. Я смотрела, как он облачился в свою ночную рубашку и, подойдя ко мне, завладел моей холодной рукой, розовой на фоне его смуглой кожи. Его голос звучал спокойно, но лицо выглядело обеспокоенным.

– До тех пор пока вам не станет лучше, я буду спать в гардеробной.

– Нет! Ричард, пожалуйста, – взмолилась я, внутренне сжавшись, – со мной все в порядке. Меня больше не будет тошнить. И я прикажу горничной унести этот горшок.

Я попыталась слезть с кровати, но Ричард остановил меня.

– Я ведь буду всего лишь в соседней комнате, пока вам не станет лучше, что случится уже очень скоро...

– Ричард, не уходите. Пожалуйста. Мне не нравится спать одной, вы же знаете, я не могу... из-за того ночного кошмара.

Иногда я просыпалась ночью, взмокшая от пота и ослепленная ужасом, и он обычно обнимал меня и успокаивал, пока я не переставала дрожать. Кошмар снился мне всего несколько раз в год, но Ричард понимал, что мне будет жутко страшно, если его не будет рядом.

– Умоляю, не надо спать в гардеробной. Пожалуйста, останьтесь со мной. Мне страшно.

Однако он поцеловал меня в лоб и со страдальческим видом удалился, держа на вытянутой руке испачканный ночной горшок.

Я улеглась в кровать, чувствуя, как слезы обожгли мои глаза. Он поступил так впервые за все годы нашей семейной жизни. После свадьбы, когда мы жили в доме на Стрэнде, я не могла уснуть из-за жуткого шума за окнами. Я впервые попала в Лондон, и вся жизнь в нем казалась мне

совершенно новой – я никогда не видела такого скопления карет и людей, не слышала истошных криков причаливающих к берегу лодочников или оглушительно громкого колокольного звона. Ричарду приходилось сидеть рядом со мной по ночам, читая или рисуя или просто тихо лежа в постели и поглаживая меня по голове. Когда стало холоднее, мы переехали южнее, в Ислингтон, ближе к природе и широким небесам, и я заявила, что уже привыкла к шуму Стрэнда и теперь не смогу заснуть из-за окружающей тишины. Он рассмеялся и сказал, что я оказалась слишком капризной, и теперь ему остается лишь создать мне в качестве колыбельной шумовое сопровождение. Вечер за вечером, когда мы гасили свечи и я начинала засыпать, он принимался ржать, как лошадь, или кричать, подражая воплям точильщиков ножей, или торговцев углем, притворно ругаясь, что обжег руки. Никогда в жизни я еще так много не смеялась. Однажды, когда за окном шел снег и огонь в камине начинал гаснуть, я попросила его показать, что он нарисовал в моем альбоме. Он предложил мне подождать, пока закончит. Я смотрела, как он рисовал, его лицо выглядело напряженно сосредоточенным, руки быстро двигались над листом, еле слышно касаясь бумаги. Когда же он повернул лист ко мне, я увидела свой портрет. В красивой шляпке с полями, платье с изысканным гофрированным воротником и в изящных испанских туфельках. Мои плечи окутывал плащ, он ниспадал волнами, уходящими за края листа, закрепленного парижскими кнопками. Плотная ткань выглядела почти как настоящая.

– Какого он цвета? – прошептала я, касаясь кончиками пальцев волнистых очертаний.

– Плащ из узорчатого атласа и оранжевой шерсти, – горделиво пояснил он, – завтра же закажу такой для вас. Вы наденете его, когда мы отправимся домой. В Готорп-холл.

Никто прежде не делал для меня ничего подобного. Когда зима закончилась, мы приехали в этот совершенно новый особняк, где, как и говорил Ричард, еще никто не жил. Путешествие заняло девять дней, и всю дорогу я думала лишь о том, что приеду в Ланкашир, как и подобает госпоже Шаттлворт, в таких шикарных нарядах, каких еще не видела в этих краях ни одна живая душа. Для себя Ричард тоже придумал особый наряд и выглядел прекрасно и мужественно с кинжалом и шпагой на боку. Когда мы подъехали ближе к нашему новому дому, то увидели выстроившихся по обеим сторонам дороги жителей, все улыбались и приветливо махали нам. Но со временем эти воспоминания потускнели, и я уже видела только двух детей в охотничьих костюмчиках...

Я задула свечу и прислушалась к звукам из соседней комнаты.

Впервые за время нашей семейной жизни в этом доме я спала одна.

* * *

На следующее утро Ричард предпочел не будить меня и один спустился на завтрак в столовую. Он читал письма, а я сидела напротив, пытаюсь прожевать и успешно проглотить кусочек хлеба с медом. Я видела, как морщится или проясняется в процессе чтения его лицо, но ни о чем не спрашивала. Пока слуги сновали туда-сюда по столовой, я размышляла, кто мог знать о выдвижной кровати и приготовил свежее белье в смежной с нашей спальней гардеробной. Словно отвечая на мой мысленный вопрос, одна из кухонных служанок, перехватив мой взгляд, поспешно отвела глаза, кончики ее ушей покраснели. Я похолодела, вдруг осознав, что не в состоянии ничего съесть, не могу даже высказать свои пожелания, поэтому, как трусиха, удалилась в большую галерею и, бродя там из конца в конец, молилась в надежде, что Господь пошлет мне знак свыше. За окном маячили деревья под голубыми небесами, и мне отчаянно захотелось, избавившись от навязчивых мыслей, вырваться на свободу.

Много позже я нашла Ричарда в большом зале, он сидел там вместе с Джеймсом, нашим управляющим, и перед ними лежал раскрытый хозяйственный гроссбух. Бухгалтерская книга Готорпа считалась в нашем доме столь же важной, как и королевская Библия: любые наши покупки, каждый оплаченный нами счет и все товары, поступавшие к нам или увозимые из Готорпа, будь то колеса, верховые лошади или закатанные бочки, все записывалось на его толстых страницах безупречно аккуратным почерком Джеймса. Латные доспехи, декоративные ткани и прочие пустяки, типа отделанных кружевом воротников и носовых платков, на которые Ричард любил тратить деньги, фиксировались в этих чернильных записях, так же, как и любые повседневные товары: чулки для слуг или винные пробки. Однако, как и я, Ричард мало интересовался хозяйственными делами, предпочитая поручать их слугам, поэтому, когда я зашла к ним, он уже проявлял явное нетерпение; разговоры о земельных налогах и прибылях быстро утомляли его. Словно напоминая о необходимости серьезного отношения к делам поместья со стены взирал на них печальный портрет его дяди, досточтимого Лоренса, со священными словами, начертанными на оплечье: «Смерть есть путь к жизни».

– Ричард? – произнесла я, подавив укол страха.

Он тут же поднял голову, радуясь возможности отвлечься от дел. И

тогда одновременно произошли два события: Джеймс быстро перевернул страницу книги, открыв чистый лист, несмотря на то что предыдущая страница была заполнена только наполовину, и я заметила, что Ричард одет в дорожный костюм.

– Вы собираетесь уезжать?

– В Ланкастер. Выеду сегодня к вечеру.

– Ах... неужели из-за тех писем, что вы читали утром?

– Нет, я получил лишь новости от сестер из Лондона. Обычно они обе посылают мне по письму, хотя содержание их одинаково – каждая из них описывает одних и тех же знакомых, одни и те же пьесы и свежайшие новости о жертвах скандалов. Но, по крайней мере, в столице у них больше развлечений, чем в Форсетте с нашей матушкой; полагаю, что им решительно не захочется возвращаться в Йоркшир. А вам что-то нужно от меня?

«Да, мне нужны вы», – мысленно призналась я себе.

В зале повисла звенящая тишина. Перо в руке Джеймса подрагивало, его чернильный кончик жаждал продолжить записи.

Мне хотелось сказать: «Не уезжайте», но вместо этого я спросила:

– И как поживают ваши милые сестры?

– Элинор намекает на какое-то волнующее событие, но Энн, очевидно, оно ничуть не волнует.

– Возможно, она обручилась.

– Вряд ли в таком случае Элинор выразилась бы столь уклончиво.

– Тогда, может, она надеется обручиться.

Джеймс многозначительно откашлялся.

– А я сегодня собираюсь в Падихам к миссис Кендалл за бельем. Вам нужно что-нибудь из ее ассортимента?

– Почему бы вам не отправить к ней кого-то из слуг?

– Они не сумеют выбрать то, что нужно.

– А вы достаточно хорошо себя чувствуете?

Серые глаза Лоренса взирали на меня из своей тяжелой рамы. «Смерть есть путь к жизни».

– Да.

Мне не хотелось, чтобы Ричард уезжал; вечно он повсюду разъезжает, а я, как всегда, торчу дома.

– Когда же вы вернетесь?

– Буквально через пару дней. Хотите, чтобы я заглянул в Бартон по дороге?

– Зачем? Моя мать там больше не живет; теперь в нашем пустом доме

обитают только мыши.

– Надо почаще проверять, все ли там в порядке.

Джеймс засопел и выразительно сменил позу. Я посягала на ценное время его господина. Возможно, поэтому Ричард решил уделить мне должное внимание и, подойдя ко мне, спросил, слегка коснувшись моего подбородка и приподняв к себе мое лицо:

– А как вы думаете, сможем ли мы с вами в скором времени отправиться в Лондон? Письма Элинон и Энн напомнили мне, как я соскучился по столичной жизни. Там мы сможем найти для вас наилучших акушеров и походим по театрам... Господь свидетель, как мы изголодались по развлечениям в этих северных краях. Нашему унылому особняку не помешало бы немного радости. Джеймс, разузнайте, нет ли поблизости каких-нибудь бродячих актеров, может, они согласятся выступить у нас. Или пошлите кого-нибудь из слуг.

Он обнял меня за талию одной рукой, а другой взял мою руку, словно мы собрались танцевать. Пак направился к нам, издав любопытное ворчание.

– В ином случае мне придется обучить Пака медвежьим пляскам. Смотрите!

Он отпустил меня и поднял собаку за мощные передние лапы, положив их в себе на плечи, так что гигантская собачья голова оказалась на одном уровне с лицом Ричарда. Я невольно улыбнулась, когда они начали неуклюжий танец, Пак вывалил из пасти язык, с трудом перемещаясь на задних лапах по каменным плитам пола, куда в итоге и опустился далеко не грациозно на все четыре конечности. И мгновенно побежал ко мне за вознаграждающим поглаживанием.

– Бесталанное создание. Нам с ним придется изрядно порепетировать перед представлением, – пошутил Ричард.

Он оставил меня с Джеймсом, а Джеймса с их незаконченными делами. Я понимала, что не единственная среди домочадцев оставалась брошенной, когда у моего супруга появлялось дорожное настроение. Я смотрела ему вслед, еще чувствуя на своей щеке легкий поцелуй, а на плечах – тяжеленный, как мокрый плащ, груз семейной жизни.

Глава 4

Я слышала, что знахарки могли приготовить снадобье, от чашки которого у женщин случалось кровотечение, и их животы опять становились плоскими. Но, если одни травы и снадобья способствовали преждевременному выходу ребенка, то не могли ли другие помочь ему остаться в животе, помочь ему выжить? К сожалению, я слышала лишь обрывки разговоров, но слуги тут же прекращали их, увидев, что я тихо сижу в соседней комнате, или замечала, заходя в ту или другую столовую, как все тут же поджимало губы и быстро меняли тему разговора на более пристойную. Жаль, что у меня не было подруги, с которой я могла бы посоветоваться; едва ли мне самой уместно спрашивать об этом в аптечной лавке.

Поездка из Готорпа в Падихам проходила по радующей глаз светлой дороге с привольно растущими деревьями. День выдался ясный и прохладный, и я порадовалась тому, что надела толстый шерстяной плащ. Привязав около одежной лавки свою лошадь, я погладила ее угольно-черную гриву и отправилась за покупками.

– Доброе утро, госпожа, – приветствовала меня череда простых и незнакомых лиц проходящих мимо селян.

Отвечая на приветствия, я замечала, как жадно они разглядывают меня от шляпки до перчаток. Увы, пройти незамеченной было невозможно.

Я помедлила перед дверью в аптеку, представив на мгновение, как вхожу в эту сумрачную маленькую лавку, наполненную множеством ароматов, миниатюрных пузырьков и висящих на стенах трав. Вполне возможно, что какие-то травы могут избавить беременных женщин от недомоганий и предотвратить выкидыш. Могут даже предотвратить мою смерть. Но аптекари и знахари говорили на другом, неведомом мне, языке.

Я заказала белье и ткани в одежной лавке миссис Кеңдалл, и мне показалось, что ее сообразительные глазки скользнули вниз по моей груди. Видя взгляды сельских жителей, нелегко было понять, то ли они подозревали, что вы беременны, то ли восхищались вашими пуговицами.

Я представила, как шепотом спрашиваю миссис Кеңдалл, не знает ли она какую-нибудь знахарку. Несомненно, осознав конфиденциальность вопроса, она могла склониться ко мне, прижавшись своим округлым животом к прилавку.

«А для чего вам, госпожа?» – наверное, озадаченно спросила бы она.

«Чтобы помочь мне родить ребенка».

«Для этого вам достаточно спать с мужем!»

И она шлепнула бы своими красными руками по переднику, не сдерживая хохота, от которого по ее щекам наверняка заструились бы слезы.

И, разумеется, об этом тут же узнали бы все селяне и наши домашние слуги, а они, в свой черед, сообщили бы, что их господин покинул мою спальню после пяти лет семейной жизни. Нет, так просто спрашивать нельзя.

Выехав на лошади из городка, я решила вернуться домой напрямик через лес. На природе мне легче думалось, чем в доме, где в отсутствие Ричарда становилось слишком тихо. Поначалу размеры и тишина Готорпа пугали меня. Я постоянно ходила за Ричардом, и он даже прозвал меня своим маленьким призрачным видением.

Полагаю, если бы я вела себя более уверенно, мисс Фонбрейк никогда не появилась бы в нашем доме. Однажды, весенним утром, Ричард позвал меня в зал, и я увидела широкую спину ее крупной фигуры, женщина стояла у камина, но тут же развернулась и уставилась на меня своими тусклыми, безучастными глазами, к тому же слишком широко, как у рыбы, расставленными. Лет на десять, а то и больше старше меня, она выглядела на редкость отвратительно – слишком мятый воротник явно нуждался в крахмале, а платье так плотно обтягивало ее пышные формы, что, казалось, вот-вот треснет по швам. Даже имя никак не вязалось с ее обликом: «Мисс Фонбрейк»^[8] – так могли бы звать игривую и веселую молодую красотку, но она являла собой полную ей противоположность. Но больше всего меня испугало и расстроило то, что она стояла рядом с Ричардом с таким самоуверенным видом, словно всю свою жизнь прожила в Готорпе. Ричард говорил, что подыскал для меня горничную, которая станет моей компаньонкой. Волна ужаса окатила меня с макушки до пят, когда он добавил, что у меня, подобно придворной даме, появятся камеристки, обязанные читать, музицировать или играть со мной. В кротком смирении я могла лишь безмолвно взирать на ее крупные, терпеливо сложенные розовые и сухие, как сырокопченая ветчина, руки и на толстые запястья, слишком далеко вылезавшие из коротких рукавов. Ричард знал, что я давно не музицирую и не совершенствую свои познания в латинском языке; разве он не знал, что мне больше нравились охотничьи вылазки и прогулки с собакой?

К тому времени я потеряла нашего первого ребенка, но это было еще хуже. Готовая расплакаться, я убежала в столовую, куда Ричард последовал

за мной, оставив мисс Фонбрейк массировать свои пухлые пальцы.

– Ричард, я не нуждаюсь в няньке, – срывающимся голосом заявила я.

– Вы предпочитаете одиночество? Флитвуд, вы же говорили, что вас пугают доспехи и латы.

– Больше не пугают. – Жгучие соленые слезы стекали по моим щекам, и я заплакала, как ребенок, каким, в сущности, еще и была.

Увы, мой муж не видел во мне хозяйку этого дома.

– Ричард, я уже не ребенок, – всхлипывая, простионала я.

Если бы только сейчас я могла обратиться к той испуганной девочке, то опустилась бы рядом с ней на турецкий ковер и согрела ее холодные ручки. Если бы только я смогла поступить так в те первые годы, то сообщила бы ей, что дальше будет еще хуже, и лишь лет через пять будет лучше, но лучше будет обязательно. Полно, не обманываю ли я саму себя?

Меня до сих пор тошнило при воспоминании о грубых розовых руках и одутловатом, рябом лице мисс Фонбрейк. Она прожила с нами восемь месяцев, и за то время я потеряла двух детей, одного за другим. Когда у меня началось кровотечение и я умоляла ее ничего не говорить Ричарду, она демонстративно удалилась из комнаты, отправившись с докладом к своему хозяину. Тут же прибежав наверх, Ричард увидел, как я лежала, сжавшись на кровати, и корчилась от приступов нестерпимой боли. Мне не хотелось, чтобы он видел, что я настолько не способна выносить ребенка, словно сам малыш не хотел, чтобы я стала его мамой. Первый выкидыш случился еще до прибытия мисс Фонбрейк, когда мы прогуливались по большой галерее, обсуждая заказ наших портретов, и тогда я вдруг почувствовала странную тянущую тяжесть в животе и подумала, что у меня разорвались внутренности. Я понятия не имела, что произошло, даже не догадывалась, что у меня мог быть ребенок, а Ричард заботливо уложил меня в постель, обмыл теплыми салфетками и накормил бульоном и марципаном. Он выглядел печальным, однако радовался, что нам удалось зачать ребенка.

– К Святкам у нас родится малыш! – с улыбкой воскликнул он, и я тоже слабо улыбнулась в ответ, поверив его словам.

Та боль быстро забылась, остались лишь чистая печаль и наша любовь. Но потом появилась мисс Фонбрейк, и на сей раз боль стала намного сильнее, усугубилась и печаль, но тяжелее всего было ощущение вины.

Третий выкидыш стал самым ужасным. Ричард был в отъезде, и я играла на лужайке около дома с Паком, кружась вместе с ним и держа конец палки, которую он сжимал в зубах. К тому времени мой живот

заметно вырос, словно я проглотила шар. На нем появилась темная полоска, и в своей наивности я подумала, что именно там моя кожа разделится и оттуда появится готовый ребенок. В тот день я несколько раз падала, испачкалась в грязи и промокла, но мы славно веселились, и игривый Пак все прыгал вокруг меня, вылизывая мне щеки. Помню, смех замер в моем горле, когда я увидела, что мисс Фонбрейк следит за мной из окна столовой. С того дня я надолго лишилась радости, поскольку в тот же вечер во время переодевания ко сну у меня снова начались боли и не прекращались три дня. Приехал доктор, Ричард вернулся из Йоркшира, и в размытом, помраченном сознании мне помнилось лишь ощущение какой-то потери, и повитуха, державшая за ноги какое-то существо, похожее на белого кролика. Две недели я не вставала с постели, а мисс Фонбрейк постоянно маячила в углу злобной тенью. Однажды она исчезла и вернулась с Ричардом, и тогда он впервые за всю нашу семейную жизнь вдруг повысил на меня голос.

– Зачем это вы катались по лужайке, как собака? И позволяли Паку прыгать на вас? Флитвуд, похоже, вы упорно продолжаете вести себя как дитя и вас совершенно не привлекает перспектива материнства.

С тем же успехом он мог назвать меня убийцей. Если бы рядом с моим нетронутым хлебом лежал нож или поблизости нашлась раскаленная каминная кочерга, я всадила бы ее в объемистую грудь мисс Фонбрейк и подтвердила его правоту. Однажды, все-таки заметив, какие жуткие страсти она пробуждает во мне и как я скрежещу зубами, когда она входит в мою комнату, Ричард наконец решил избавиться от нее, сочтя, что как раз ее присутствие способствовало выкидышу. Я не думала, что он полностью прав, но отчасти, по-моему, его мнение было справедливо. Ведь я приходила в ужас всякий раз, когда ее физиономия возникала в дверях, когда она приходила по утрам одевать меня, и я просто терпеть не могла ее тихие, тайные разговоры, которые она вела с моим мужем или со слугами. Я даже не успевала рассказать Ричарду, как провела день, поскольку она первая обо всем ему докладывала; она летела вперед меня встречать его у дверей и заботливо забирала его плащ. Если бы она могла выносить для него ребенка, то, несомненно, выносила бы. В тот вечер Ричард уволил ее, а я обнаружила под своей подушкой дерьмо Пака, выкопанное из земли и принесенное на четвертый этаж ее обветренными, толстыми руками. Никогда больше я не захочу обзавестись подобной «компаньонкой»; житье с ней было подобно постоянному общению с ненавидящей меня сестрой.

На полпути к дому из Падихама ровный, ритмичный ход моей лошади внезапно сбился, она задрожала и встала как вкопанная, и не успела я даже

осознать, что случилось, как она начала пятиться и вставать на дыбы, дико фыркая и вращая глазами. Окруженная деревьями, слыша лишь шорох опавшей листвы, я поначалу не поняла, что так напугало животное. Потом мой взгляд привлекло какое-то движение впереди. Ярдах в десяти от нас в напряженной позе стояла рыжая лисица с блестящим мехом, крупная, почти как молодой олень. Лишь мгновение у меня оставалось, чтобы разглядеть ее заостренную морду, гладкую спину и застывший в напряжении пышный хвост. Мне запомнилось, что перед падением я еще подумала о ее странном равнодушии к нашему появлению, словно мы нарушили какую-то ее глубокую задумчивость. Последним, что я увидела перед тем, как лошадь опять встала на дыбы, был укоризненный взгляд золотистых глаз лисицы. Я с шумом упала с лошади, приземлившись на левое запястье и испытав сразу несколько ощущений: боль в руке, влажность земли подо мной и нарастающее осознание того, что меня могут растоптать лошадиные копыта. Жутко перепуганная лошадь, взбрыкивая и молотя в воздухе копытами, с диким ржанием носилась вокруг меня по полянке. Положив здоровую руку на живот, я попыталась успокоить лошадь, но она продолжала метаться, ее бока блестели от испарины. Жгучая пульсирующая боль пронзала мое запястье, к горлу подступила тошнота. Я попыталась подняться и вскрикнула от острой боли. В двух или трех ярдах от меня лежало поваленное дерево, и я попыталась поползти до него, опираясь на локти.

– Чертова лисица, – проворчала я, – и кобыла не лучше, тупая, как ослица.

– Не двигайтесь.

Из-за деревьев вышла женщина. Я сразу узнала ее – именно эту странную девушку я встретила в лесу на днях. Медленно подходя с вытянутыми руками к бесившемуся животному, она не произнесла ни слова, даже не цокнула языком, но ее приближение, уверенный пристальный взгляд и поступь произвели мощное укрощающее воздействие. Кобыла перестала дергаться и послушно остановилась, вращая темными глазами. Пока девушка удерживала в неподвижности разгоряченное животное, я разглядывала ее золотистые волнистые волосы, выбившиеся из-под чепца, ее удлиненное сосредоточенное лицо. Ее тонкие руки выглядели не изящными, а скорее костлявыми.

Я опять сделала попытку подняться на ноги и передернулась от острой боли в запястье.

– Не двигайтесь, – вновь произнесла она тихим, мелодичным голосом, разнесшимся, как солнечный луч, по всей полянке.

На ней было то же потрепанное платье и тот же шерстяной чепец. Она опустилась рядом со мной на колени, и, несмотря на ее грязные с виду одежды, я почувствовала лишь запах лаванды. Я скрипнула зубами от боли, когда ее длинные белые пальцы осторожно ощупали мое запястье. Оставив мою руку в покое, она окинула взглядом ближайшее дерево, встала и отломилла короткую веточку от нижней ветви. Лес вокруг нас шелестел и подрагивал, и у меня мелькнула мысль, не собирается ли она ударить меня этой веткой. Однако, вновь опустившись на колени, она оторвала полоску ткани от своего грязного передника и, примотав ветку к моему запястью, туго завязала полоски в трех местах.

– Легкое растяжение, – сообщила она мне, – ничего не сломано.

– А что ты здесь делаешь? – спросила я, не найдя более уместного вопроса, словно завороченная пытливым взглядом ее янтарных глаз. – Почему бродишь по лесу одна?

– А вы почему? – ответила она.

Здоровой рукой я ощупала живот, пытаюсь понять, все ли в порядке. Ее взгляд переместился за моей рукой к животу, скрытому под складками бархата и парчи, потом она окинула беглым взглядом мое лицо: пересохшие губы, покрасневшие глаза и посеревшую бледную кожу.

И точно почувствовав исходящий от меня запах тошноты, сказала:

– Вы ждете ребенка.

Мое зрение вдруг затуманилось, деревья закачались, и как будто в ответ на ее слова, я склонилась к корням дерева и рассталась с заполнившей рот противной рвотной массой. Лицо мое покрылось потом, и я стерла его дрожащей испачканной рукой.

– Вы живете у реки в большом доме? – спросила она.

– Как ты узнала?

– Вы сами сказали мне в прошлый раз. Я помогу вам добраться до дома, госпожа...

– Шаттлворт. Но в этом нет никакой необходимости.

– Вы ослабели и не сможете сами забраться на лошадь. Сейчас я приведу ее.

– Мне не хочется больше садиться на эту глупую упрямыцу.

– Надо. Так будет лучше.

Подведя ко мне лошадь, она сцепила ладони, подставив их мне под ногу, и я с трудом забралась в седло. Мои грязные, промокшие юбки испачкали ее, но она не выглядела огорченной, и я, неохотно поцокав языком, тронула пятками бока лошади. Медленным шагом мы тронулись в путь.

Весна вступала в свои права, на деревьях уже лопнули почки, и скоро они гордо зазеленеют, точно лесная кавалерия в зеленых мундирах, хотя последние зимние ветра еще покусывали морозом их стволы и сотрясали ветви. Мне вдруг пришло в голову, что эти набухшие в почках зеленые листочки наслаждаются отпущенной им краткой жизнью, скоро им суждено покраснеть, засохнуть и упасть на землю лиственным покровом, хотя я, возможно, этого уже не увижу. Я прикрыла глаза и продолжили путь в спокойном молчании.

– Спасибо за помощь, – немного погодя, сказала я, – к тому времени, когда моему мужу удалось бы отыскать меня, я могла уже погибнуть под копытами.

– У вас есть муж?

– Ричард Шаттлворт. А где ты живешь?

Помедлив, она назвала деревню, расположенную в нескольких милях к северо-востоку.

– Колн не так уж близко. Что вновь привело тебя в наше поместье?

Мой голос прозвучал отчасти недовольно. Я еще не забыла тушки растерзанных кроликов, безжизненно покачивавшихся в ее испачканных кровью руках.

– Так здесь тоже ваши владения? Я не знала.

– А если бы ты не забрела сюда, вероятно, я не дожила бы до того, чтобы рассказать столь жалостливую историю.

Мы продолжили двигаться в более дружеском молчании, я верхом на лошади, она на своих двоих. Лишь позднее я удивилась, откуда она знала, как выйти из того густого, холмистого леса, где было не видно никаких тропинок. Но я позволила ей вести меня, даже лошадь с облегчением послушно шла за ней в поводу. В запястье пульсировала боль, во рту еще оставался противный вкус кислоты.

– Вам бывает дурно из-за ребенка? – спросила она.

– Постоянно.

– Я могла бы вам помочь.

– Правда? Ты знаешь рецепты снадобий?

– Я повитуха.

Мое сердце забилося чуть быстрее, и я напряженно выпрямилась.

– Ты помогаешь родиться детям живыми? А женщины... они тоже выживают?

– Я делаю все, что могу.

Я услышала не то, что хотела, и опять вяло расслабилась, тоскливое облако скрыло лучик надежды. Мы немного помолчали, а потом я

спросила, есть ли у нее свои дети. И меня удивило, как она восприняла мой простой вопрос. Ее лицо на мгновение сморщилось – может, от огорчения? – и она быстро опустила глаза. А ее рука с такой силой сжала поводья, что побелели костяшки пальцев. Мой вопрос явно расстроил ее. «Вечно я умудряюсь ляпнуть что-то неуместное», – устыдившись, подумала я.

После затянувшейся паузы она ответила отрицательно, но так тихо, что я едва расслышала ее ответ.

Мне взгрустнулось. Не имея ни подруг, ни сестер, я не знала, как общаться со сверстницами. Элинон и Энн Шаттлворт были близки мне по возрасту, но я с трудом выносила больше двух дней их жеманной поверхностной болтовни. Эта незнакомка вела себя вежливо, как и подобает вести себя с богатой дамой бедной деревенской девушке. Но мне внезапно впервые в жизни захотелось поговорить хоть с какой-то молодой женщиной запросто, на равных, сидя, к примеру, за карточным столом или прогуливаясь вместе верхом на лошадях.

– Я вдруг подумала, – как можно веселее и беспечнее заявила я, – что еще не знаю, как зовут мою спасительницу.

– Алиса Грей, – ответила она и, помедлив, добавила: – Не выживают женщины... только если я не в силах помочь им. И я понимаю это, взглянув на них.

– А как же ты это понимаешь? – подавляя волнение, спросила я.

Алиса Грей задумчиво помолчала, обдумывая ответ.

– По их глазам. В них таится... какая-то запредельная даль. Вы замечали, как меркнет дневной свет?

Я кивнула, удивившись, какое отношение могут иметь сумерки к деторождению.

– Свет и мрак равнозначны по силе – соучастники, можно сказать, – и бывает момент, краткий и покойный, когда можно увидеть, как день уступает права ночи. Тогда-то я и узнаю все. Просто так получается.

Я едва не брякнула, что она говорит как ведьма.

– Вы думаете, что у меня слишком богатая фантазия? – спросила она, ошибочно истолковав мое молчание.

– Нет, я понимаю. Смерть неизбежна, как тьма.

– Верно.

Уже не первый раз я подумала, что эта тьма подобна помрачению зрения. По-моему, я уже бывала близка к ней, только боль привязывала меня к земле. Рассеянно глядя на тусклый чепец Алисы Грей, маячивший рядом с плечом моей лошади, я представила, как рассказываю ей о письме

доктора. Но, как и раньше в случае с Ричардом, не смогла произнести ни слова.

– По-моему, ты слишком молода для повитухи, – вяло заметила я.

– Я училась этому ремеслу у матери. Она была повитухой. На самом деле самой лучшей повитухой.

Воспоминание о письме доктора вновь сдавило мое горло, и я ослабила здоровой рукой завязки испачканного воротника.

– Вот ты говорила, что видишь по глазам, выживет ли женщина с ребенком, – сказала я, – а ты когда-нибудь ошибалась?

– Бывало, – ответила Алиса, но я почувствовала, что она солгала.

Раньше она говорила ярко и убедительно, а теперь ее настроение вдруг изменилось, словно она предпочла отгородиться от меня незримой завесой. Не поворачиваясь, я искоса взглянула на нее с пристальным вниманием. Красивой ее не назовешь, но лицу ее была присуща какая-то особая живость, привлекавшая взгляд: длинный нос, умные, пытливые глаза, руки, способные дать жизнь ребенку. Она быстро становилась одной из самых интересных моих знакомых.

Вновь разволновавшись, я покрепче сжала вожжи, словно именно они связывали меня с этой жизнью.

– А что ты видишь, глядя на меня?

Алиса Грей быстро взглянула на меня своими янтарными глазами и, помедлив, опустила голову.

* * *

Когда мы прибыли в Готорп, слуги жутко засуетились, помогая мне спешиться и сопровождая в прихожую. Оказавшись на земле, я поискала взглядом Ричарда среди собравшейся на крыльце группы домочадцев и среди лиц, припавших к окнам. «Но, разумеется, – апатично подумала я, – он еще не вернулся, позволяя слугам помочь мне, точно старой герцогине, подняться на крыльцо». Несмотря на суматоху, я вспомнила об Алисе и резко отвела руку горничной, попытавшейся отвязать грубо наложенную шину.

– Нет, Сара, пусть повязка останется! – воскликнула я, умудрившись, как обычно, произнести это скорее сердито, чем вежливо.

Наверное, домочадцы считали меня жутко капризной. Поначалу, целый год я вообще не осмеливалась никому ничего приказывать – некоторые из слуг были старше меня лет на сорок и даже на пятьдесят. Однажды, лет в

четырнадцать, я чистила в конюшне свою лошадь и услышала, как один из помощников конюха назвал меня замужней малолеткой. До самых сумерек, сгорая от стыда, я пряталась там, опасаясь, что они увидят меня и догадаются, что я все слышала. И когда Ричард спросил, где же я пропадала так долго, я все ему рассказала, подавляя жгучие слезы, а через час того парнишку уволили.

Сара покорно выпустила мою руку, но по ее глазам я успела прочесть, что она уже придумала очередную историю для слуг в буфетной. Именно тогда я заметила, что Алиса уже начала спускаться с крыльца, почти скрывшись из поля моего зрения. Я окликнула ее из темной, разделенной множеством проходов прихожей, и она помедлила, остановившись за освещенным дневным светом дверным проемом. Слуги дружно притихли, разглядывая девушку с откровенным любопытством.

– Зайдешь перекусить?

Осознавая, что стала центром всеобщего внимания, я прочистила горло, чувствуя, как начинают гореть уши.

Алиса задумчиво посмотрела на меня, словно пытаюсь решить, расценивать мои слова как приглашение или как приказ. Но Сара, нетерпеливо охнув, решила все за нее и, быстро втащив девушку в прихожую, захлопнула тяжелую дверь, чтобы в дом не проникал весенний холод. Прихожая наконец озарилась неровным светом установленных на консоли свечей, и Алиса топталась у двери, страдальчески заломив руки. Сгорая от смущения, я повернулась к одной из кухонных служанок, бесполезно стоявшей в проходе.

– Марджери, распорядись, чтобы в гостиную принесли хлеба с сыром и согревающих напитков, и проводи туда мисс Грей. А я сменю промокшую одежду и вскоре присоединюсь к ней.

Алиса с интересом разглядывала высокие потолки, темные углы и канделябры. Прежде чем направиться к лестнице, я постаралась как можно увереннее улыбнуться ей, надеясь показать, что мне не впервой приглашать в дом гостей.

* * *

Никто из слуг не предложил мне помочь сменить дорожный костюм, хотя, учитывая, каким он стал мокрым и грязным, снять его было весьма непросто даже двумя руками, не говоря уж об одной. Перевязанное запястье болело. Пак с любопытством принялся ко мне, а сама я,

наконец раздевшись, по привычке сунула руку между ног, проверяя, не началось ли кровотечение. Мне понадобилось едва ли не полчаса, чтобы облачиться в чистую юбку и платье, но в итоге я спустилась по лестнице в сопровождении Пака. Из гостиной, расположенной на первом этаже в задней части дома, уже доносились голоса, и когда я открыла дверь, то на меня устремили взгляды два приветливых лица.

– Ричард!

Он подошел ко мне и смущенно поцеловал меня в щеку, оценивающе глянув на мое запястье.

– Я как раз уже собирался к вам на помощь... ангел мой... Что за история с вашей лошадью, как она могла сбросить вас? И что это за изобретение? Надо заметить, прекрасный экспромпт. Это ваших рук дело, мисс Грей? Флитвуд, вам очень больно? Надеюсь, ваши травмы ограничились рукой и легким испугом?

Как обычно, обстрелянная залпом вопросов Ричарда, я пришла в смятение, не зная, на какой же из них ответить сначала. Не пытаясь высвободить рук из его захвата, я молча взглянула на Алису, но не заметила на ее спокойном лице ни намек на тему их разговора. Гостиная была невелика, но Алиса в ней выглядела еще более уныло, и ее выцветшее грязноватое платье резко выделялось на фоне изысканно живописных турецких ковров и стеновых панелей теплого медового оттенка. В домашних стенах она воспринималась иначе... почти нормальной – более молодой, вероятно, лет на двадцать с небольшим.

– Вы не ожидали меня увидеть? Но разве вы забыли, что я собирался уезжать только вечером?

Почувствовав слабость, я с помощью Ричарда опустилась в одно из полированных дубовых кресел около камина, где, хвала Господу, весело потрескивали дрова. Прежде чем мне удалось вымолвить хоть слово, Марджери принесла поднос с хлебом, сыром, фруктами и кувшином эля и удалилась, выразительно посмотрев на Алису и ее испачканные руки.

– Твои руки... может быть, я прикажу принести воды? – обратилась я к Ричарду, который уже наливал эль в два кубка. – Алиса помогла мне забраться на лошадь.

– Наш лесной ангел, – провозгласил он, протянув ей один из кубков.

Вытерев руки передником, она взяла кубок и с заметным удовольствием утолила жажду. Заметив устремленный на меня взгляд серых глаз Ричарда, я вдруг осознала, что он ждет от меня каких-то объяснений.

– Так у нас все благополучно?

Он пребывал в хорошем настроении, как обычно, веселом и бодром. Порой в его обществе у меня возникало ощущение, будто я облачилась в мрачную пессимистическую мантию и никак не могу от нее избавиться, однако если бы нечто подобное накинули на плечи ему, он сбросил бы ее с легкостью, точно мокрая собака, стряхивающая с себя воду.

– Да, все благополучно, – ответила я, уверенно улыбнувшись. И мысленно добавила: «Пока благополучно».

Он опустил передо мной на колени и, поцеловав мою здоровую руку, вложил в нее кубок эля.

– Простите, дамы, но я ненадолго покину вас, предоставив возможность поболтать о французских кринолинах, ибо мне пора переодеться. Полагаю, я могу отложить на денек свою поездку. Кроме того, грядет Пасха, а в честь такого праздника не грех и отложить хозяйственные дела.

Я внутренне возликовала, но он так быстро удалился, захватив по пути гроздь винограда, что мне не удалось высказать ему свою благодарность. Я посмотрела на Алису, размышляя, какое впечатление мог произвести на нее мой муж, но она выглядела просто усталой, уголки ее губ печально опустились, а пряди волос беспорядочно выбились из-под чепца. До меня вновь донесся слабый аромат лаванды. Охваченные пламенем поленья дружно потрескивали, наполняя комнату легким и уютным духом.

– Что такое французский кринолин? – спросила Алиса, нарушая молчание.

Я едва не рассмеялась, обрадовавшись, что легко могу ответить ей.

– Это такая юбка с обручами из китового уса, они вшиты в нее с изнанки, для придания ей пышной формы. Ты еще не слышала о такой моде?

Она покачала головой и опять спросила:

– Как ваше запястье? Вам нужно потуже перебинтовать его.

– Нормально. – Я осторожно потрогала руку. – У меня большой опыт падений с лошади. Мой знакомый, Роджер, говорит, что человека нельзя назвать наездником, если он не свалился с коня хотя бы семь раз, и еще разок – на счастье. А ты, наверное, тоже частенько падала, торопясь выехать к женщинам, чтобы принять роды?

– У меня нет лошади.

– Как это – нет лошади? – потрясенно переспросила я. – Тогда как же ты добираться к роженицам?

Уголки ее губ тронула легкая улыбка.

– Пешком. Или, если йомен^[9] присылает за мной слугу, то иногда он

подвозит меня, – должно быть, видя мое изумление, она добавила: – Зачастую дети не торопятся появиться на этот свет.

– Надо же, я и не знала. – Я почувствовала на себе взгляд ее горящих огоньками глаз. – Но, пожалуйста, садись за стол и поешь.

Она неохотно подчинилась.

– Я не могу надолго задерживаться, скоро... мне надо будет уйти. – Я кивнула, отметив, как ловко, взяв нож длинными пальцами, она отрезала кусочек сыра. – А это будет ваш первый ребенок?

– Да, – ответила я.

И внезапно я осознала, что ответ мой прозвучал так же натянуто, как ее, когда она ответила, что у нее нет детей. Она спокойно подкреплялась сыром с хлебом, а я задумчиво крутила на пальце обручальное кольцо. Ради чего я пригласила ее в нашу гостиную, если не для того, чтобы выразить благодарность? Мне вспомнился озабоченный вопрос Ричарда. Все благополучно. Но надолго ли? Что-то в Алисе располагало к доверию: хотя бы уж то, как она, не вымолвив ни слова, усмирила мою лошадь на той полянке.

– Я уже потеряла троих детей, – быстро добавила я.

Она положила нож, откинулась на спинку кресла и вытерла руки передником, смахнув крошки с пальцев. Я не смела взглянуть ей в лицо и старательно разглядывала ковер, заметив разбросанные там и сям рыжие шерстинки Пака, такие тонкие, что они прекрасно гармонировали с ковровым узором.

– Очень жаль. – Ее голос был полон доброжелательного сочувствия.

Я погладила гриву одного из деревянных львов на подлокотнике кресла.

– Моя мать считает, что я не способна иметь детей. Ей нравится напоминать мне, что я не способна исполнить долг жены.

Молчание девушки в стоящем напротив меня кресле казалось задумчиво терпеливым.

– На каком сроке вы их теряли?

– Все они умерли, не родившись. – Я слегка потянула за кончик золотую нитку из парчовой ткани юбки и попыталась вставить его обратно. – После первой потери Ричард забеспокоился и нанял женщину, чтобы приглядывать за мной.

– Как это, приглядывать?

– Следить, чтобы я правильно питалась, ну и вообще хорошо себя вела. Он очень беспокоился, – повторила я.

– За вас или за ребенка?

– За обоих. А о чем вы с ним говорили без меня?

– Да о том о сём. О делах.

Укол ревности вызвал у меня недоверчивую усмешку.

– Он говорил с тобой о своих делах?

– Нет. Я работаю в Падихаме, в пивной «Рука с челноком». И даже не знала, что вы с мужем владельцы этого заведения.

– Неужели? – удивилась я, запоздало осознав, что выдала собственную неосведомленность. – А я думала, что ты... Так ты работаешь в двух местах?

– Дети рождаются далеко не каждый день. По крайней мере, у нас в Колне.

– И давно ли ты начала работать в пивной?

– Недавно.

– И сколько же тебе платят?

Сделав большой глоток пива, она вытерла рот. Я позавидовала, глядя на то, с каким удовольствием она ест и пьет. В животе у меня заурчало.

– Два фунта.

– В неделю?

– В год. – Алиса пристально глянула на меня.

Я знала, что щеки мои заалели от смущения, но не отвела взгляда. За целый год она получала столько, сколько я платила за три ярда бархата. Неловко поерзав в кресле, я поправила полоску от ее передника на запястье, оно уже начинало чесаться. Полированный дубовый подлокотник приятно охлаждал кожу руки.

Во рту у меня пересохло. Неожиданно мне захотелось рассказать ей о том, что Ричард теперь предпочитает спать в гардеробной, о том, как в феврале меня стошнило сорок раз за один день.

– А ты сможешь помочь мне родить ребенка? Живого ребенка?

– Я...

– Я буду платить тебе пять шиллингов за неделю.

Записывая в гроссбух такую сумму, управляющий Джеймс наверняка изумленно вскинет брови, но отслеживание моих расходов унижало меня, и я осознала, что любая оплата должна рассчитываться в пределах достаточной щедрости и справедливости. Однажды Ричард заявил, что с бедняками нельзя обсуждать денежные вопросы. Алиса, очевидно, бедна и – я глянула на ее лишенные колец пальцы – не замужем. Теперь я поняла, что он имел в виду.

– Это в пять раз больше того, что я зарабатываю сейчас, – тихо произнесла она.

Просунув палец под чепец, она почесала голову и осторожно поставила на стол кубок с пивом. В животе у меня заурчало так громко, что мы обе это услышали, я ведь еще не съела ни крошки.

– Я также предоставлю в твое распоряжение лошадь, чтобы ты могла ездить на ней сюда и до постоянного двора в Падихаме. Пешком до Колна далековато.

Облизнув губы, она обдумывала мои слова, глядя на огонь, и наконец спросила:

– Ваша нынешняя беременность длится дольше, чем в предыдущие разы? Когда можно ждать разрешения?

– В начале осени, полагаю. Последний раз она прервалась... незадолго до конца срока.

– Мне понадобится осмотреть вас, – сказала она, – когда у вас были последние женские дни?

– На Святках. Есть кое-что еще.

Поставив свой кубок, я сунула руку за пазуху и достала письмо от доктора, которое переложила туда, когда переодевалась. Обычно я запирала его в ящичке за маленькой квадратной дверцей в комод, а ключ прятала на плетеной основе кровати под матрасом. Я развернула письмо и разглядила рукой бумагу, еще хранившую тепло моего тела. Но Алиса не взяла его, между ее бровей пролегла легкая морщинка.

– Я не умею читать, – хмуро призналась она.

Неожиданно от двери донеслось какое-то царапанье, и мы обе напряженно выпрямились. Я спрятала письмо на кресле, но никто так и не вошел.

– Кто там? – громко спросила я.

Не дождавшись ответа, я встала и сама открыла дверь. За порогом, тяжело дыша, стоял Пак, и я тут же опустилась рядом на колени.

– Это всего лишь ты. Мой милый.

Он последовал за мной к креслу, и по глазам Алисы я поняла, как поразили ее размеры дога.

– Он у нас добрый великан, – успокоила я девушку, позволив псу улечься у меня в ногах. – Мне постоянно приходится чистить юбки от его шерсти, но на самом деле я не возражаю. Кстати, доедай сыр, иначе он не преминет стащить его.

– Какой же он большой, – удивленно произнесла Алиса.

Услышав ее голос, Пак поднял свою рыжую голову и громко гавкнул.

– Успокойся, – велела я ему.

– Что это за порода?

– Говорят, бордоский дог.

– Подарок вашего мужа?

Я безотчетно почесала его за ушами.

– Нет. Я спасла его из «медвежьей ямы» в Лондоне. Тощий, изголодавшийся, он лежал, привязанный к уличному столбу рядом с хозяином медведя, продававшим билеты на свое кровавое развлечение. Я подошла погладить беднягу, а медвежий хозяин злобно пнул его. Заявил, что добрые собаки бесполезны и своими ласками я только еще больше испорчу пса. Я спросила, сколько стоит этот щенок, а он ответил, что такой хилак не стоит даже веревки, за которую привязан. Я отвязала его и оставила веревку на земле, сказав, что тогда могу просто забрать его. Хозяин тут же передумал, заявив, что я лишаю его призового бойца. Я вручила ему шиллинг, и мы ушли, не оглядываясь. И я назвала его Паком, как персонажа одной пьесы, которую мы с Ричардом за пару дней до того смотрели в театре... Так называли там одного проказливого лесного чертенка или бесенка. Хотя в его натуре нет, по-моему, ничего бесовского.

Алиса задумчиво разглядывала избалованного питомца, разлегшегося на турецком ковре. Он лежал, беспечно вывалив язык, размером с доброе лососевое филе, и вид у него был совершенно довольный.

– Как здорово ему повезло в жизни, – заметила она, – я слышала, что народ развлекается, глядя, как травят медведей, но сама ничего такого не видела.

– По-моему, это кошмарная забава. Но в Лондоне полно кровожадных любителей таких зрелищ; вероятно, потому, что у людей нет возможности самим охотиться.

Мы немного посидели в тишине, но наше молчание, явно стало менее напряженным, потом она кивнула на письмо, вновь вытащенное мною на свет.

– О чем там говорится?

– О том, что я умру во время очередных родов, – впервые произнеся вслух эти слова, я почувствовала, как ослабли сжимавшие мне горло щупальца страха, – как ты понимаешь, мне остается надеяться на чудо. Бог одарил меня достаточно щедро. Хотя не уверена, что среди этих щедрот есть дар материнства, но сегодня я как раз уже думала о снадобьях знахарки и вот встретила тебя. Мне так хочется подарить моему мужу сына... он давно мечтает о наследнике.

– А вы?

– Я же его жена и надеюсь стать матерью его детей. Мне не хочется, чтобы он стал вдовцом.

Я с трудом проглотила подступивший к горлу комок. Алиса смотрела на меня с откровенной жалостью, и меня вдруг удивило ее отношение: как же она, такая бедная, незамужняя, не имевшая, несмотря на свои двойные труды, даже лошади, могла жалеть меня? Возможно, этот прекрасный особняк, красивый муж и дорогие наряды ничего не значат для нее, и, возможно, она также считает, что и мне все это богатство принесло мало пользы, раз я могла получить все что угодно, за исключением того, что хотела больше всего: стать Ричарду хорошей женой, отплатить ему за то, что сделал для меня, за то, что подарил мне новое будущее, избавив от несчастного прошлого. Ради него мне хотелось наполнить этот дом детскими липкими ладошками и грязными коленками. Пока у нас нет детей, наша семья неполноценна; у нас есть большой дом, но не уютный семейный очаг. Даже уединенная и ограниченная жизнь в Бартоне, где с утра до вечера я видела лишь недовольство матери, была предпочтительнее такой альтернативы. Не знаю, что бы я делала, если бы не появился Ричард.

– Госпожа?

Алиса озабоченно смотрела на меня. Языки пламени начали шипеть и плеваться искрами, рукоятка ножа торчала из сырной головы, точно кинжал, вонзившийся в ствол дерева.

Я подалась вперед, впервые готовая молить о помощи. Я пребывала в тайном отчаянии с тех пор, как случайно встретила ее, однако оно копилось месяцами, даже годами, и сейчас вырвалось на свободу.

– Пожалуйста, – простила я, – скажи, что сможешь мне. – Я вдруг осознала, что до боли сжала подлокотники кресла. – Ты нужна мне, чтобы спасти мою жизнь, и не только мою. Помоги мне, Алиса. Прошу, помоги мне стать матерью, родить ребенка.

Она взглянула на меня странно, словно оценивая и сомневаясь, достойна ли я помощи. Наконец она кивнула с такой уверенностью, словно скрепила наш договор рукопожатием.

Глава 5

В ту же ночь в моей одинокой кровати мне опять приснился кошмар. Я блуждала в непроглядно-черном холодном лесу, под ногами шуршали опавшие листья, и вдруг застыла на месте, не видя даже собственной руки, поднесенной к лицу. Сердце глухо колотилось в груди, я вслушивалась в лесную тишину. И вдруг поблизости что-то зашуршало и захрюкало, на меня повеяло жарким и алчным дыханием любопытных диких кабанов. Я закрыла глаза, чтобы лучше слышать, и почувствовала, как что-то задело подол моей юбки. Лес замер в безмолвии. Капелька пота сбежала по моему лицу, а потом тишина взорвалась и начался тот самый безумный кошмар. Тьма наполнилась жуткой какофонией звериных голосов – пронзительными визгами, завываниями и лаем. Не видя ни зги, я бросилась бежать, выставив вперед руки. Грудь мою сотрясали рыдания, звери гнались за мной, рыча и щелкая зубами, своими острыми, точно костяные ножи, клыками. Споткнувшись, я повалилась на землю и, всхлипывая, закрыла голову руками. Они обступили меня, окружили свою падшую добычу. Изголодавшиеся, они готовились пронзить мое тело, продырявить меня огромными клыками. Режущая, стреляющая боль раздирала меня надвое, и я невольно попыталась подтянуть колени к груди, но они вцепились в подолы моих юбок, и я завопила что есть мочи.

Взмокшая от пота, я очнулась в своей спальне, залитой ярким дневным светом. Мое сердце гулко колотилось в груди, лицо было залито слезами, но волна облегчения омыла меня, когда я осознала, что нет больше никакого леса и никаких кабанов. Переведя дух, я почувствовала тупую боль в запястье. По совету Алисы я наложила на руку тугую повязку, но она развязалась, и конец терялся где-то подо мной в постели. Зевнув, я прищурилась от солнечного света, потянулась и повернулась на бок.

Рядом с моей кроватью, взирая на меня ястребиным взглядом, сидела моя мать.

В молчаливом ожидании она наблюдала, как я неловко пытаюсь принять сидячее положение. Даже не глядя на нее, я знала, что она, поджав губы, укоризненно смотрит на мои растрепанные черные волосы, на посеревшее, как каминный пепел, лицо. Мэри Бартон решительно не одобряла любого рода болезни, слабости или недостатки; более того, она воспринимала их как личное оскорбление. Прежде чем мы нарушили молчание, из коридора донеслись шаги башмаков Ричарда и позвякивание

монет в подвешенном к ремню кошельке.

– Вот видите, кто приехал к нам с визитом, – провозгласил он, войдя и положив руку на нескгибаемое плечо моей матери.

Наконец наши с матерью черные глаза встретились. Она гордо восседала с непокрытой головой, но ее прическу высоким веером окружал идеально накрахмаленный воротник. Ее сложенные белые руки благопристойно покоились на коленях, а на лице застыло выражение выразительной весомой сдержанности. Платье скрывалось под дорожным плащом, создавая впечатление, что либо она только что спешила, либо собралась уезжать. В Бартоне она вечно мерзла, сетуя на гигантские размеры его комнат, и именно поэтому с удовольствием уехала оттуда после нашего с Ричардом венчания и поселилась, приняв приглашение Ричарда, в более скромном доме дальше к северу.

Увы, недостаточно далеко.

– Здравствуйте, мама, – сказала я.

– Вы пропустили завтрак, – отозвалась она.

Я провела языком по зубам. Во рту ощущался мерзкий вкус, такой же, наверное, как и мое дыхание.

– Я принесу что-нибудь перекусить, – сказал Ричард, выходя и закрывая за собой дверь.

Под пристальным взглядом матери я откинула толстое стеганое одеяло, слезла с кровати и, пройдя к умывальнику, взяла полоску ткани, чтобы почистить зубы.

– Спальня у вас похожа на свинарник. Вашим слугам следует быть более усердными... чем еще им тут заниматься? – спросила она и, не услышав моего ответа, продолжила: – Вы собираетесь сегодня одеваться?

– Вероятно.

Над каминной полкой с двух сторон от герба Шаттлвортов, точно часовые, стояли две гипсовые статуэтки, высотой фута в два: символические изображения Благоразумия и Справедливости. Порой я представляла их своими подругами. А перед камином, прямо посередине между ними, стояла с гордо выпрямленной спиной моя мать, напоминая воплощенное Странствие, их третью сестру.

– Флитвуд, что вас так забавляет? Вы же хозяйка дома... одевайся немедленно.

За дверью жалобно заскулил Пак, и я впустила его. Он не спеша подошел к моей матери, обнюхал ее юбки и направился ко мне.

– Не могу понять, – продолжила она, – почему вы держите этого зверя в доме. Собаки предназначены для охоты и охраны, с ними не цацкаются,

как с детьми. Что это у вас на запястье?

Я подобрала конец ленты и начала потуже обматывать руку.

– Вчера во время прогулки я упала с лошади. Это всего лишь растяжение.

– Флитвуд, – сказала она, понизив голос, и оглянулась через плечо, проверяя, закрыта ли дверь.

До меня донесся слащаво-приторный запах сухих духов, которые она наносила на свои запястья.

– Ричард сообщил мне, что вы опять в тягости. Если не ошибаюсь, вы уже потеряли троих детей, даже не появившихся на свет.

– Я ничего не потеряла.

– Тогда я скажу проще. Три раза вам не удалось выносить ребенка. Неужели вы действительно думаете, что разумно позволять лошади сбрасывать вас на землю? Как же вы неосторожны. У вас есть повитуха?

– Да.

– Где вы нашли ее?

– Она живет неподалеку. В Колне.

– Возможно, вы поступили бы разумнее, наняв женщину с хорошими рекомендациями от знакомой нам почтенной семьи? Вы с Ричардом уже говорили с Джейн Таунли? Или с Маргарет Старки?

Я пристально глянула на гипсовое лицо Благоразумия. Ее стоический взгляд ускользал от меня. Выйдя замуж, я стала хозяйкой одного из лучших имений на многие мили вокруг, но мне приходится стоять в ночной рубашке, выслушивая брюзжание моей матери. Неужели ее пригласил Ричард? Он же знает, как я ненавижу ее. Пытаясь успокоиться, я начала сжимать кулаки, медленно считая до трех.

– Кого бы я ни наняла, это мое решение, *матушка*, – последнее слово я произнесла с особой медоточивостью, и на ее неизменно невозмутимом лице невольно проявился легчайший оттенок ярости.

– Я поговорю об этом с Ричардом, – заявила она, – и тем не менее я хочу, чтобы вы дали обещание сделать все возможное ради успешного вынашивания этого ребенка. В настоящее время ваше поведение не внушает мне доверия. Вам необходимо больше отдыхать и заниматься... домашними делами. Вероятно, лучше заняться музицированием, чем галопировать по лесам, как Диана-охотница. У вас же прекрасный муж, и если вы будете вести себя, как подобает жене и матери, то Господь одарит вас. Я предпочла жить отдельно не для того, чтобы вы разыгрывали из себя принцессу в башне. Итак, я надеюсь, вы отобедаете со мной. Пожалуйста, одевайтесь и спускайтесь вниз.

Я слышала, как она начала спускаться по лестнице, и мысленно пожелала, чтобы наш портрет свалился со стены и придавил ее.

* * *

Ричард налил бокал красного вина и передал его моей матери. Темное, как рубин, оно имело цвет того, что трижды истекало из меня... удивительно красивый в своей яркости, он так прочно окрашивал простыни и матрасы, что их приходилось сжигать на костре. Избегая пьянящего винного аромата, я подняла лицо к оштукатуренному потолку столовой. Его украшала лепнина из множества вьющихся по всему потолку виноградных лоз, изобиловавших спелыми гроздьями, их листья сплетались, как любящие руки.

– Не хотите ли вина, Флитвуд?

– Нет, спасибо.

Ричард наполнил другой бокал для своего друга Томаса Листера, заехавшего к нам по пути в Йоркшир. Мы сидели вокруг камина, где тихо тлели поленья, исходящий от них жар и духота столовой навевали сон. Но окончательно не уснули, позволив заметить жадный взгляд Томаса, скользнувший по кольцам на пальцах Ричарда, когда он вручал ему бокал. Его собственные, лишенные колец, пальцы, сжали бокал и, перехватив мой взгляд, он тут же отвел глаза.

По возрасту Томас был где-то между Ричардом и мной, а по благосостоянию – где-то между простым землевладельцем и нами. С первым он мог согласиться, но со вторым – никогда. Их с Ричардом объединяли другие жизненные моменты: оба они женились в один и тот же год; у обоих умерли отцы; оба унаследовали большие поместья и заботились о матерях и сестрах. Четыре года тому назад старшему мистеру Листеру стало плохо во время венчания сына, он потерял сознание в церкви, не дослушав свадебных обетов, и через несколько дней отошел в мир иной. Мать Томаса, так и не оправившись от горестной потери, жила с тех пор затворницей.

Я считала Томаса Листера странным, но довольно интересным мужчиной – он с трудом поддерживал беседу, предпочитая в основном слушать и помалкивать. На мир он смотрел большими, слегка навывкате глазами, но сам был по-женски маленьким и хрупким. Ричард говорил, что благодаря такому телосложению он стал великолепным наездником и держится в седле прямо, как стрела.

Моей матери не удавалось найти общего языка с молодыми людьми: зато она легко заставляла их чувствовать себя детьми, и Томас, заикаясь, выдал вежливый ответ, когда она поинтересовалась здоровьем его матушки. Его спасло появление Эдмунда, помощника с псарни, он сообщил Ричарду, что с одной из ферм пришла женщина с новостями о собаке, загубившей овцу. В те дни мы разводили много овец; почвы на полях были слишком влажными для иного пользования.

Помедлив, Ричард поставил свой бокал и спросил?

– А чья эта собака?

– Она не знает, господин, – Эдмунд покачал головой, – обнаружила только, что эта псина носится вокруг, пугая все стадо. Она просила вас поскорее приехать.

Ричард быстро вышел. Местные жители частенько приходили к нам и рассказывали о своих печалях. Ричард был щедрым хозяином, давал им зерно в неурожайные годы и разрешал вырубать деревья для ремонта домов. В Падихаме жили две сотни семей, и с тех пор как мы поселились здесь, приходилось решать столько же проблем.

– Зачем вы едете в Йоркшир? – спросила моя мать Томаса.

Она старательно изображала радушную хозяйку, с удовольствием намекая на мою несостоятельность в этой роли.

– Я еду на судебное заседание. Великопостные ассизы^[10], – ответил Томас.

– Какое-то судебное разбирательство?

Поленья в камине затрещали, разгоревшись с новой силой. Я задумалась, надолго ли Ричард уехал; день клонился к закату, и за окнами скоро стемнеет.

Томас неловко сменил позу.

– Разбирательство убийства, – тихо произнес он, – обвинение выдвинуто против одной женщины, по имени Дженнет Престон.

Я слегка напряглась.

– Вы знаете ее? – спросила я.

– К несчастью, очень хорошо. – На его скулах проступили желваки. – Она долгие годы работала в нашем доме, но со времени кончины моего отца никак не может оставить нас в покое. Мы предоставили ей помощь и поддержку, но она, неблагодарная, требовала все больше и больше.

– И в чьем же убийстве ее обвиняют?

– Ребенка.

Нас с матерью ненадолго объединило общее потрясение.

Томас мрачно уставился на языки пламени.

– Вы отстаиваете ее невиновность?

– Невиновность? – Томас резко взглянул на меня. – Ее вину. Она виновна в смерти сына другого слуги – младенца, ему еще и года не было, – жестоким и бессердечным.

Перед моим внутренним взором вдруг всплыло нежеланное воспоминание: застывшее тельце, два ряда крошечных ресничек, которые уже никогда не откроются. Закрыв глаза, я отогнала это видение.

– Почему же она решилась на это? – спросила я.

– Потому что ревнива и завистлива, – отрывисто произнес Томас, – ей не удалось совратить Эдварда, поэтому она забрала у него с женой самое дорогое. Она ведьма.

– Еще одна ведьма? – Моя мать резко подалась вперед, явно смутив Томаса. – Вы разве не слышали о последней гостье Рид-холла?

– А откуда вы знаете об этой гостье Рид-холла? – удивилась я.

– Мне Ричард рассказал. – Она пренебрежительно передернула плечом.

И жестом, и тоном она подразумевала, естественно, что он охотно разговаривает со своей тещей о всех важных делах. На самом деле она умела вытягивать сведения из людей, мгновенно улавливая их нерешительное или случайно брошенное замечание, и тогда уж принимаясь изводить их, точно собака, гонящая овец. Ричард не стал бы сам рассказывать о деловых планах своего друга в графстве; должно быть, моя мать уже слышала об этом от кого-то другого и наверняка сумела задать нужный ей вопрос, пока он был занят и отвлечен другими делами.

– И кто же гостит в Рид-холле? – спросил Томас, переводя взгляд с моей матери на меня.

И она с удовольствием поведала ему о делах близко знакомого Томасу Роджера, а также и о том, что приключилось с торговцем Джоном Лоу по вине ведьмы Элисон Дивайс. Томас внимал ей с большим интересом.

В ее версии история, поведенная мне Роджером, предстала в сокращенном и не столь впечатляющем виде. И я с огромным удовлетворением не снизошла до того, чтобы поправить ее, а, чтобы она не поняла этого по моему самодовольному выражению, принялась увлеченно разглядывать затейливый фриз, украшавший верхнюю часть стен столовой. Русалки, дельфины, грифоны и самые разные причудливые создания, получеловеческой и полуживотной природы, взирали сверху в центр зала, словно мы собрались на каком-то грандиозном мифическом приеме. С тех пор, как я приехала в Готорп, этот великолепный фриз оставался моим любимым украшением особняка, и я могла подолгу ходить по столовой,

разглядывая каждого персонажа, давая им имена и придумывая истории их жизни. Особенно мне полюбились две осиротевших сестры, морские принцессы, повелевавшие волнами; и львиное войско, вооруженное щитами и изготовившееся к битве. Я видела, как с приближением вечера фриз покрывался тенями, придававшими его героям еще большую таинственность, а моя мать и Томас Листер все продолжали сплетничать, как две прачки. Мои веки начали слипаться; во рту пересохло, голова заболела. До возвращения Ричарда мне придется сидеть в гостиной, но пока ничто не предвещало его прихода.

Но внезапно меня взбодрила одна мысль: пока моя мать гостит у нас, Ричард будет, наверное, спать вместе со мной, чтобы не возбуждать ненужного любопытства, поскольку ее глазки-бусинки не упускали ни единой подробности нашей жизни. Она еще ни словом ни намекнула, что видела выдвижную кровать, хотя Ричард, вероятно, разумно запер дверь в гардеробную.

Я слегка поправила валики в прическе, подумав, скоро ли наконец смогу вытащить их.

– Именно поэтому девица живет в доме Роджера Ноуэлла, – сверкая глазами, заявила моя мать, – он держит ее взаперти, чтобы она никому больше не причинила вреда.

– Неужели она во всем призналась?

– Так говорят.

– И Роджер полагает, что в наших краях есть еще ведьмы?

– Да, из той же семейки, – кивнув, подтвердила моя мать.

– Господи, мама! Можно подумать, что ты лично проходила мимо Джона Лоу, когда его прокляли, – заметила я.

Томас с задумчивым видом прижимал свой бокал к груди.

– Томас, не желаете ли полюбоваться на наших русалок? – предложила я. – На них стоит взглянуть поближе. Они просто великолепны, созданы двумя братьями, выполнившими всю отделку стен и потолков в Готорпе.

Будучи понятливым и воспитанным, он встал и направился к стене, а я, обращаясь к матери, прошептала:

– В этом доме не принято обсуждать дела Роджера Ноуэлла в стиле деревенских кумушек. Он наш друг. А теперь Томас донесет все твои домыслы до Йоркшира, хотя нам здесь вовсе не нужна такая слава.

– Я просто сообщила вашему соседу о том, – помрачнев, парировала моя мать, – что происходит в его округе. Уже скоро все и так будут знать, что в ваших краях злодействуют ведьмы. Ведь такова ужасная реальность. Разве неправильно говорят, что эти особы здесь совсем распустились?

– Я не обращаю внимания на слухи, меня они не волнуют. И, кроме того, я сомневаюсь, что распущенность равносильна злодеянию.

– Да, мастерская работа, – вежливо оценил Томас, оглянувшись в нашу сторону, – на редкость затейливая композиция. Превосходные мифологические образы. – Он заметно разволновался и явно не собирался возвращаться в свое кресло. – Пожалуй, мне пора опять трогаться в путь, пока еще не совсем стемнело. Вероятно, по дороге в Йоркшир я еще загляну в Рид-холл.

– Тогда вам придется сделать крюк миль в десять, – заметила я, – ведь Рид-холл в другой стороне.

Томас взял свой плащ.

– Передайте мой поклон Ричарду.

Он поспешно покинул гостиную, и звуки его шагов эхом разнеслись по коридору. После краткого молчания я тоже удалилась под предлогом того, что мне пора прилечь и отдохнуть.

В нашей спальне уже горели свечи, и я, стоя перед зеркалом, вытащила из прически валики. Тусклые и истонченные пряди волос рассыпались по плечам, и я принялась старательно расчесывать их. Подойдя к окну, чтобы закрыть шторы, я увидела в стекле силуэт Ричарда, он стоял на пороге спальни.

– Сегодня вы будете спать здесь? – спросила я.

– Полагаю, да.

Я повернулась к нему, и у меня вдруг екнуло сердце.

Руки его покраснели от крови. Она покрывала его дублет, кровавые брызги также попали ему на лицо и испачкали руки до локтей.

– Что произошло?

– Я распорядился принести воды.

Он попытался вытереть руки о рукава, но кровь уже засохла. Пальцы вокруг ногтей побурели.

– Чертовщина какая-то, – продолжил он, – мне еще не приходилось видеть собаку, чье поведение так напоминало бы волчье.

Подойдя к кровати, я села на нее и сбросила туфли.

– Это же невозможно. В наших краях уже много лет не видели волков.

Мне подумалось, что сегодня ночью мы опять будем спать обнявшись и он согреет меня своим теплом. Может даже, я, как раньше, пробегу пальцами по его спине. А, может, он даже поцелует меня, и я вновь почувствую твердость его копья. Даже если бы мы никогда больше не спали вместе в одной кровати, я никогда не забуду мягкий жар его торса под кончиками моих пальцев. Но внезапно я вспомнила о тайном письме, и

мои мечты рассеялись.

– Неужели овца сдохла? – спросила я, повернувшись спиной к Ричарду, чтобы он распустил шнуровку корсета.

– Нет. Мне самому пришлось добить ее.

– А собака? Какой породы?

– Не знаю, просто лохматая коричневая дворняга. Она убежала, я не успел поймать ее. Потом я еще пытался выяснить, чья это могла быть собака.

– А я наняла повитуху, ту девушку, которая спасла меня.

– Правда? Как ее зовут? Значит, она повитуха?

– Алиса. Она очень опытная, – добавила я, избегая его взгляда, – надеюсь, вы не будете возражать... я предложила ей взять на время одну из лошадей с нашей конюшни, пока она будет навещать меня.

– Не одного из моих рысаков?

– Нет, серую упряжную кобылу. Она уже довольно старая. Ричард... – я помедлила, подавляя волнение, – а теперь вы снова будете всегда спать со мной?

– Многие супруги спят в отдельных комнатах, в этом нет ничего необычного, – спокойно ответил он.

– Но ведь положено...

– Глупости. Кроме того, вы уже ждете ребенка. И нам все равно не удастся зачать второго.

Но я уже не слышала его, поскольку сняла сорочку. Тонкая красная струйка стекала по моему бедру. Я приложила к ней палец, чтобы остановить, и панический страх навалился на меня, как грозовая туча. Закрыв глаза, я начала молиться.

Глава 6

Ричард тихо похрапывал, а мне не спалось, я лежала рядом с ним, неподвижная, как бревно. В конце концов, поднявшись, пошла прогуляться по большой, залитой лунным светом галерее. В доме стояла тишина, а полированные половые доски поблескивали, словно снег. Я тихо ходила взад-вперед, с востока на запад и обратно, и половицы тихо поскрипывали под моими ногами. В спальню я вернулась перед рассветом. Не раз еще я рассматривала высохшую струйку крови, она постепенно растерлась по моей коже, показывая, что же произошло, вернее начало происходить, но прекратилось. Быстро опустив ночную рубашку, я не дала Ричарду возможности что-то заметить, тем более что он старательно смывал с себя овечью кровь. Ее запах доносился и до кровати, и я невольно испытала отвращение и страх, точно один только запах крови мог вызвать кровотечение и у меня.

Алиса говорила, что несколько дней она будет собирать травы, способные укрепить мои силы, но мне казалось, что с тех пор прошла уже целая вечность, поэтому нынешним утром, пока все завтракали, я отправилась выгуливать Пака, дав ему возможность побегать. Я не могла есть, мне казалось, что в животе у меня опять копошатся угри, но на сей раз, правда, только от беспокойства. Мы вышли из дома и, свернув направо, направились по дорожке вдоль газона к реке, мимо большого амбара и служебных построек. Почуввав запах Пака, гончие на псарне дружно заливались глупым лаем. Не обращая на них внимания, он продолжал спокойно обнюхивать углы и стены. Иногда меня брало сомнение, знал ли он о своей собачьей природе. Я раздумывала также, помнит ли он, какие испытания отягощали его щенячью жизнь до того, как я выкупила его, и надеялась, что он ничего не помнит.

– Доброе утро, госпожа, – приветствовали меня попадавшие навстречу фермеры и подмастерья, нагруженные орудиями, веревками и разнообразной утварью, о назначении которой я не имела ни малейшего представления.

– Доброе утро, – отвечала я, продолжая прогулку.

Наш особняк и все надворные постройки скоро исчезли за деревьями, скрывшими их, как зеленая драпировка. Вокруг прогулочной аллеи, уводящей нас от Готорпа, шелестела листва, и я следила за тем, как Пак носится по лесу, приносиваясь к земле, с завидным рвением обследуя

каждый куст и мелькая между стволами деревьев.

Мы прошли уже с четверть мили, когда я увидела впереди двух приближающихся к нам всадников. Отойдя к краю аллеи, я остановилась, вскоре узнав в одном из них крупную фигуру Роджера. Когда они подъехали ближе, он сказал что-то своей спутнице – женщине в простом шерстяном платье. Даже при моей близорукости я разглядела, что это не его жена Кэтрин. Спешившись, Роджер приблизился ко мне, держа в поводу свою лошадь, которая, как я заметила, была привязана также к его попутчице. Ее тонкие белые запястья обхватывали наручники, веревка от которых и тянулась к поводьям. Значит, пленница. Будучи мировым судьей, Роджер часто возил преступников по графству, а иногда переправлял их в тюрьму Ланкастера. Невольно задержавшись взглядом на ее связанных запястья, я не сразу обратила внимание на печальное лицо молодой женщины, на ее тонкие губы и умные темные глаза, взиравшие на меня с какой-то враждебной гордостью.

– Госпожа, мне приятно видеть, что вы решили прогуляться в такой чудесный день. Похоже, свежий воздух вам на пользу.

– Вы к нам в гости? – спросила я, протягивая ему руку для поцелуя.

– Увы, визит сегодня иного рода... скорее, по сути, приглашение для Ричарда. Он дома?

– Да.

– Свободен ли он нынче утром?

– По-моему, через час он выезжает в Манчестер, – солгала я, – собирается в дорогу.

Нет уж, я постараюсь сделать все возможное, чтобы Роджер не уехал, оставив меня наедине с матерью.

– А у вас все в порядке? – вежливо поинтересовалась я.

Он вновь кивнул. Но мне показалось странным, что он не представил свою спутницу.

– Очень жаль, – сказал он, – я как раз сейчас направляюсь в Эшлархаус.

– К Джеймсу Уэлмзли?

– Именно. Мне подумалось, что Ричарду могло быть интересно составить мне компанию... я проведу там два допроса, и был бы признателен ему за поддержку. – Он склонился ко мне. – Вашего мужа, дорогая, ждут великие дела. Вспомните мои слова: дожив до моих лет, он многого достигнет в государственном управлении, и я собираюсь помочь ему на первых порах. Я в свое время не имел таких родовых преимуществ, как у него – ведь его дядюшку уважали при дворе. Однажды я представлю

Ричарда ко двору, и мне хотелось бы, чтобы он принял участие в нынешних событиях в Пендле. Это поможет ему снискать благоволение короны. Я доверяю его мнению, как и господин Уэлмзли, но сегодня нам придется обойтись без него.

Он оглянулся на свою попутчицу, чье молчаливое присутствие производило странно пугающее впечатление.

– Я слышал, вы наняли акушерку, – неожиданно сказал Роджер.

– Наняла, – удивленно прищурившись, подтвердила я, недоумевая, откуда он мог узнать об этом.

Ведь Ричард не виделся с ним с последней нашей охотничьей вылазки.

– Очень разумно, – просиял Роджер, – будем надеяться, что еще до конца года в Готорпе появится наследник. В прошлый раз вам помогала та же женщина? Из Уигана?

Я вдруг осознала, что из-за исходящей от его спутницы явной враждебности мне трудно сосредоточиться.

– Нет, – помедлив, ответила, – она из наших мест.

– Дженифер Барли? В свое время она приглядывала за Кэтрин.

– Нет. Девушку зовут Алиса, она из Колна.

И тут произошло нечто странное. При упоминании имени Алиса, спутница Роджера вдруг резко дернулась, напугав свою лошадь. Я взглянула на нее и быстро опустила глаза, заметив ее пристальный, устремленный на меня взгляд, исполненный какого-то зачаровывающего понимания.

– Надо будет придумать к вашим родам подарок, – заметил Роджер.

Он как ни в чем не бывало продолжал разговор, словно его совершенно не волновало присутствие пленницы. Он выглядел очень даже довольным.

– Что же можно подарить женщине, у которой есть все?

– А кто же ваша спутница, Роджер? Не могли бы вы представить ее мне?

– Пожалуйста, – сказал он, – познакомьтесь с Элисон Дивайс.

Сердце мое взволнованно забилось, по спине побежали мурашки. Получается, что Роджер открыто вывез на прогулку ведьму из Пендла, заехав и к нам в Готорп. Гордый взгляд Элисон подсказал мне, что она все понимает, и я почувствовала укол сострадания.

– Пусть вас не смущает ее наряд... это платье Кэтрин. Элисон жила у нас последние несколько дней. А теперь мы едем в Эшлар-хаус, чтобы повидать кое-каких ее родственников, – бодро произнес он, возвращаясь к цели своей деловой поездки.

Девушка не произнесла ни звука, лишь глаза ее злобно сверкнули. Молчаливую паузу вдруг прорезал донесшийся из леса пронзительный крик грача, и порыв ветра взметнул ветви ближайших деревьев.

– Передайте Ричарду мои наилучшие пожелания. Вы не забыли, что через неделю в пятницу ужинаете у нас в Риде? Кэтрин с нетерпением ждет встречи с вами.

– Ваше приглашение большая честь для нас.

Сделав легкий реверанс, я осмелилась еще разок взглянуть на Элисон Дивайс, она сидела в седле недвижимо, словно статуя, устремив пристальный взгляд вдаль. Приподняв шляпу, Роджер вскочил в седло. Я проводила их взглядом, заметив, как блеснули кольца на пальцах Роджера, махнувшего на прощание рукой. Тогда я позвала Пака и направилась обратно, в сторону дома.

* * *

Наступил последний день Великого поста, и, поскольку наша кухарка отлично запомнила, что моя мать не слишком любила рыбу, к обеду нам подали сырны пироги с картошкой, фрукты, хлеб и пиво. Я пощипывала мелкие кусочки и корочки, но уже так привыкла есть мало, что редко испытывала чувство голода.

Моя мать неодобрительно относилась ко всем нашим слугам, за исключением кухарки. Она считала их грубыми и неблагодарными и заявляла, что со временем у нас обязательно начнут пропадать шелка и столовое серебро. Иногда я даже подумывала, не забыла ли она, что гостит вовсе не в моем доме. Мне казалось, она скучала по временам своего владычества в Бартоне, где содержался роскошный штат слуг по сравнению с ее нынешним скромным манором. Первые годы мы с Ричардом обычно тайно величали ее Глорианой^[11] манора, ведь, прибывая после нашей свадьбы к нам в гости, она упорно пыталась руководить нами, словно мы оба были ее малыми детьми. В детстве мне не с кем было пошутить и повеселиться. Порой мы с Ричардом даже забывали о набранной в рот еде, когда она произносила вдруг нечто вроде «Право, Ричард, я еще не знала мужчин, увешанных, как вы, таким обилием драгоценностей» или «Вам следует заказать для подачи вина бутылки с вашим гербом – нынче это в моде, знаете ли. В Йоркшире уже многие обзавелись такими графинами».

А сегодня она решила поднять вопрос о гербах над камином.

– Ричард, я вижу, что на ваших гербах над камином еще не добавлено

имя моей дочери, – заявила она, имея в виду пять квадратных деревянных резных панелей с именами разных членов рода Шаттлвортов.

Резные инициалы Ричарда украсили четвертую панель еще до нашего венчания. Он намеревался вызвать резчика, чтобы добавить к своим и мои инициалы, да пока не нашел времени, поэтому пока буквы «R» и «S» выглядели одиноко, ожидая моей компании. Воспринимая сие обстоятельство как оскорбление, моя мать, естественно, не могла его стерпеть, словно эта деревянная панель была единственным свидетельством моего существования, а не просто украшением интерьера.

– Мама, это не самое срочное дело, – возразила я.

– Разве четыре года не достаточно долгий срок?

– Я непременно добавлю этот пункт в постоянно растущий список насущных дел, – доброжелательно ответил Ричард.

Мать решила, что уедет завтра, в Светлое Христово Воскресение, и мы все вместе отправились в церковь. Возможно, мне показалось, но накануне вечером я почувствовала, что моя талия округлилась. Сидя на субботней службе и глядя на свои аккуратно сложенные на коленях руки, я размышляла, где же может пропадать Алиса Грей и чем она вообще занимается. Местные прихожане разглядывали меня несколько дольше обычного; я понимала, что выгляжу не лучшим образом. Последнее время я предпочитала носить черное... лишь на фоне черных платьев мое посеревшее и тусклое, как дождевые облака, лицо, выглядело более светлым. Появление моей матери также привлекло дополнительное внимание. Она хранила на лице выражение смиренного равнодушия, но я знала, что душа ее урчала, как довольная кошка.

Во время службы, внимая голосу священника, я подняла взгляд над рядами шляп и чепцов, поискав золотистые локоны, но, увы, таковых не нашла. Зато перехватила взгляд молодой женщины, сидевшей наискосок от меня на одной из соседних скамей, под ее добротным теплым плащом явно выделялся округлый живот. Она разглядывала меня в откровенной дружелюбной манере, свойственной простым селянкам, ее взгляд, казалось, говорил: «У нас с вами одна участь». Но она ошибалась, и я предпочла быстро отвести глаза.

Чувствуя, что мои руки совсем заledenели, я сунула их под себя и сидела на них, пока они вконец не онемели. Сегодня утром меня опять мучили приступы тошноты, навязчивые и непрошенные. Колн находился в нескольких милях отсюда, и там был свой приход, поэтому вряд ли Алиса захаживала в церковь Святого Леонарда. Но она работала в пивной «Рука с челноком» меньше чем в миле отсюда; осмелюсь ли я проявить нетерпение

и навестить ее там? Я приглашала ее зайти к нам в Страстную пятницу, но она сказала, что сможет прийти только после Пасхи.

Через несколько скамей от нас сидел аптекарь вместе со своей семьей, его безмятежное лицо обращалось к кафедре, как цветок к свету. Выращивала ли Алиса травы сама или покупала в его лавке? И если покупала, то будет ли она благоразумно сдержанна? Джон Бакстер, младший приходский священник, обладал высоким, ясным голосом, звонко возносившимся под своды храма и изгонявшим пустынный мрак из всех углов.

– «...Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, – провозглашал он, – ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо...»^[12]

На кафедре перед ним лежала новая Королевская Библия^[13], которую мы купили для него в Лондоне. Я тогда впервые попала в типографию, разместившуюся в высоком и узком, как шкаф, доме в деловом центре. По окрестным улицам носились мальчишки-разносчики с корзинами на головах, словно мы попали в древнюю Галилею. Зайдя в ту типографию, я словно попала в некий совершенно особый мир, пропитанный знаниями, насыщенный запахами бумаги и чернил, но отчасти похожий на какую-то пыточную камеру с огромными скрипучими хитроумными приспособлениями из дерева.

– «...Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, унизив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату»^[14].

Эту новую Библию издали в прошлом году, и мы приобрели три экземпляра: один для дома, второй для церкви, и третий для матери Ричарда. Все книги были красиво отделаны, с золотым обрезаем и тонкими, как цветочные лепестки, страницами.

– «...Но они кричали: распни, распни Его! Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав его, отпущу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят»^[15].

Джон Бакстер был стар, его пергаментное лицо цветом напоминало листы Библии, однако голос его звучал с молодой мощью над покашливающими, шаркающими и шепчущими младенцами-прихожанами. Я почувствовала странную легкость в голове, словно вдруг превратилась в песочные часы, которые настала пора перевернуть.

– «Ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и

утробы неродившие, и сосцы непитавшие!» Тогда начнут говорить горам: «падите на нас!» и холмам: «покройте нас!»^[16].

Я почувствовала, как мать рядом со мной нервно поежилась, и наши юбки соприкоснулись. Из-за тугого корсета я с трудом дышала, на шее пульсировала набухшая жилка. В голове царила полнейшая пустота, и мне подумалось, что она сейчас отделится от шеи и, точно перышко, воспарит под церковные своды.

Джон Бакстер призвал нас подняться, и толпа прихожан встала со скамей, увлекая меня за собой, очертания кафедры затуманились и поплыли. А потом все поглотила тьма.

* * *

На следующее утро, предпочтя не ждать у окон прихода Алисы, я решила присоединиться к Ричарду на лужайке, где он приучал к охоте своего нового сокола. С отъездом матери грозовая туча рассеялась, но ее заменило более привычное мне пасмурное настроение. Осторожно пройдя по влажной траве к стоявшему около лестницы Ричарду, я тихо остановилась за его спиной, чтобы не напугать птицу, шнуром привязанную к его запястью. Слепленная колпачком, она в смятении летала над нами, привлеченная запахами куриного мяса, исходившего из сумки, висевшей на бедре Ричарда. Обучение ловчих птиц было настоящим искусством, и Ричард уже мастерски освоил его. Пощелкав языком, он потянул за шнур, и сокол начал спускаться, сужая круги, пока не опустился прямо на его перчатку. Тогда он бросил соколу кусочек мяса.

– Мне так и непонятно, почему вы сами занимаетесь обучением, позволяя сокольничему бездельничать, – призналась я, – удивительно: как вам только это не надоест?

– Но такое занятие доставляет мне большое удовольствие, – спокойно ответил он, – и, кроме того, птица всегда будет слушаться вас только в том случае, если вы сами пройдете с ней весь путь обучения. Преданность заслуживают, а не требуют.

Вновь слетев с его руки и быстро достигнув конца привязи, птица испуганно заверещала.

Эту охотницу отловили в Турции. Если она будет продолжать так истошно кричать, то не надо будет привязывать ей никаких бубенцов.

– Наверное, она ругается на вас, – поддразнила я.

– Я не знал, что вы знакомы с турецким языком.

– Вам еще многое предстоит узнать обо мне.

Мы обменялись улыбками, и мои тревожные мысли вновь всплыли в голове. Я попыталась отделаться от них.

– Вас что-то беспокоит? – поинтересовался Ричард.

Как просто было бы пойти и достать то злосчастное письмо из ящика комода!

«Скажите, почему вы скрыли его от меня, – могла бы спросить я, протянув ему письмо, – скажите мне, что все это неправда».

Но я лишь покачала головой и попыталась опять сосредоточиться на птичьих полетах.

– Роджер пригласил нас в пятницу на обед, – сказала я.

– Да, он говорил мне, что встретил вас на прогулке. Он заезжал сюда со своей ведьмой?

– Она показалась мне на редкость странной. Не знаю, что меня больше успокоило – безразличие Роджера к ее присутствию, или она сама. Однако она ведь, должно быть, опасна, иначе он не надел бы на нее наручники. И зачем вообще Роджер притащил ее к нашему дому?

– Он сделал ее своей постоянной спутницей. Пока она у него на глазах, он занимается королевскими делами. Не сомневаюсь, что он избавится от нее, добившись от нее нужных ему признаний.

– По-моему, вы считаете вашего друга слишком ожесточенным и бессердечным.

– Дорогая, ваши взгляды еще слишком невинны и простодушны, – искоса глянув на меня, возразил он и добавил, мягко коснувшись пальцем кровоподтека, расцветшего на моем виске: – видимо, вы сильно ушиблись.

– Зато этот синяк добавляет колорита моему наряду. Но более всего пострадала моя гордость... ведь я хлопнулась в обморок на глазах всего прихода.

– Наверное, нам лучше ограничить пока ваши перемещения домашними стенами. Сначала вы упали с лошади, а теперь еще потеряли сознание в церкви. Что же нам с вами делать?

К дому за нашими спинами подвезли бочки с вином, их уже закатывали в погреб по каменному желобу. Внимание Ричарда вновь вернулось к птице, и я, проследив за его взглядом, восхитилась ее блестящими когтями и плавными взмахами ее крыльев и, конечно же, сдерживаемым привязью полетом. После нескольких месяцев обучения, для начала ей предложат в качестве добычи тушку зайца, набитую живыми цыплятами, далее ей придется поймать зайца со сломанной лапкой. Где, интересно, я буду к тому времени, когда она вылетит на свою первую

настоящую охоту? Может, упокоюсь на церковном кладбище?

Сокол с пронзительными криками пролетал над нами, и взмахи его крыльев перемежались с отдаленным стуком копыт. Ричард призвал птицу обратно на перчатку, и именно в тот момент у меня впервые возникло абсолютно новое ощущение: я почувствовала шевеление ребенка. Я совершенно безошибочно ощутила его, однако оно прекратилось еще до того, как я осознала случившееся. Это произошло так быстро, что мне подумалось, уж не разыгралось ли мое воображение? Правда, однажды я уже испытывала такое ощущение: словно я превратилась в бочку с водой и во мне плавала рыба. Я схватила Ричарда за руку, все мое существо исполнилось ликования.

– Что с вами, Флитвуд, хорошо ли вы себя чувствуете?

– Да, – солгала я, – малыш... я почувствовала его шевеление.

– Но это же чудесно! – просиял он, и я невольно ответила ему широкой улыбкой.

Птица нетерпеливо взмахивала крыльями, и мои радостные мысли рассеялись, не успев угнездиться в памяти.

– Алиса, должно быть, уже направилась к нам... пожалуй, я поеду встретить ее на колнскую дорогу.

– Ваше запястье уже достаточно окрепло для езды?

– Почти как новое. – Я показала ему перевязанную руку.

* * *

Радуюсь свежему воздуху, я ехала вдоль реки по лесистому берегу, и с каждым шагом лошади осознавала, как мои мысли о собственной жизни начинают менять направление и отдаляться, сменяясь размышлениями о жизни Алисы. Ведь я так мало знала о ней. В тот день, когда она спасла меня и мы уже приближались к крыльцу нашего дома, я спросила ее об отце, и Алиса сообщила мне, что он болен и не может работать. Интересно, крепки ли между ними родственные связи, или Алиса мечтает выйти замуж и тоже уехать из родного дома?

Судьбы бедных девушек разительно отличаются от судеб богатых, которым, точно откормленным к Рождеству индейкам, остается лишь сидеть по домам в ожидании прибытия неведомого мужа. Бедные девушки могут сделать собственный выбор, вероятно, даже на равных с мужчинами: их внимание, к примеру, может привлечь сосед или продавец в лавке, где они каждую неделю покупают мясо. Я попыталась представить Алису

рядом с мужчиной – как она ласкает его лицо длинными белыми пальцами, как он склоняет голову к ее золотистым волосами... и не смогла.

Лес поредел и расступился перед широким лазурно-голубым окоёмом, впереди, точно свежее белье на постели, расстилались зеленые холмы. За речной излучиной мне пришлось свернуть с холмов, опять углубившись в Хэггвуд, предназначенный для вырубki лес. Стук лошадиных копыт стал тише, и вскоре я увидела впереди на поляне две фигуры – женщины в буроватого цвета платьях и белых шапочках. Они пока не замечали меня. Я слегка натянула поводья, лошадь замедлила шаг, и тогда я узнала в одной из них Алису, ее громкий и сердитый голос разносился между деревьями. Соскользнув с седла, я молча пошла к ним навстречу по мшистой земле и остановилась за деревом, откуда смогла лучше разглядеть вторую женщину.

Такое уродливое лицо я видела впервые в жизни... оно казалось пугающе страшным. Очевидно, она жила в бедности. Мешковатое и бесформенное платье она сшила, похоже, сама из какой-то дерюги, оно лишь уродовало очертания ее худосочной фигуры. Но особую тревогу вызывали ее глаза: они располагались на ее лице на редкость нелепо, совсем не так, как у обычных людей. Один глаз, расположенный выше, смотрел вверх на листву окружавших ее деревьев, а другой, расположенный ниже на ее щеке, обозревал древесные корни. Лучше или хуже она все же видела благодаря такой особенности. Открыв рот и слегка высунув язык, она слушала Алису, ее тихий и в то же время резкий голос.

Мне не удавалось разобрать слов, но когда я подалась вперед, то вздрогнула, заметив, как кто-то движется ко мне. Из-за деревьев появилась тощая коричневая собака с всклокоченной, свалявшейся шерстью и, обогнув меня, потрусил к разговаривающим женщинам, но они не обратили на нее ни малейшего внимания. Тогда, пробежав между ними, она опять скрылась в лесу. Наверное, она пришла вместе с этой уродливой особой. Я уже подумала, что лучше уйти, пока меня не заметили, но тут Алиса шагнула в ту сторону, где прятались мы с лошадью, и я замерла. И тогда раздался скрипучий и дребезжащий голос второй женщины, видимо, она высказывала какие-то предостережения или указания.

Где-то вдали залаяла скрывшаяся в лесу собака, и ее хозяйка быстро оглянулась, но перед этим успела бросить в мою сторону – напугав меня до жути – взгляд своих дико странных глаз. По всему моему телу побежали мурашки, и я лишь надеялась, что сквозь листву мое зеленое платье трудно заметить. Она опять сказала что-то Алисе и, развернувшись, с трудом поплелась вслед за собакой, продолжая бормотать себе под нос.

Алиса еще немного постояла на полянке, и я заметила, как сжимаются

и разжимаются ее кулаки. Потом она поежилась и, обхватив себя руками, растерла плечи... она выглядела такой хрупкой и уязвимой, что мне стало стыдно за то, что я тайно наблюдала за ними. Алиса быстро пошла в другую сторону, прямо к реке.

Странно, но я нигде не заметила ее лошади, не слышала также и стука копыт по лесной дорожке. Не зная, как лучше поступить, я поглядывала ей вслед, а потом забралась в седло и, пустив лошадь легким галопом, поскакала к дому короткой дорогой. Запыхавшись, я спешила у крыльца, обернулась, окинув взглядом подъездную дорогу, и вскоре увидела ее ссутулившуюся фигуру, она быстро шла от реки, появившись из-за деревьев в восточной части парка. Ее походка отличалась уверенной грацией, она ловко, как кролик, пробежала по лужайке перед домом, согнувшись от встречного ветра. Она не надела даже плаща. Лицо ее хранило мрачное выражение, она выглядела явно встревоженной.

– Где же твоя лошадь? – сразу спросила ее я.

Она помедлила с ответом, услышав собачий лай с той стороны, откуда пришла. И рассеянно оглянулась.

– Алиса?

Входная дверь открылась, и на крыльцо вышел Ричард.

– Какая радость, две дриады вернулись из леса. Добрый день, мисс Грей.

– И вам того же, сэр, – кивнула Алиса, опустив глаза.

– Надеюсь, вы хорошо заботитесь о моей жене?

Алиса вновь кивнула.

– Флитвуд, вы полагаете, ваша лошадь сама вернется в конюшню? – спросил Ричард.

Собравшись с силами, я взяла поводья, готовая еще немного прогуляться до конюшни, но Ричард остановил меня.

– Возможно, ваша повитуха сумеет отвести ее.

Я взволнованно глянула на Алису, она выглядела расстроенной и была бледнее, чем обычно.

– Если ты, разумеется, не против? – обратился к ней Ричард.

С каким-то страдальческим выражением лица Алиса взяла у меня поводья. Проводив ее взглядом, я видела, как она, сторбившись, шла рядом с животным, и потом, подобрав юбки, поднялась на крыльцо и направилась в дом.

– Она выглядит слишком молодой для акушерки, – заметил Ричард, когда я прошла мимо него в полутемную прихожую.

Входная дверь захлопнулась, и от сквозняка ярче вспыхнули неровные

язычки пламени в настенных фонарях.

– На мой взгляд, она примерно вашего возраста.

– И все же, полагаю, что нам лучше поехать в Лондон. Там есть множество акушерок, ежедневно принимающих младенцев.

– О, Ричард, не вынуждайте меня ехать в Лондон. Мне так хочется, чтобы наш сын родился в своем родном доме, – видимо, мой довод подействовал, и Ричард мягко пожал мою руку. – Алиса должна осмотреть меня, мы будем в моей комнате.

* * *

Когда спустя минут десять она все еще не появилась, я поднялась с ковра, где гладила Пака, и вышла на верхнюю площадку лестницы. Там я и увидела ее, она стояла под нашим с матерью портретом и разглядывала его. Она не знала, что я наблюдаю за ней, и я заметила, как поднялись уголки ее губ, словно она улыбалась, погрузившись в какие-то приятные воспоминания.

– Ну и что ты думаешь о моей матери? – спросила я, слегка напугав ее.

– Она очень... умная, – ответила она, вызвав у меня усмешку. – А рядом вы? – Она кивнула на девочку на картине.

– Чему ты улыбалась?

– Для такой маленькой девочки у вас слишком серьезное лицо. Вы напомнили мне о... – Ее голос упал.

– Кого же?

Но так ничего и не ответив, она мотнула головой, словно выбрасывая из нее какое-то видение, подобрала юбки и поднялась ко мне. Мы зашли в гардеробную с очевидно заметной выдвижной кроватью, где временно спал Ричард, и тогда я заметила, что она пришла с пустыми руками, хотя обещала принести какие-то травы.

– Моего мужа заинтересовал твой возраст, – сказала я, закрывая дверь.

Она приоткрыла рот, но ничего не сказала, лишь ее плечи слегка поникли.

– Я и сама не знаю.

– Ты не знаешь, сколько тебе лет? – Я изумленно взглянула на нее. – Ладно, а когда у тебя день рождения?

– Наверное, мне немного больше двадцати лет, – ответила она, пожав плечами.

– Так ты не знаешь дня своего рождения?

– К сожалению, я должна вам кое в чем признаться. Я потеряла ту лошадь, которую вы дали мне.

– Как это потеряла?

– Я привязала ее около своего дома, а на следующее утро ее там уже не было.

Всем своим видом она выражала сожаление, а я мысленно отругала себя за глупость. Мне даже не пришло в голову спросить, есть ли у них конюшня, хотя ее, разумеется, не было. Мне следовало дать ей денег, чтобы она могла оставить лошадь на постоялом дворе или ближайшей ферме. Она ошибочно приняла мое молчание за глубокое недовольство и продолжила:

– Я верну вам деньги, буду работать бесплатно. Сколько стоят лошади?

– Не знаю... может быть, несколько фунтов? – Ее лицо погрузнело. – Не переживай, забудем об этом, я буду платить тебе, как договорились, – не слишком уверенно сказала я, осознавая, как ужасно может расстроиться Ричард.

Как же я сообщу ему? Не важно. Раз Алиса уже пришла, надо сосредоточиться на насущных делах.

Я спросила, что она мне принесла, и она, отойдя к комоду, подняла свои юбки и, достав из привязанного к нижнему белью мешка льняные свертки, выложила их на полированную поверхность; в этих свертках оказались какие-то травы разных оттенков зеленого цвета. На ковре величественно дремала собака, и в топке бодро и весело потрескивал огонь, придавая моей гардеробной атмосферу жаркой кухни. Не зная, что делать дальше, я присела на кровать.

– Ты похожа на странствующую травницу, – заметила я, – на Ричарда это произведет хорошее впечатление.

– Укроп, бархатцы, лаванда, ромашка, – пояснила она, показывая соответственно на разные связки трав.

Она взяла первый пучок: мягкий и воздушный с перистой зеленью.

– Пусть ваша кухарка измельчит укроп и смешает с маслом, эту смесь вы можете добавлять к разным мясным, рыбным или любым другим блюдам.

– А чем все это полезно?

– Многим. Вот эти лепестки, – она взяла щепотку маленьких желтых цветков, – можно подсушивать и добавлять в горячее молоко или использовать как приправу для сыра. Вас будет меньше тошнить, если каждое утро и на ночь вы будете выпивать по чашке горячего молока, настоянного на бархатцах.

Я кивнула, мысленно повторив: масло, горячее молоко, сыр.

– Лаванду, – продолжила она, – надо залить дождевой водой и настоять, и если вы окропите такой настойкой ваши наволочки, то будете лучше спать и избавитесь от дурных снов.

Она выразительно посмотрела на меня, и на мгновение я задумалась, рассказывала ли ей о своем кошмаре. Откуда она узнала? Алиса вновь подняла свой передник и двумя пальцами извлекла стеклянный пузырек.

– Я сама уже приготовила вам немного... это единственная имеющаяся у меня бутылочка.

Она подошла к кровати и, наполовину прикрыв горлышко пальцем, слегка потрясла пузырек над подушками и стеганым одеялом. Внезапно она склонилась и начала что-то разглядывать.

– У вас выпадают волосы?

Я смущенно коснулась волос там, где они едва покрывали подложенные валики.

– Да.

Я не видела выражения ее лица, но она, казалось, думала только о том, как получше окропить лавандовой водой мое постельное белье. Минуту спустя она вернулась, вручила мне пузырек и взяла горстку похожих на маргаритки цветочков.

– «Выросло много ромашек вдоль дорожки, там где ходили наши ножки», – процитировала я, – знаешь такой стишок?

– Нет, – коротко ответила она, – замачивайте эти цветы также в горячем молоке, потом процедите, и можно пить. И последнее. – Она взяла длинными пальцами какую-то узкую щепку, похожую на древесную кору. – Это ивовая кора. Пожуйте ее, если у вас появятся внутренние боли... она поможет.

– А где ты все это раздобыла? В падихамской лавке?

– У знакомых, – ответила она.

– Знахарок?

– Большинство женщин разбираются в целебных травах.

Не знаю, может, она поддразнивала меня.

– А им можно доверять?

Алиса пристально посмотрела на меня.

– По мнению короля? Нет. Он не дает им спокойно трудиться. Но люди-то продолжают болеть, умирать, рожать детей, и не у каждого есть королевский лекарь. Король наш перепутал знахарок с ведьмами.

– Такое впечатление, что ты не одобряешь его.

Промолчав, она принялась складывать свои льняные лоскуты. В наших краях многие имели свои особые соображения по поводу деятельности

короля, однако разумно держали их при себе, поэтому откровенность ее слов потрясла меня. Может, все простолюдины склонны так откровенно выражаться?

– Наш король не поддерживает женщин, пытающихся жить и трудиться по мере своих возможностей: помогать соседям, излечивать болезни, сохранять жизнь их детям. И пока он их не поддерживает, я не поддерживаю его. – Она сложила руки и более серьезно спросила: – Вы запомнили все мои наказания?

– По-моему, да.

Я порадовалась, что ни Ричард, ни слуги не слышали нашего разговора. Вытащив свой мешочек, Алиса убрала туда сложенные лоскуты, а потом попросила показать ей мое запястье.

– Да, едва не забыла... – воскликнула я, пока она осматривала, прощупывая его и сгибая туда-сюда мою ладонь. Боли я уже не чувствовала.

– На днях вечером у меня было небольшое кровотечение, – призналась я.

Большие янтарные глаза Алисы встретились с моими, и вновь до меня донесся лавандовый аромат. Откуда же он исходил? Не могла же она пользоваться духами; должно быть, она втирала траву в запястья и шею. Я представила, как она натягивает свое грубое шерстяное платье и прячет волосы под чепец, а потом старается придать себе женственности этими душистыми растениями.

– Болезненное? – Я покачала головой, а она, прищурив глаза, задумчиво произнесла: – Возможно, у вас скопилась лишняя кровь, вредная либо для вас, либо для ребенка. В следующий раз я принесу другие травы.

– И когда ты придешь?

– Через пару дней. А пока вы делаете, как я наказывала, и тогда будете лучше себя чувствовать.

Я прошла к шкафчику, где прятала письмо лекаря, достала матерчатый мешочек с монетами и вручила ей деньги.

– Что это?

– Заблаговременная оплата за первый месяц. А много ли я должна тебе за эти травы?

– Ничего.

Она покачала весомый мешочек на ладони, и монеты, укладываясь поудобнее, слегка звякнули. Этот звук напомнил мне о Ричарде, и я невольно глянула в сторону двери. Пока я еще не говорила ни ему, ни Джеймсу, сколько собираюсь платить Алисе... этот вопрос мог подождать,

пока мой живот не станет еще больше, и тогда он сможет понять, как хорошо действуют ее настойки. Тогда он вряд ли станет возражать.

Девушка вышла из комнаты и начала спускаться по винтовой лестнице, а я, проводив ее взглядом, решила остаться наверху и немного отдохнуть. Обычно я собирала свои темные волосы с подушки и бросала их в огонь, с тревогой раздумывая, не выпадут ли они совсем, оставив мою голову лысой, как яйцо. Чего же еще может лишить меня этот ребенок? Конечно, в наше время делают чудесные парики, но натуральные женские волосы не менее ценны, чем все наряды и драгоценности, и их никто не сможет отобрать. Если я стану нежеланной для Ричарда с моим выросшим животом и бледной кожей, то он наверняка не захочет меня без моих черных волос, раньше блестящих, как вороново крыло. Встречаясь с его сестрами, я слегка завидовала их послушным золотистым шевелюрам. Но черный цвет считался более роскошным, сложным для окраски и сохранения. Черный означал здоровье и силу.

Устроившись на краешке кровати, я провела рукой по подушке, но не обнаружила на белой наволочке ни одного черного волоса. Должно быть, Алиса убрала их. Опустившись на кровать, я закрыла глаза, и вскоре лавандовый аромат подействовал на меня усыпляюще.

Глава 7

С первых дней нашей семейной жизни Ричард с гордостью представлял меня в обществе. И под взглядами его знакомых на приемах я сияла от счастья, точно самоцвет в свете канделябров, обычно искала его взгляд, и, находя в нем одобрение, сияла еще ярче.

Я с нетерпением ждала ужина в доме Роджера, и сияла еще ярче теперь, когда снабдь Алисы оздоровили меня. Хотя я радовалась тому, что она не видит, как я нервно вышагиваю по своей комнате, набираясь храбрости, чтобы спуститься на кухню и выдать ее указания слугам. Моя мать не уставала повторять мне, что я придаю слишком большое значение тому, что думают обо мне окружающие, но на самом деле больше всего меня волновало то, что будут болтать люди за моей спиной. Мысли зачастую оставались тайными, а слухи распространялись мгновенно, и я понимала, что как хозяйка Готорпа являюсь объектом и того и другого. Кухарка выслушала меня, удивленно подняв бровь, когда я выдала ей укроп, приказав смешать его с маслом, а потом высыпала на вычищенную деревянную столешницу цветки ромашки для молочного настоя. Однако она все запомнила, и вечером у дверей моей спальни появилась кружка сладковатого теплого молока, настоянного на ромашке, а на следующий день к обеду для меня подали особое укропное масло, и впервые я прониклась к слугам некоторой симпатией. Ричард продолжал спать в соседней комнате, поэтому я надеялась, что после моего блистательного появления у Роджера выдвижная кровать в дальнейшем будет пустовать.

Наступила пятница, и к одиннадцати часам мы приготовились выехать в Рид-холл. Дни уже стали длиннее, и даже если мы проведем у Ноуэллов целый день, то все равно вернемся засветло. Мне не особенно нравилось ездить по вечерам, когда лесистые обочины дороги терялись во мраке, наполненном шелестом ветвей и натужным скрипом корней, похожим на скрип поводков охотничьих собак. Я так давно страдала от недомоганий, что уже забыла, когда же последний раз мы с Ричардом вместе ездили в гости, поэтому сегодня нарядилась с особой тщательностью, выбрав свое любимое синее платье, расшитое экзотическими птицами и жуками, и высокую шелковую шляпу, накинув сверху плащ для верховой езды. Не желая портить праздничный вечер, я решила повременить до лучших времен с сообщением о пропавшей лошади. Я твердо решила весело провести время.

– Ах, вот и наши влюбленные голубки.

Роджер приветствовал нас в большом зале, вручая каждому по бокалу белого сухого вина, похожего на херес и привезенного из Испании. Его наряд отличался изысканностью, но он дополнил свой черный бархатный костюм и мягкие туфли деталями, присущими сельскому жителю. Его жена, Кэтрин, в платье из черных кружев с тонкой золотой вышивкой, направилась прямо ко мне. Волосы она уложила в затейливую прическу, а ее высокую грудь красиво подчеркивало глубокое декольте. Я была моложе ее дочери, но мы обе интересовались модами и новостями жизни Лондона, а еще лучшими портными и тканями из Манчестера, Галифакса и Ланкастера.

– Какие новости в Готорпе? Давненько мы с вами не виделись... Ричард говорил, что вы плохо себя чувствовали. Надеюсь, теперь вам уже лучше? – спросила Кэтрин после того, как мы обменялись неизбежными комплиментами по поводу наших нарядов. В отблесках горящих канделябров живо посверкивали изумрудные подвески в ее серьгах.

– О да, вы правы, – ответила я, – последнее время я никуда не выезжала, но сейчас мне значительно лучше, благодарю вас.

– Роджер говорил, что недавно вы выезжали с ними на охоту? Удивительно... как только вы не боитесь испачкаться на наших слякотных дорогах!

– Увы, Ричард поругал меня за то, что мой голос распугал всех зверей... вероятно, охотничьи поездки не лучшее место для разговоров с друзьями, – улынулась я.

– Мы всегда рады вам в Риде... хотя сейчас у нас небольшие сложности с покоем.

– Правда?

– Думаю, Роджер предпочтет сам рассказать вам все за ужином.

В этот момент один из мужчин в зале обернулся, и я узнала в нем Томаса Листера. Перехватив мой взгляд, он вежливо поклонился.

– Мистер Листер недавно заезжал в Готорп по пути в Йоркшир, – сообщила я Кэтрин.

В компании с Роджером, Томасом и Ричардом стоял еще сморщенный старик, Ник Баннистер, бывший судья Пендла, бережно прижимая к груди кубок.

– Кстати, Роджер уговорил Ника прервать свое затворничество,

пообещав несколько жирных птиц и бочонков вина, – дружелюбно добавила Кэтрин, и предложила всем нам пройти к столу.

Томас Листер оказался слева от меня, Ник Баннистер – справа, а напротив сидели Роджер, Кэтрин и Ричард.

– Нам пришлось разделить этих голубков, чтобы они не ворковали целый вечер только друг с другом, – подмигнув мне, шутливо изрек Роджер.

Я улыбнулась и представила, какое впечатление произвело бы на них известие о том, что эти два голубка спят в разных комнатах.

Подали первые блюда: открытые пироги с бараниной, пирожки с начинкой из лани и гороховую похлебку с окороком. Роджер терпеливо дождался, когда все присутствующие за столом нормально устроятся и обеспечат себя полными тарелками закусок.

– Итак, – произнес он, видя, что мы вооружились ножами, – как всем вам известно, последние дни я расследовал ряд преступлений в окрестностях Пендла. Некоторые из вас, однако, не знают о новых арестах, произведенных после чрезвычайно тревожных дознаний, – не вставая со стула, он жестом приказал одному из слуг наполнить наши бокалы вином, – возможно, вы помните, что я рассказывал вам об Элисон Дивайс, девушке, околдовавшей торговца Джона Лоу? Так вот, мне приятно доложить вам, что теперь она вместе с ее родней заключена в тюрьму, поэтому ни в чем не повинные жители Пендла в данное время могут не бояться происков дьявола.

– Так ее родня тоже в тюрьме? – спросила я.

– Да, – степенно кивнул Роджер, – ее мать, бабушка и брат, все признались в колдовстве и приверженности папизму. Много жизней потеряно из-за этого семейства Дивайс... слишком долго удавалось их колдовству ускользать от глаз закона.

Ник Баннистер, сидевший справа от меня, впервые произнес своим сухим, хриловатым голосом:

– Не случайно же, пожалуй, фамилия Дивайс созвучна с именем дьявола?^[17]

Дождавшись, когда все отсмеялись, я спросила:

– А в чем именно их обвиняют?

– О-о... – Роджер небрежно взмахнул рукой, – ужасные и самые разнородные деяния: глиняные куклы, всякие заклинания, проклятия. У каждого из них имеется свой дух-покровитель, чему есть достаточно доказательств.

– А вы видели их духов? – спросила я, вспомнив, что он никогда сам

не видел духа-покровителя Элисон.

– В этом не было надобности. Мне известно, что они существуют. Джон Лоу описывал духа-покровителя Элисон, принявшего облик собаки. У ее матери, Элизабет, дух той же породы, по кличке Болл, а ее бабушка скрывала своего духа около двадцати лет. Два десятилетия она, заключив договор с дьяволом, выполняла его повеления по всему графству.

– Но как же вы можете точно знать это, если никогда не видели их? – спросила я.

В воцарившемся непродолжительном молчании все вокруг спокойно продолжали жевать и глотать. А Роджер внимательно смотрел на меня.

– Дьявол является только тем, кого признает своими пособниками. Они подпитывают животных своей же человеческой кровью... разве это похоже на безвредного домашнего питомца? Вот вы, Флитвуд, позволяете своей собаке проделывать такое?

– Роджер, – спокойно произнес Ричард, – если я напущу на вас моего сокола, то он может подкрепиться и вашей кровью.

Все, за исключением меня, рассмеялись.

Взяв нож, я погоняла кусочек запеканки по тарелке, но от жирной баранины меня слегка замутило.

– Какие новости о суде над Престон? – обратилась Кэтрин к Томасу Листеру, которого всегда приходилось вовлекать в разговор.

Услышав имя своей бывшей служанки, он напряженно выпрямился и прочистил горло.

– К несчастью, ее оправдали, – тихо ответил он, жадно глотнув вина, – но я уверен, что не успеет она оглянуться, как все будет в порядке.

Мне показалось, что я плохо его расслышала.

– Что, собственно, будет в порядке? – уточнила я. – Вряд ли вы предпочли бы, чтобы она вернулась в Уэстби, если полагали, что она виновна в смерти ребенка?

Он поставил кубок на стол и промокнул салфеткой свой миниатюрный рот.

– Нет, просто ее будет ждать очередное судебное разбирательство в Йорке.

Я посмотрела на других гостей.

– Извините, но я не понимаю...

– Ведь Дженнет Престон, – почти прошептал он, – убила и моего отца.

Над столом повисло молчание. Тишину нарушали лишь порывы ветра за окном да веселое потрескивание дров, жарко горевших в топке огромного камина. Остальные гости выглядели не менее смущенными, чем

я. Откинувшись на спинку стула, Роджер покровительственно кивнул Томасу, точно тот выдал нам некую сокровенную правду.

– Ваш отец умер уже четыре года тому назад, – заметил Ричард.

Томас не поднимал глаз от своей тарелки, его хрупкая фигура напряженно застыла.

– Я никому еще не говорил о том, каковы были его последние слова, – тихо произнес он, – мы с матерью слышали их. Он был безумно напуган.

– Чего же он так боялся?

– Престон. На своем смертном одре мой отец вдруг крикнул: «Дженнет лежит бременем на мне! Жена Престона сжимает мою грудь... помогите, помогите мне!» – на последних словах голос его перешел на истошный вопль.

Все за столом продолжали хранить молчание, а звенящий голос Томаса разносился по всему залу.

– Отец велел нам запереть двери, все двери в доме, чтобы она не сумела сбежать, – заключил он.

– А она тогда жила в доме?

– Ее дух. Насколько я понял, он видел его. После его смерти ее привели к телу моего отца, и от ее прикосновения труп начал кровоточить.

– Вернейший признак ведьмовства, – уверенно произнес Роджер.

– Но, – начала я, – если это произошло четыре года тому назад, то почему же ее решили привлечь к суду только сейчас? А в прошлом месяце привлекли по другой причине?

Томас взглянул на Роджера.

– На прошлой неделе, в Страстную пятницу, когда все мы, праведные граждане, усердно молились, состоялось одно собрание, – многозначительно, словно открывая некий секрет, произнес Роджер, – и пока все мы постились, почитая Господа, это сборище пиоровало, поедая украденную баранину. И происходило это пиршество в убогом жилище, известном под названием Малкинг-тауэр, в доме бабки Элисон Дивайс, старухи Демдайк. С ними пиоровала и Дженнет Престон.

– Так эта Престон знакома с семейством Дивайс? – удивился Ричард.

– Да, – Роджер снова кивнул, – потому что она тоже ведьма. И знаете, о чем они говорили тогда, помимо того, что хвалились своими духами-хранителями и богохульствовали, поминая Господа нашего Иисуса Христа, ради коего им надлежало хранить пост? Так вот, конечно же, обсуждали они и нашего молодого мистера Листера.

– Почему?

– Престон замышляла убить его, – прозаично произнес Роджер.

Я почувствовала, как вздрогнул сидящий рядом со мной Томас. Он принялся переключать свои столовые приборы, перемещать тарелки и кубки, пытаясь с упорной педантичностью выстроить их в некоем гармоничном порядке.

– Но обсуждали они не только его, – продолжил Роджер, – большинство из них собралось для обсуждения заговора, подобного тому, что не так давно едва не лишил трона нашего короля. – Он склонился к столу, его зубы блеснули, отразив пламя свечей. – Они задумали взорвать замок Ланкастера, где содержатся в тюрьме их родственники. Чтобы освободить их.

– Как же вы об этом узнали?

Роджер прочистил нос, аккуратно убрал носовой платок и, отодвинув стул, встал.

– Позвольте мне представить вам моего самого ценного свидетеля.

Он вышел из зала, а когда вернулся, обхватив своей большой, точно медвежья лапа, рукой плечи девочки, над столом пронесся легкий вздох.

Она вошла в зал вместе с ним, и они остановились поблизости от стола. На вид ей было никак не больше девяти или десяти лет, на бледном, заостренном детском личике выделялись большие ясные глаза. Пряди ее волос мышинного цвета выбивались из-под свеженакрахмаленного чепца, и даже туго завязанный фартук не скрывал того, что она едва не утопала в простом шерстяном платье, явно с чужого плеча. Девочка без всякой опаски обвела нас взглядом, и когда она смело глянула на меня, я не смогла отвести взгляд. Меня вдруг встревожило то, что на лице ее не проявилось не только боязни, но и ни малейшего иного чувства, выражение ее лица оставалось неизменным, как на портрете.

– Вот, – заявил Роджер, – познакомьтесь с Дженнет Дивайс.

– Популярное в их среде имя, – прохрипел мистер Баннистер.

– Господин и госпожа Шаттлворты, господин Листер, позвольте мне представить вам источник всех моих знаний. Дженнет помогала господину Баннистеру и мне в наших расследованиях. Она доводится сестрой Элисон.

Я заметила, что Кэтрин взглянула на эту девочку с каким-то испугом и подозрительностью. Словно ей хотелось бы оказаться от нее подальше.

Повернувшись к мистеру Баннистеру, я спросила шепотом:

– Неужели она живет здесь, в Рид-холле?

– Именно здесь, – так же тихо ответил он, – в одной из бывших комнат их выросших детей.

Интересно, подумала я, как к этому относятся в семье Роджера... сама я не знала, что и думать. Не ведьма ли она, раз приходится родной сестрой

Элисон? Молчание затягивалось, однако все так пристально разглядывали эту девочку, Дивайс, что у меня мурашки побежали по коже, поэтому я решительно нарушила тишину:

– Привет, Дженнет. Как тебе нравится в Рид-холле?

– Нормально, хороший дом, – резким голосом с каким-то сильным акцентом ответила девочка.

– И надолго ты здесь останешься?

– Она поживет здесь, пока не будет назначена дата судебного слушания на летних ассизах.

– До августа? – Кэтрин тихо охнула. – Неужели она будет жить у нас так долго?

– Но, Кэтрин, куда же ей идти? Вся ее родня заключена в тюрьму Ланкастера, и они останутся там до самого призвания на суд Его Величества.

Его слова, казалось, не произвели на Дженнет ни малейшего впечатления; она продолжала разглядывать гостей и сам зал, ее блуждающий взгляд задержался на портретах, панельной обшивке стен и родовых щитах с гербами. Очевидно, ей еще не приходилось видеть такой роскоши, ни огромного камина, в топке которого она могла встать во весь рост, ни обилия блюд на столе.

– Дженнет, ты хотела бы попробовать блюда второй перемены? – спросил Роджер. – Скоро нам подадут жареных цыплят и говядину, а также хлеб и масло, приготовленные нынче утром.

Дженнет пылко кивнула, и ее усадили в конце стола рядом с Кэтрин, все еще явно пребывавшей в тревожном замешательстве. Хотя на губах ее играла гостеприимная улыбка, она не затронула ее печальных глаз. Лишь ее серьги весело поблескивали.

– В Страстную пятницу Дженнет присутствовала на сборище в Малкинг-тауэр и рассказала мне, о чем там говорили... включая злоумышления Престон против нашего господина Листера, – провозгласил Роджер, заняв свое место, – там собралось довольно много народа, как сообщил мне и ее брат Джеймс, а Дженнет подтвердила весь список названных им имен. У нас славное сотрудничество, верно, Дженнет?

Ребенок пожирал глазами остатки блюд на столе, и я невольно то и дело поглядывала на нее. Головка ее была на редкость маленькой, и мне вдруг представилось, что Роджер мог бы раздавить ее одной рукой. Казалось, девочку совершенно не волновало то, что всех ее родных заключили в тюрьму, и я не могла решить, какие же чувства она пробуждает во мне – страх или жалость.

Когда подали вторую перемену блюд, Роджер с Ричардом уже обсуждали интересовавшие их дела: цены на соль; какой скот нынче больше ценится на рынке. Дженнет набросилась на еду, как дикое животное, перепачкав жиром лицо и руки. Я по-прежнему поглядывала на нее, но резко оглянулась, услышав, как Ричард сообщил Роджеру, что заказал ружье.

– Какое ружье? Ричард, вы ничего не говорили мне об этом.

Ричард выразительно взглянул на Роджера.

– Флитвуд, вряд ли мне понадобился бы ваш совет в таком деле, – сказал он, – если только мне пока неизвестно, что когда-то в детстве вы приобрели глубокие знания о кремневых ружьях.

Мужчины рассмеялись, а я покраснела.

– А не опасно ли держать оружие в доме?

– Ничуть, безусловно, если правильно с ними обращаться, – высокомерно ответил Ричард.

После чего опять обратился непосредственно к Роджеру, показывая, что эта тема исчерпана.

Я попыталась разговорить сидящего слева от меня Томаса, но он вел себя как-то странно и прятал глаза: по-моему, его пугало присутствие этого ребенка. Кэтрин, сидя рядом с Дженнет, тоже, видимо, нервничала, и ни разу не заговорила с ней. Вскоре разговор вернулся к начатой Роджером теме охоты на ведьм.

– Давайте поговорим подробнее после ухода этой девочки, дабы избавить ее от возможных ночных кошмаров, – предложил Роджер. – Дженнет, поднимайся в свою комнату, утром я пошлю за тобой.

Девочка была настолько худенькой, что выскользнула из-за стола, даже не отодвинув стула. Она бесшумно удалилась из зала, и едва за ней закрылась дверь, возникло явственное ощущение того, словно ее появление было чистым наваждением.

Роджер повернулся к нам и с доверительным видом сообщил:

– Ее мать была вне себя, узнав о том, что поведала нам эта девочка. Я уж думал, что она лишится рассудка прямо у меня на глазах.

Господина Баннистера вдруг одолела отрыжка, и он извинился, прикрыв рот старческой, испещренной темными пятнами, рукой.

– Да уж, доложу вам, – проскрипел он, – эта Элизабет Дивайс точно услада для пресыщенных глаз. Вы ужаснулись бы, увидев ее: глаза у нее на разном уровне, причем тот, что выше, смотрит вверх, а другой – прямо упирается в пол.

Меня вдруг словно окатило ушатом ледяной воды. Я безмолвно

взирала на мистера Баннистера, и он, видимо, ошибочно принял мое недоумение за изумленное восхищение.

– Она выглядела, как персонаж комедийной пьесы, но меня эти причуды природы не впечатлили. Не представляю, как ей удалось соблазнить двух мужчин и родить троих детей.

Во рту у меня стало сухо, как в пустыне.

– А где же они обитают, эти Дивайсы?

– На окраине Колна. Их Малкинг-тауэр не более чем жутко сырой амбар. Не представляю, как люди живут в таких развалюхах.

Глава 8

– Это не ради удовольствия. Вам нужно укрепить здоровье.

Алиса взяла один из предметов, выложенных ею на комод в моей гардеробной: складной ножик в роговой оправе. На мгновение я с ужасом подумала, что она собирается вскрыть мне живот, но она заметила выражение моего лица, и ее сердитый взгляд смягчился.

– Я просто выпущу немного крови из ваших вен, – пояснила она, – только так можно избавиться от лишней крови.

Она вытащила тусклый ножик из роговой рукоятки и показала мне, что его лезвие было тупым, за исключением острого треугольного зубца на конце. Вещица выглядела забавно. Алиса добавила, что такой инструмент называется «фим». Я видела достаточно собственной крови и часто испытывала боль, чтобы не испугаться подобной процедуры.

Алиса появилась из леса, как обычно, неожиданно и таинственно, с загадочной целеустремленностью. Немного ссутулившись, она быстро прошла по газону перед домом. Она была явно не расположена к разговорам, впрочем, как и я. Нам стало проще общаться друг с другом, однако... настолько просто, насколько могли общаться две женщины из совершенно разных миров. Мне нравился ее мелодичный и мягкий голос, и я подумала, читает ли она своему отцу по вечерам у камина. Потом я вспомнила, что она не умеет читать. Хотя ее мягкость и кротость ограничивалась исключительно голосом, вяло подумала я, глядя на ее оживленные и ловкие движения, напряженно прямую спину и длинную, изогнутую, как у лошади, шею. В другой жизни она стала бы, наверное, прекрасной хозяйкой большого дома. Вероятно, лучшей, чем я. Работа в пабе могла закалить характер человека. И уж практически наверняка ее закалила борьба с бедностью. Хорошо хоть, что она уйдет отсюда богаче, чем пришла.

Она велела мне снять распашное платье и рубашку, обнажив руки, а сама подтащила к окну кресло и предложила мне сесть в него. Потом она туго обвязала лентой мое плечо и помассировала руку около локтя.

– Алиса, как ты думаешь, – спросила я, – у него уже появились ресницы?

– Ресницы?

– Как ты думаешь, у младенца уже есть ресницы?

– Какой-то странный вопрос. Трудно сказать сейчас, что именно у него

уже есть.

Я кивнула и глянула на вещи, которые она просила меня приготовить для нее: большую чашу, чистую простыню, запас воды, иголку и светлые нитки. Действуя инстинктивно, я на всякий случай закрыла дверь гардеробной на ключ, хотя Ричард и Джеймс сидели внизу с гроссбухом. Взглянув на Алису, я увидела, что она стоит у камина, разглядывая гипсовые фигуры, расставленные по краям каминной полки.

– Это ваши родственники? – спросила она.

– Нет. Prudentia, – по латыни сказала я, показывая поочередно на каждую статую, – и Justitia^[18].

– И что они означают?

– Понятия благоразумия и справедливости являются фамильным девизом Шаттлвортов, – пояснила я и, кивнув на фим, спросила: – А где ты раздобыла его?

Она медленно вытерла лезвие подолом фартука, и, наконец незлобиво заметила:

– Вас так интересует, откуда у меня появляются вещи и инструменты?

– На самом деле я рада, что ты не просишь меня доставать что-то особенное. Во-первых, я не знала бы, где их искать. И, во-вторых, могу представить себе физиономию Джеймса, если бы я попросила заказать для меня нечто подобное.

– Кто такой Джеймс?

– Наш управляющий.

– А зачем вам вообще просить его? – спросила она.

– Он ведет хозяйственную бухгалтерскую книгу, куда записываются все наши покупки и все, что мы продаем, будь то пиво с пивоварни, или цыплята с фермы, или выплаты повитухам для госпожи.

– Даже мои?

– Конечно, и твои тоже.

Вена у меня на руке начала пульсировать от скопившейся крови. Алиса попросила меня передать ей миску – красивую латунную чашу с цветочной резьбой, подаренную нам матерью Ричарда – и, поставив ее на комод, поместила над ней мою руку.

– Вы готовы?

Не дождавшись моего ответа, Алиса вонзила свой фим в сгиб моей руки, и я невольно вскрикнула, как ребенок, когда она вытащила острие. Теплая, красная кровь мгновенно хлынула из сделанного ею разреза. Зажав рот ладонью, я не могла, однако, отвести взгляд от этого странного зрелища.

– Что означает благоразумие? – спросила Алиса, удерживая мою руку в нужном положении.

Легкая боль волной прокатилась по всему моему телу.

– А-а... Благоразумие... Благоразумие означает... а много ли крови надо выпустить?

– Чтобы набралась половина этой миски.

– Половина? – Кровь вытекала очень быстро.

– Так что же означает благоразумие? – повторила вопрос Алиса.

– Имеется в виду предусмотрительность и осмотрительность. В общем, осторожность в поступках.

– А справедливость означает свободу?

– Нет, – возразила я, пытаюсь не смотреть, как быстро наполняется чаша моей кровью, словно вином из графина. В голове у меня стало пусто, как тогда, в церкви, когда я потеряла сознание.

– Справедливость означает честность и законность. Отсутствие предрассудков.

С обычной ловкостью Алиса зашипнула края ранки и проткнула их иглой. Я отвернулась и лишь морщилась всякий раз, как она делала очередной прокол.

– Я буду выглядеть как подушка, – сказала я, ощущая ее дыхание на своей руке, – ты думаешь, что это мне поможет?

– Кровопускание – это лучший способ, чтобы избавиться от скопления крови, пока у вас нет регул. Правильное кровопускание способствует оздоровлению.

Смыв кровь с моей руки, она прижала к зашитой ранке полотняную прокладку и велела поддержать ее. К нам неуклюже подошел Пак, его глаза, казалось, светились любопытством. Сняв прокладку с ранки, я увидела, как из-под наспех сделанного шва просачиваются капельки крови. Пак принюхался и пару раз лизнул ранку, после чего, видимо, решил, что кровь не так вкусна, как ему представлялось.

И мне вдруг сразу вспомнились слова Роджера: «Вот вы, Флитвуд, позволяете своему питомцу проделывать такое?»

Я едва не рассмеялась, вспомнив нелепость его вопроса. Алиса обмотала мою руку льняной лентой и завязала концы, потом довела меня до кровати и велела лежать, пока она будет прибираться. Эта ранка появилась на растянутой раньше руке... я могла уже завести список своих травм, полученных мною с момента нашего с Алисой знакомства, о чем и сказала ей. Она улыбнулась и закрыла занавеси полога.

– Я не почувствовала никаких изменений в организме, – немного

полежав, заметила я.

– Заметьте через денек-другой, – донесся до меня ее голос и звон стекла, – если же улучшения не будет, мы повторим кровопускание на другой руке. У вас еще есть запасы ивовой коры?

– Да.

Она появилась из-за складок занавеса с льняным свертком размером с мою ладонь и вытащила оттуда какой-то зеленый лист. Оторвав от него маленький краешек, она вручила его мне.

– Пососите его, – велела она, – тогда кровь будет прибывать не так быстро. Такого кусочка вам будет достаточно, только не глотайте... потом его будет надо выплюнуть.

Я лежала, сложив руки на животе, и посасывала кусочек листочка, точно фермерская девчонка жарким летним днем. Казалось, он растаял на моем языке, и на меня снизошло какое-то умиротворение. Я познакомилась с Алисой всего две недели назад, в ее присутствии мои тревоги уменьшались до тлеющих в золе красных угольков, но к вечеру вновь вспыхивали ярким пламенем. Она не могла обещать, что спасет мне жизнь. Более того, она вообще ничего мне не обещала. Однако зная, что она старается помочь мне, я чувствовала себя, вероятно, в большей безопасности, чем за все годы семейной жизни с Ричардом.

– Алиса, а в моем состоянии не вредно продолжать ездить верхом?

Она задумчиво помедлила.

– У меня мало знакомых женщин, у которых есть лошади, но моя мать знала многих, и обычно она разрешала им ездить. А вы часто ездите?

– Ежедневно, – ответила я.

– Тогда нет никаких причин менять привычки, если только вы не свалитесь опять. По мне, так для умелой наездницы езда так же безопасна, как и ходьба.

– Ричард, очевидно, думает, что последний раз в моей потере... я была сама виновата, пуская лошадь галопом и играя с Паком. Он полагает, что женщине так вести себя неприлично. Но, честно говоря, я умерла бы, если мне пришлось бы целыми днями торчать дома, сидя в жестких креслах на вышитых подушках, хотя, по его мнению, это как раз самое безопасное место.

– Возможно, ему просто, как всем мужьям, хочется, чтобы вы оставались в поле его зрения. Пока им самим не захочется, чтобы вы удалились.

Горечь ее тона заставила меня приподнять голову.

– Мне казалось, ты пока не была замужем?

– Я-то и не была, – быстро сказала она и, словно осознав, что проговорила, добавила: – Ой, я же нашла вашу убежавшую лошадь. И уже отвела ее в конюшню.

От изумления я не нашла, что ответить и просто пристально смотрела на закрытые занавески.

– Вы слышали меня? – позвала она меня из-за полога.

– Да. И где же она оказалась?

– Она паслась на лугу, а один из соседей нашел ее и привел обратно.

– Ты уверена, что это та самая лошадь?

– С белым треугольником на носу? И черным кончиком уха? К сожалению, пропали седло и уздечка... может, она сбросила седло и прочее.

Я подумала, что, вероятнее, амуницию просто украли, принимая во внимание то, что мне еще не приходилось слышать про лошадь, умудрившуюся самостоятельно избавиться от седла, уздечки со всеми закрепленными удилами и поводьями. Но я не успела высказать свое мнение, поскольку меня испугал какой-то шум за дверью.

– Флитвуд? Почему дверь заперта? – послышался голос Ричарда.

Я откинула занавесы полога, увидев, что Алиса уже несет мне платье, и я быстро надела его, чтобы скрыть ранку.

– Флитвуд?

Ричард с нетерпением стучал в дверь и, едва я открыла ее, тут же вошел в комнату.

– Почему вы заперли дверь? – опять спросил он, взглянув на Алису.

Она беспомощно взглянула на меня, а я, перепугавшись, быстро посмотрела на комод, где недавно лежали все ее вещи, но теперь его опустевшая поверхность, как обычно, поблескивала чистотой.

– Ричард, поймите, мы не хотим, чтобы нам мешали, пока Алиса проводит оздоровительные процедуры.

Я попыталась успокоить его, но он по-прежнему пристально смотрел на Алису.

– И что же это за процедуры?

Мои мысли судорожно металась в поисках приемлемого ответа.

– Разные женские упражнения.

Молчание его длилось, наверное, пять ужасно долгих мгновений, Алиса не поднимала глаз от пола. Куда же она быстро все убрала? Я бросила взгляд в дальний угол и в сторону камина, но нигде не обнаружила и следа чаши с кровью.

– Прекрасно, – наконец изрек Ричард, – в гостиной ждет Роджер, ему

хочется повидать вас. Он привез с собой... кое-кого.

– Кого же?

Со времени ужина у Роджера в наших отношениях чувствовалось охлаждение, хотя я не понимала причины этого. Подумала только, не вызвала ли я его недовольство, задавая слишком много вопросов?

– Вскоре узнаете. – Он развернулся на каблуках, но перед этим обвел комнату изучающим взглядом. – Вам не кажется, что здесь как-то странно пахнет?

Его взгляд задержался на Алисе, но потом он удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– Он имел в виду запах крови. Я тоже еще ощущаю его, – пояснила я Алисе, но ее лицо хранило непроницаемое спокойствие.

Ее настроение бывало весьма изменчивым, как облака, пронсящиеся по ясному небу в солнечный день. В этом смысле они с Ричардом были похожи.

– Ты ведь подождешь здесь, пока я схожу поздороваться с нашим гостем? – спросила я.

Спускаясь на первый этаж, я размышляла о странном общении, только что произошедшем в нашей спальне. Ричард вел себя так, словно считал присутствие Алисы неудобным, даже возмутительным. Мне вспомнилась их первая встреча, когда он смеялся и шутил с ней. Но Ричард, как любой мужчина, любил пофлиртовать, а также любил, когда ему подчинялись, и его, несомненно, глубоко задела молчаливая укоризна во взгляде Алисы, когда он предложил ей отвести мою лошадь в конюшню. В разговорах с ним наши служанки смущались и робко краснели, но Алиса вела себя независимо. Ладно, ведь он уже однажды выбрал мне компаньонку сам, а теперь настала моя очередь. Все мысли о муже и повитухе, однако, испарились, когда я завернула на финальный пролет винтовой лестницы и увидела в прихожей двух гостей: величественного и крупного Роджера Ноуэлла и тонкую, как тростинку, бледнолицую Дженнет Дивайс.

– Роджер. Дженнет. – Я попыталась хоть отчасти скрыть изумление. – Какой приятный сюрприз.

Дженнет даже не взглянула на меня, она во все глаза разглядывала интерьер прихожей – дубовые балясины перил, портреты, висевшие на стенах в полумраке лестничного колодца. Ее наряд состоял из того же старого платья и накрахмаленного белого чепца, отчего ее лицо выглядело еще бледнее. Не вымолвив ни слова, она прошла к венецианскому окну в глубине дома. Я удивленно взглянула на Роджера.

– Вы приехали по делам к Ричарду?

– Да, он ждет меня в зале. А вас я хотел попросить: не сочтете ли вы возможным показать Дженнет Готорп-холл, пока мы с Ричардом будем обсуждать дела? Она никогда не видела такого роскошного особняка, и прогулка по нему доставит ей огромное удовольствие.

Я коснулась проколотой фимом руки, ранка под повязкой начала почесываться. Подумав об оставшейся в моей спальне Алисе, я взглянула на хрупкий силуэт Дженнет, маячивший у окна. Не дожидаясь ответа, Роджер подмигнул мне с отеческим видом и удалился в коридор, лишь гулкое эхо еще разносило звуки шагов его начищенных до блеска башмаков по каменному полу. Подавив волнение, я направилась туда, где стояла девочка.

– Там виднеются холмы Пендла, – сказала я, показав на маячивший вдали зеленый массив, – а здесь у нас протекает река Колдер. Иногда мы видим, как из воды выпрыгивают лососи, поднимаясь вверх по течению.

Ее лицо с тонкими чертами выглядело довольно приятным. Аккуратный вздернутый носик покрывали веснушки, глаза скрывались под длинными темными ресницами.

– Какие покои тебе хотелось бы посмотреть?

Она пожала плечами и произнесла с резким шотландским акцентом:

– А сколько их тут у вас?

– М-да, понимаешь, я как-то никогда не задумывалась об этом. Не знаю. Возможно, мы сумеем подсчитать их? Хотя на людской половине находится еще много помещений для слуг, но, я полагаю, что нам не стоит беспокоить их. А сколько комнат в вашем доме?

– Одна. – Она пристально посмотрела на меня.

– О-о, понятно. Тогда давай пройдемся по дому.

Я показала ей первый этаж – столовую, кладовую, рабочие служебные помещения, в том числе и кабинет. В большом зале я обратила ее внимание на верхний балкон, пояснив, что иногда по особым случаям там располагаются менестрели и актеры, они поют и играют, а мы смотрим на них снизу. Дженнет осматривала комнаты в основном молча, изредка спрашивая, кто изображен на портретах или стенных панно. Русалки и прочие мифологические персонажи в столовой, казалось, очаровали ее, как и начищенные до блеска мечи и доспехи, и она, заложив руки за спину, внимательно разглядывала каждый экспонат, словно миниатюрная копия Роджера. Потом мы вышли из дома, чтобы осмотреть служебные дворовые постройки: большой амбар, один из самых больших в нашем графстве, как я сообщила ей, и конюшню, и подсобные фермерские помещения. Естественно, когда мы проходили по двору и зашли в конюшню, конюхи и

их подручные приветливо склонили головы и пожелали нам доброго дня, а я заметила серую кобылу с белым треугольником на носу, она лениво жевала сено в своем стойле.

– Тебе нравится жить в Рид-холле? – спросила я, когда мы вернулись в дом.

Дженнет захотелось посмотреть верхние этажи, и после краткого колебания я согласилась.

– Он не такой большой, как ваш дом, – ответила она, опять пожав плечами.

– Но Роджер и Кэтрин прекрасно обустроили его. Не сомневаюсь, что они хорошо заботятся о тебе.

Я подумала, мог ли Роджер по-разному относиться к ней и к своим домочадцам, взяв на себя ответственность за одного человека и отстранившись от нужд остальных.

Дженнет развернулась на ступеньке и взглянула на меня.

– А можно я буду лучше жить здесь? – спросила она.

Одной рукой она держалась за перила с видом маленькой придворной дамы. Я открыла рот, но так ничего и не сказала, онемев от такой прямоты.

– Боюсь, это невозможно, – наконец ответила я, – ведь ты гостишь в доме Роджера.

Ее напряженный взгляд был не по-детски задумчивым, и у меня возникло странное ощущение, будто я ошиблась с ответом и позднее пожалею об этом. Опять отвернувшись от меня, она продолжила подниматься по лестнице в верхние покои дома. По ее просьбе я в некотором смущении показала ей пустые гостевые спальни, где никто никогда не спал.

– Нас часто навещает моя мать, – солгала я, – и родственники Ричарда из Йоркшира. У него много братьев и сестер, а у меня никого нет.

Мы уже вернулись на лестницу.

– А кто это? – Она показала на семейный портрет из Бартона.

– Моя мать и я.

– Почему у вас на руке какая-то птица?

– Это моя любимая ласточка, Сэмюэль. Он прожил не слишком долго. Я держала его в клетке в моей комнате.

– Почему у вашей матери нет птицы?

– Она не держала питомцев.

– У моей матери есть собака.

Мне вспомнилось уродливое лицо Элизабет Дивайс, которую я видела с Алисой в Хэггвуде, когда мимо меня пробежала коричневая дворняга, и

рассказ Роджера о семейном духе-покровителе Элизабет. Наверняка это глупые домыслы... я же своими глазами видела эту собаку, и в ней не было ничего дьявольского. Но вот в женщине, глянувшей в мою сторону, когда собака пробежала мимо нее... При одном воспоминании о ее глазах у меня по спине побежали мурашки.

– Как ее зовут? – спросила я.

– Болл.

– Странная кличка. А у тебя есть собака?

– Нет, моя пока еще не проявилась.

Какой же она все-таки странный ребенок.

– У меня есть большой пес по имени Пак. Сейчас он спит где-то в доме, – сказала я.

– А он разговаривает с вами?

– Нет, но мы с ним понимаем друг друга.

– У моей сестры тоже есть пес, – кивнув, сообщила Дженнет, – а у бабушки есть мальчик.

– Мальчик? Ты имеешь в виду сына?

– Нет, мальчик. Его зовут Фэнси. У него коричневая шкура с черными пятнами, иногда он приходит к нам домой, и они уходят гулять.

– Ах, так ты говоришь о собаке.

– Нет. Он мальчик. Она знакома с ним уже двадцать лет, и за все это время он так и не вырос.

Точно завороченная, я не могла отвести от нее взгляда.

– Ты говорила об этом Роджеру?

– Ну да. Его очень интересует моя семья.

Мы постояли в неловком молчании, глядя на мой портрет, потом Дженнет поднялась до прохода в большую галерею, и мы зашли туда. Выдался хороший солнечный день, а пол там как раз недавно отполировали, поэтому окна отражались на его деревянной поверхности, словно небеса в озерной глади. Я почувствовала, что Дженнет начала уставать от нашей экскурсии, хотя ее пристальный взгляд по-прежнему останавливался на каждом буфете, кресле или стуле, точно она была торговцем, оценивавшим их для возможной продажи. Когда мы вернулись на винтовую лестницу, она спросила, махнув рукой наверх:

– А что там за комната?

– Мои спальня покои.

– Можно их посмотреть?

– Не сегодня, – нервно рассмеявшись, сказала я.

– Там кто-нибудь спит?

– Нет.

Задумчиво помолчав, она кивнула и опять, с видом придворной дамы положив руку на перила, начала медленно спускаться по ступеням. Мои ладони покрылись липким потом, сердце в груди учащенно забилось. Если Алиса знала ее мать, то могла ли Дженнет тоже знать Алису? Внезапно я осознала, что не хочу выяснять этого, поскольку у меня появилось острое, хотя и необъяснимое ощущение того, что Дженнет Дивайс опасна. Однако это казалось смехотворным... ведь она всего-навсего ребенок.

Я отвела девочку в приемный зал, и она, словно внучка, подбежала к Роджеру. Они с Ричардом сидели напротив друг друга за столом с какими-то разложенными бумагами, и Роджер как раз выливал в свой кубок остатки вина из кувшина.

– Ну как, малышка, тебе понравилась прогулка? – спросил он, Дженнет кивнула, а он добавил: – Флитвуд, вы с каждым днем выглядите все лучше.

Я с улыбкой приняла комплимент.

– Ричард, – продолжил он, – можно попросить вас угостить меня чем-нибудь более существенным перед поездкой в Ланкастер? Может, у вашей рачительной кухарки остался какой-нибудь пирог с курицей? Сейчас, пожалуй, мы не отказались бы и от черствой корки!

Он подмигнул Дженнет, стоявшей за его креслом, точно верная служанка.

– Флитвуд, вы не могли бы спросить на кухне? – обратился ко мне Ричард.

– С удовольствием.

Сделав легкий реверанс, я удалилась из зала, и, хотя в доме уже почти во всех каминах и жаровнях развели огонь, меня пробрала дрожь. Честно говоря, в нашу кухню я заходила редко. Вдоль одной стены тянулся длинный низкий стол, где хранились запасы муки и разная кухонная утварь. На полу стояли корзины с овощами, а от открытой печи веяло жаром, согревавшим все помещение. Над ней красовалось напоминание, оставленное дядей Лоренсом: «Мотовство доведет до нужды», – гласили большие, размером с локоть, каменные буквы. Возле окна слегка покачивалась на крюке тушка кролика. Кухонный персонал глянул на меня в своей обычной манере: бросили взгляд и сразу отвернулись.

– Барбара? – окликнула я хлопотавшую у стола пышнотелую кухарку, она старательно смазывала пироги яичным желтком.

Она пока не заметила моего прихода, а мой тихий голос заглушили царившие в помещении лязг и грохот, поэтому одной из младших служанок

пришлось окликнуть ее. Я передала просьбу Роджера, и Барбара удалилась в кладовую, чтобы собрать закуски. Как обычно, все на кухне усердно трудились, я заметила, что каждый там занимался своим делом, кто-то что-то раскатывал, рубил и варил. Когда она вручила мне завернутые в теплую салфетку пироги и мясо, я немного помедлила.

– Спасибо вам, – собравшись с духом, сказала я, – за то, что хорошо выполнили мои указания с травами. Масло получилось удивительно вкусное, и от ромашкового молока, что вы присылаете мне, я стала сразу засыпать.

– Всегда рада услужить вам, госпожа. Как приятно видеть, что ваши щечки округлились. Те травы, кстати, что вы принесли мне, скоро закончатся, может, попросить Джеймса заказать еще?

– Не надо, – быстро сказала я, – я скажу моей повитухе, чтобы принесла побольше.

Еще раз поблагодарив кухарку, я собралась уходить, но она спросила:

– Госпожа, а правда ли, что к нам в Готорп нынче привезли дочку ведьмы?

– Если вы имеете в виду Дженнет Дивайс, то она гостит в доме Роджера Ноуэлла.

Несколько ближайших служанок наострили уши.

– Хотелось бы мне глянуть на нее хоть одним глазком, – продолжила Барбара, – говорят, что она отродье дьявола.

– Я уверена, что это выдумки.

– Разумеется, госпожа сама знает, что делает, открывая дверь такому люду, но, надеюсь, что она не навлечет проклятие на наш дом. Вот нынче утром молоко вдруг свернулось. Хотя и свежее, прямо с фермы.

Спеша закончить этот разговор, я просто кивнула и направилась к двери, но громкий голос Барбары вынудил меня обернуться.

– А откуда родом ваша новая повитуха? – спросила она.

– Из Колна, – теряя терпение, ответила я.

Уголки губ Барбары опустились.

– Я что-то не видела ее раньше, а ведь моя сестра тоже повитуха. Вы могли бы спуститься сюда, к нам, и посоветоваться, кого лучше пригласить.

– Да, конечно, но, кстати, именно Алиса порекомендовала мне добавить полезные травы в мою еду, и они мне чудесно помогают.

У меня уже горели кончики ушей, и я почувствовала, что краска смущения сползает на шею. Разве слугам пристало сомневаться в выборе хозяйки? Разве им пристало советовать, кого следует приглашать в дом?

– Спасибо вам за заботу, – заключила я, подняв повыше сверток.

Выходя из кухни, я споткнулась и услышала, как по кухне прокатилась волна сдавленного смеха. В зал я вернулась расстроенная и сердитая, моя благосклонность к домочадцам опять сошла на нет. Мужчины уже стояли, вместе рассматривая какие-то документы. Дженнет присела у камина, заглядывая в его верхние углы – она могла бы комфортно вытянуться в этой топке во весь рост, так же, как я в ее возрасте в камине Бартона.

– Это список для Ника Баннистера, – пояснил Роджер, взяв документ с печатью из стопки, лежавшей перед ним, и отложив его в сторону, – у меня есть копия в Риде, но я буду в отъезде, поэтому он может заехать к вам, чтобы забрать его.

Ричард кивнул, пододвинув бумагу к себе и сунув ее за пазуху.

– Я отправлю его с Джеймсом.

– Дженнет, не сиди слишком близко к огню, – предостерег девочку Роджер, – дрова у нас разжигают не для детей, а для котелков с тушеным рагу да для еретиков.

– И для ведьм? – спросила девочка.

– Да, на родине Его Величества их предавали огню. И, на мой взгляд, Англии следует брать пример с Шотландии, но, к сожалению, у нас виновных отправляют на виселицу. Вероятно, Его Величество еще можно убедить изменить мнение. Ладно, нам пора отправляться в Ланкастер.

Она резко встала.

– Повидать ма?

Роджер взглянул на меня, показав на сверток с едой в моих руках, и я быстро подошла к нему.

– Твоя мать живет в таком доме, куда не пускают детей. Благодарю, Флитвуд.

– А где живет Элисон? И бабушка?

– Там же. Но ты увидишь их вскоре в большом замковом зале, где много важных господ будут задавать тебе вопросы об их жизни. Ты ведь помнишь, что надо отвечать, верно? Все, о чем мы с тобой говорили?

Она кивнула, взяв у него сверток и, развернув его, тут же сунула в рот кусок пирога.

– К этой пигалице наша поговорка про то, что брюхо сыто, да глаза голодны, решительно не подходит, скорее, как говорится, не в коня корм. Ладно, нам пора ехать.

Ричард пошел проводить их, и я обратила внимание, что Дженнет следовала за ними по коридору быстро и бесшумно, как тень.

Когда я поднялась к себе, Алиса тихо сидела у окна спальни, глядя на холмы.

– Извини, что так надолго задержала тебя, – сказала я, закрывая за собой дверь, – надеюсь, ты не опоздаешь на работу в пивную?

– Нет, я начинаю позже. – Она покачала головой. – Мне показалось, что я слышала детский голос?

Я облизнула губы, набираясь решимости для ответа.

– Да, наш друг Роджер Ноуэлл привозил ребенка, Дженнет Дивайс. Ее родственники ожидают суда в Ланкастере, обвиненные в колдовстве.

Я заметила в ее глазах вспышку узнавания, но не более того... лицо оставалось непроницаемо спокойным.

Немного помедлив, я спросила:

– Ты знакома с ними?

Алиса встала и, пригладив юбки, переставила стул обратно к стене.

– Нет, – ответила она, – не знакома.

* * *

Я потеряла счет ночам, проведенным Ричардом в соседней комнате, и даже уже начала нормально воспринимать мои одинокие утренние пробуждения. Благодаря лавандовому запаху подушки мне больше не снились кошмары, и волосы стали меньше выпадать. Спустившись в столовую, я успела как раз к завтраку и, сев за стол напротив Ричарда, положила себе булочку, намазала ее медом и разломала на кусочки.

– Ричард, – сказала я, когда слуги скрылись за дверью, – последнее время я чувствую себя намного лучше. Может быть, вы сочтете уместным снова перебраться в нашу спальню?

Он сосредоточенно продолжал читать письмо, а потом удивленно посмотрел на меня.

– Зачем?

– Я же сказала, что чувствую себя гораздо лучше, и мне хотелось бы, чтобы вы присоединились ко мне в нашей спальне. Уже почти две недели у меня не было никаких недомоганий.

– Какая прекрасная новость.

Продолжая жевать, он вернулся к чтению, и стало очевидно, что мое желание не волнует его, но тут я вспомнила кое-что, обеспокоившее меня сегодня утром.

– Я не могу найти свое рубиновое ожерелье, которое вы подарили мне на первую годовщину нашей семейной жизни.

Теперь мне удалось завладеть его вниманием, он сложил недочитанное

письмо и сунул его под тарелку.

– Правда? А где вы его хранили?

– В комодке гардеробной. Я поискала его вчера вечером и еще разок сегодня утром, видимо, его убрали куда-то в другое место. Не могу вспомнить, когда я надевала его последний раз.

Взгляд его серых глаз стал задумчивым.

– Не кажется ли вам, что ваша повитуха проводит у вас наверху слишком много времени?

– Да, много, но она бы никогда не взяла его.

– Почему бы нет? – небрежно откликнулся он. – Разве у нее много своих драгоценностей?

Я положила в рот кусочек булки и проглотила.

– Я знаю, что она не брала. Я доверяю ей.

– Похоже, ей вы доверились значительно легче, чем мисс Фонбрейк.

– Пойду-ка я поищу его еще раз.

Я отодвинула тарелку и вышла, не дав Ричарду времени возразить мне и стараясь подавить скользкое чувство сомнения, вползавшее в мои мысли, точно червяк. В то утро я обшарила наши покои сверху донизу, проверила все гостевые спальни и шкафы, от которых у меня были ключи. Хотя наиболее ценные мои украшения запирались, ключи я держала в вазе на каминной полке гардеробной – прямо скажем, не самый изобретательный тайник. Все остальные драгоценности лежали на своих обычных местах – мои любимые кольца с опалами, жемчужная бархатка и серьги с изумрудными подвесками, подаренные мне матерью на мой тринадцатый день рождения.

Расстроенная, я пошла вниз, намереваясь спросить горничных, не попадалось ли им недавно это ожерелье, и вдруг услышала странный шум. На последнем повороте лестницы я едва не столкнулась с Ричардом, он избегал мне навстречу с лицом, похожим на грозовую тучу.

– Вы нашли его? – требовательно спросил он.

– Нет, я хотела...

– Это же ожерелье моей любимой тетушки, сестры отца! – возмущенно воскликнул он. – Он подарил его мне после ее кончины. Его пропажа оскорбляет ее память, ведь оно издавна принадлежало нашему роду.

– Мне очень жаль, – запинаясь, вымолвила я, но он лишь удрученно покачал головой.

И только тогда заметила, что скопившиеся внизу слуги направляются в зал, бросая на нас боязливые взгляды.

– Пойдемте со мной, мы покончим с этим раз и навсегда.

Он взял меня за руку и потащил в том же направлении, и я с тревогой обнаружила, что все домочадцы уже собрались в приемном зале под высоким потолком: человек пятнадцать или двадцать, и вдобавок та, кого я не ожидала увидеть.

– Алиса!

Она оглянулась на меня, на лице ее отражалась тревога. В руках она держала сверток, обвязанный веревкой: очередные запасы целебных трав, она обещала принести их, когда я сообщила, что на кухне они заканчиваются. На щеках ее проступили красные пятна, а золотистые волосы растрепались больше обычного, словно она торопилась добраться сюда, к нам.

Покинув меня, Ричард поднялся по узкой лесенке на галерею менестрелей. Очевидно, он собирался сделать объявление.

– Моя жена сообщила мне, что пропало драгоценное рубиновое ожерелье, – заявил он. – Впервые нечто подобное случилось в Готорпе, и мне не хотелось бы думать, что кто-то из вас может знать что-то о его местонахождении, поскольку все вы являетесь нашими верными слугами.

Наблюдая за его пылкой речью и ощущая устремленные на меня взгляды, я совсем разволновалась, у меня даже зачесались подмышки от волны окатившего меня липкого жара.

– Безусловно, возможно, что оно просто затерялось, но госпожа Шаттлворт заверила меня, что она уже проверила все места, где оно могло бы находиться. Понимаете, это ожерелье передал мне отец, – продолжил он, сменив суровый тон на мягкий и трогательный, отчего в свою очередь таяли обычно и наши слуги. – Для меня крайне важно найти его. Я прошу горничных провести тщательную уборку и осмотр покоев и всех прочих жилых помещений. Мне хотелось бы, чтобы завтра к этому времени ожерелье отыскалось. Если оно обнаружится, я не стану задавать никаких вопросов.

Пара слуг вытянулась по струнке... и я внезапно заметила, что он призвал сюда даже конюхов и возчиков. «Почему же тогда забыл о псарях и рабочих с фермы?» – сердито подумала я.

Потом я увидела чью-то поднятую руку: Сара, одна из самых наглых горничных, ей нравилось греться в лучах одобрительных взглядов Ричарда. И она, я уверена, весьма обрадовалась, узнав, что он теперь спит один, и, возможно, даже мечтала, как ночью в одних чулках будет тайно присоединяться к нему.

– Сара? – Кивнув, Ричард жестом позволил ей высказаться.

– Я уверена, вам понятно, что те из нас, кто давно здесь служит, незамедлительно принесли бы вам или госпоже любую найденную вещь, – сказала она, – поэтому, может, следует обратить внимание на тех, кто служит не так давно.

По залу пронеслась легкая волна оживления – отчасти отражая удивление, отчасти удовольствие, вызванное краткостью ее высказывания.

– Сара, что привело вас к такому заключению? Возможно, вам что-то известно и вы хотели бы поделиться со мной?

Тон Ричарда располагал к откровениям. Я представила, как они находятся наедине, но сразу отбросила эти мысли. Будучи разумным дельцом, Ричард искусно умел добиваться желаемого. Только и всего.

Я глянула на Алису, она смущенно переминалась с ноги на ногу. Ее взгляд был устремлен не на Ричарда, а именно на Сару. Щеки ее зарделись, а во взгляде проявилось суровое неприятие.

– Я говорю лишь о том, – с детской непосредственностью протараторила Сара с сильным шотландским акцентом, – что, возможно, недавнее появление кого-то из слуг как раз не случайно связано с пропажей драгоценности госпожи.

Лицо стоявшей рядом с ней юной служанки озарилось едва скрытой радостью.

– Наглая подлиза! – проворчал за моей спиной чей-то более зрелый голос.

– Благодарю, Сара, достаточно. Пока нет нужды в огульных обвинениях, в сущности, я верю в порядочность всех наших домочадцев. Некоторые, однако, могли бы более убедительно проявлять преданность.

Не показалось ли мне, что, произнося эти слова, Ричард выразительно взглянул на Алису?

Уже направившись к спуску, он добавил:

– На этом я вас покину. Но помните, что завтра к полудню это ожерелье должно быть в распоряжении Флитвуд. И это не просто просьба.

Взволнованно переговариваясь, слуги потянулись к выходу из зала, а я подошла к Алисе и взяла ее за руку.

– Ты поднимешься ко мне?

Она неловко высвободила руку.

– Что-то мне не хочется.

Она вручила мне сверток. От него исходил запах разнотравья, в котором я уловила только наличие лаванды, но сейчас интенсивность этой ароматной смеси вызвала у меня неприятное ощущение.

– Почему?

– Я же принесла то, что вы просили. И не знаю, чем еще пока могу помочь вам.

– Тогда зайдём в гостиную. Я прикажу принести нам с кухни закусок...

– Нет, спасибо. Мне нужно возвращаться на работу в пивную. – Из ее голоса начисто исчезла привычная мягкая мелодичность.

В зале уже стояла тишина, лишь из коридора еще доносился перестук шагов. С портретов, висящих на стенах, на нас пристально взирали предки Ричарда.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я могла бы обвинить тебя в краже. – Я старалась придать своим словам насмешливый оттенок, но вместо этого получилась скорее мольба.

– У вас красивые драгоценности, но сомневаюсь, что хоть одно из них могло бы подойти мне. Наверное, вам больше не понадобятся мои услуги?

– О чем ты говоришь? Алиса, ради бога, ты не можешь бросить меня. Я же знаю, что ты ни в чем не виновата.

– Неужели?

Мне вспомнилось, как она закрыла занавесы полога после кровопускания. Как часом позже я оставила ее и как потом она, напряженно выпрямив спину, сидела у окна моей спальни, тонкие заостренные черты ее лица пребывали в полнейшем покое, словно она позировала для портрета. И из глубины сознания пробивалась еще одна мысль: что же она сделала с моей кровью? Ведь набралось больше половины чаши, а когда Ричард потребовал, чтобы его впустили, вся кровь уже исчезла. Не выплеснула ли она ее в горящий камин? Но я не слышала ни шипения испаряющейся жидкости, ни зловония паленой крови. Однако сейчас явно не лучшее время для подобных вопросов; Алиса внимательно смотрела на меня, и я поняла, что на моем лице отразились сомнения.

– Мне пора уходить, – сухо произнесла она, – я не могу служить там, где мне не доверяют.

И, не дав мне опомниться, она выскользнула в коридор. Когда я вышла следом, она уже успела открыть входную дверь и спуститься с крыльца, едва избежав столкновения с только что спешившимся мужчиной и его лошастью.

– Госпожа Шаттлворт! – воскликнул Ник Баннистер, бросив взгляд на Алису, чья худенькая фигура вдруг словно еще больше съежилась.

– Господин Баннистер, – переведа дух, умудрилась вымолвить я.

У меня возникло ощущение, будто я падаю в бездонную пропасть; случилось нечто ужасное, и я понятия не имела, что теперь делать. А все

из-за дурацкого ожерелья, которое не имело для меня ни малейшей ценности!

– Вы выглядите необычайно встревоженной... кто эта женщина?

Осторожно приблизившись ко мне, судья положил сморщенную руку на мое предплечье, как раз на то место, где ее прорезало острие фима. На его прикосновение ранка откликнулась жгучей болью, и я отдернула руку, принеся сбивчивые извинения. Всего через несколько дней этот разрез практически зажил, превратившись в аккуратный шрамик в форме тонкого лунного серпа.

Но сейчас перед моими глазами мелькал только белый чепец Алисы, стремительно удаляющейся в сторону леса. Как обычно, она не пошла по дороге, через усадебные постройки, предпочтя сократить путь по лесным тропам.

– Госпожа, вы нормально себя чувствуете?

Я вздохнула и почувствовала, как промозглый ветер запустил свои холодные щупальца мне под платье. Мой живот страдал от жесткого корсета, очень скоро я уже вовсе не смогу носить его.

– Да, все в порядке, благодарю вас, господин Баннистер. Вы приехали повидать Ричарда?

– Только если он располагает временем. Я лишь намеревался забрать послание, давеча оставленное мне у вас Роджером.

– Да, я понимаю. Я могу сама найти его для вас.

Я слышала, как Ричард говорил, что мог бы отправить его с Джеймсом, но я не собиралась искать мужа, сейчас мне вообще не хотелось его видеть.

Ник последовал за мной в дом, и я поручила проходящему слуге позаботиться о его лошади. Кабинет Джеймса располагался поблизости от прихожей, и сегодня наш управляющий уехал на целый день. Словно почувствовав мое огорчение, Пак подошел ко мне и уткнулся влажным носом в мою руку.

– Простите, господин Баннистер, что именно мне надо найти?

– Возможно, господин Шаттлворт знает, где именно лежит тот документ...

– Не стоит его беспокоить. Я сама смогу помочь вам, – невольно произнесла я с большей резкостью, чем мне хотелось, – у Ричарда нынче выдалось трудное утро.

Толчком распахнув дверь, я прошла к большому письменному столу в центре кабинета. Джеймс поддерживал строгий порядок, на столешнице лишь вазочка с перьями, флакон чернил да аккуратная стопка бумаг. За

кожаным креслом на полке хранились связки хозяйственных грессбухов лет за двадцать, с тех самых пор, как отец Ричарда начал вести документальные записи рода Шаттлвортов. Я рассматривала стопки писем, систематизированные и уложенные по неизвестной мне системе, вспомнив, как однажды Джеймс показывал мне аккуратную стопку писем, связанных с моими неудачными беременностями. Меня охватил очередной приступ острой ярости; Ричард счел неблагоприятным сообщать мне о моей грядущей неминуемой смерти, а теперь он удалил из дома и единственного человека, которому я могла доверить собственное спасение. Я вдруг осознала, что вся дрожу, глаза наполнились жгучими слезами, затуманившими зрение. Я шмыгнула носом, а Ник Баннистер деликатно прочистил горло.

– Госпожа, какая у вас прекрасная собака, – заметил он.

Смахнув слезы с глаз, я вновь принялась изучать содержимое полка, обнаружив наконец нужное послание: запечатанное восковой печатью Ноуэлла письмо. Перевернув его, я увидела имя Ника Баннистера, написанное наклонным почерком Роджера, и вручила его этому потрепанному жизнью старику, гладившему моего пса.

– Благодарю, – кивнул он с озабоченным видом.

Я поняла, что своим поведением поставила нас обоих в неловкое положение, и он подыскивает слова, чтобы сгладить его.

– Ах, какая скверная у нас история...

– Какая история?

– Да с этими пенделскими ведьмами. Надеюсь, однако, что Роджер искоренит их породу. Сомневаюсь, правда, что когда-нибудь он сочтет себя свободным от королевской службы. Я говорил ему: «Роджер, проверни это последнее важное дело и живи спокойно. Пора дать дорогу молодым, таким, как ваш Ричард». Вы знаете, он верит в вашего мужа. Будем надеяться, что однажды он продолжит его дело, став мировым судьей.

– Да, – вяло согласилась я.

– Роджер не из тех, кто останавливается на полпути... он не удовольствуется, о нет, отправкой под суд одного семейства. Ему хочется вернуть былые славные дни, прославить свое имя в лондонских памфлетах. Убежден, что в нем еще жив дух своеобразного рыцарства. Он уже известен при дворе, но ему этого мало. Да вы же знаете его не хуже меня.

Меня больше волновало, далеко ли успела уйти Алиса... добралась ли она уже до паба? И подобает ли мне самой отправиться туда за ней?

– ... Я же ему говорю: «Самое лучшее собрать их всех скопом», – продолжал рассуждать Ник, – не вредно будет допросить их всех вместе.

– Кого допросить?

Я вела себя вопиюще невежливо, но мне отчаянно хотелось, чтобы Ник наконец закончил свой монолог и ушел, а я смогла наконец спокойно подумать о своих сложностях. Вероятно, в ближайшие месяцы мой живот сильно округлится, а обида Алисы смягчится и ее можно будет уговорить вернуться.

– ...Сборище ведьм в Малкинг-тауэр, – упорно бубнил Баннистер, – он обнаружил там обширное крысиное гнездо. Не только Дивайсов, но и всех их знакомых, тех что болтали об убийстве Томаса Листера и о взрыве тюрьмы. И в этом черном списке есть несколько имен местных жителей. Несомненно, это породит скандал в нашем сообществе. Кто бы мог подумать, что в нашем болотистом и скромном уголке земли собралось столько дьявольских пособников? Да еще в Страстную пятницу... каково! Как ни крути, но в такое время для них это добром не кончится.

– А в этом письме тот самый список? – Я кивнула на свиток в его руке, что-то в его словах наконец пробудило мое любопытство. – И кто же там упомянут?

Довольный моим интересом, он попросил нож для бумаги, и я нашла его в верхнем ящике стола Джеймса. Ник срезал печать Роджера и, развернув свиток, начал оглашать его содержимое:

– «Дженнет и Джеймс Дивайсы говорили, что после пиршества гости укатили на белых жеребятках, а Дженнет Престон пригласила их в свой дом в Джисберне на очередную встречу через год. Престон привела на собрание своего духа-покровителя: белого жеребенка с коричневым пятном на морде...»

У меня вдруг тревожно заколотилось сердце.

– А кто еще приходил к ним в Страстную пятницу?

Сильно прищурившись из-за слабости зрения, пожилой судья целую вечность выискивал очередные новые имена.

– Давайте-ка посмотрим, где тут... ах да, вот они: «жена Хью Харгривза из Барли; жена Кристофера Булкока из Мшистого тупика вместе с ее сыном, Джоном; мать Милес Наттер; некая Канительщица из Колна; и оттуда же некая Алиса Грей».

Глава 9

Паб под вывеской «Рука с челноком» находился недалеко от реки, не доезжая до дорожной развилки, дальше дороги шли на север и на запад. Раньше мне частенько приходилось проходить здесь, но я едва замечала это злачное заведение. Привязав во дворе свою лошадь, я вдруг осознала, что его название, естественно, связано с гербом Шаттлвортов; на его щите располагалось три челнока, а сверху на гребне – воздетая рука с четвертым челноком. Именно эту руку с челноком вырезали на деревянной вывеске, украшавшей вход в это приземистое строение.

Когда я зашла в паб, там воцарилась полная тишина, на меня устремилось множество глаз, несмотря на то что я облачилась в самый скромный наряд, простую черную шляпу с золотой лентой и черный шерстяной плащ. Небольшое помещение казалось еще меньше из-за низко нависающего потолка. Компании мужчин с суровыми озадаченными лицами сидела вокруг странного вида кривоватых лавок, уставленных кружками. Мужчина за перегородкой, похожей на ту, что закрывала стойла, молча смотрел на меня, вероятно, полагая, что я зашла сюда по ошибке. Но я направилась прямо к нему.

– Мне нужно поговорить с Алисой, – сказала я.

На его румянном лице тут же открылся рот, явив миру отталкивающего вида зубы.

– Алису...

– Алису Грей, – прошептала я, – она ведь у вас служит?

Он безмолвно кивнул.

– Я схожу за ней, госпожа. Но, может, вы желаете увидеть ее в менее людном месте?

– Да, спасибо.

Я проследовала за ним за тряпичный занавес, и он провел меня по узкому и тускло освещенному коридору в пустую столовую. В пабе было холодно, он ничем не обогревался, и запашок стоял, как на пивоварне Готорпа. Запахнув плащ, я подошла к окну, выходящему во двор, где грузчики как раз закатывали на склад бочки с элем. По отпечатанным на них гербам Шаттлворта, я поняла, что это наши поставки. Где-то хлопнула дверь, и я вздрогнула, услышав, как кто-то идет по коридору.

– Нечего сюда таскаться...

Я не сразу узнала голос Алисы. Прикрыв живот рукой, я приблизилась

к дверному проему и выглянула из столовой. В конце коридора стоял темноволосый парень, чья грязная рубаша и изношенные брюки не отвлекали внимания от его красоты. Он выглядел как иноземец, то ли пират, то ли принц: загорелое лицо с большими темными глазами обрамляла роскошная черная шевелюра. Алиса стояла спиной ко мне, уперев руки в бока.

– Ты думаешь, что можешь так просто бросить меня? – спросил он.

– Бросить такого запойного пьяницу, как ты? Разве у меня есть хоть какой-то повод, чтобы не сделать этого? Отправляйся лучше домой.

– Мне там нечего делать. Теперь уж совсем нечего.

Его лицо сморщилось, будто он собирался заплакать.

Плечи Алисы поникли, и она обхватила себя за плечи так же, как однажды в лесу во время нашей встречи. Я отступила назад, испугавшись, что они могут заметить меня.

– Нам надо забыть это, – невнятно произнесла она.

– Легко тебе так говорить, ведь у тебя есть работа и новое... положение.

– Да брось ты, ладно, тебе пора уходить.

Он резко склонился к ней, его темные глаза злобно сверкнули.

– Если я захочу, то могу погубить тебя. Могу много чего порассказать... Есть тут заинтересованные лица.

– Оставь меня в покое! – крикнула она так, что у меня зашевелились волосы на затылке. – И не смей больше возвращаться!

Бросив на нее последний испепеляющий взгляд, парень развернулся и, проковыляв по коридору мимо меня, вышел во двор. За ним тянулся сильный запах эля. Я нерешительно шагнула в ту сторону, где, повернувшись ко мне спиной, стояла Алиса, все так же обхватив себя руками.

– Алиса?

Она повернулась ко мне, ее лицо побледнело больше обычного. Большие глаза смотрели испуганно... более испуганно, чем раньше, когда я видела ее в зале со слугами.

– Флитвуд? Что вы здесь делаете?

Я взяла ее за руку и затащила в столовую.

– Здесь нас могут подслушать?

– Кто?

– Да кто угодно.

Она покачала головой, и я закрыла дверь.

– Кто этот парень? – прошептала я дрожащим голосом.

– Никто, – опять качнув головой, ответила она. – Если вы пришли из-за того ожерелья...

– Нет, пустяки, забудь об ожерелье. Алиса, сразу после твоего ухода мне удалось прочитать письмо от Роджера Ноуэлла к судье Нику Баннистеру. Ты ведь знаешь их?

Она вновь покачала головой, и на лице ее отразилось столь откровенное недоумение, что я ни на мгновение не усомнилась в ее честности.

– В общем, Роджер знает тебя, или захочет узнать. Алиса, откуда ты знаешь Дивайсов?

Алиса покачнулась, как подрубленное дерево, и ухватилась за спинку стула.

– Алиса, как ты с ними познакомилась? Где?

– Я не знаю их.

– Тогда что ты делала в их доме в Страстную пятницу? Алиса, их обвиняют в колдовстве. Бабушку, мать, Элисон... Дженнет, их младшая дочь, живет в доме Роджера, она много чего ему рассказала.

Ее взгляд заметался по комнате.

– Я...

– Алиса, ты должна понять: твое имя занесли в черный список... и этот список в руках очень важного человека, который представляет в наших краях закон. Тебя могут арестовать и почти наверняка привлекут к суду за колдовство.

Ее лицо стало белым как снег. Испугавшись, что она упадет в обморок, я подскочила к ней, взяла за руки и осторожно усадила на стул.

– Меня... меня могут арестовать? И привлечь к суду... Но что это значит?

– Это значит, – подавив волнение, пояснила я, – что во время очередной выездной сессии ты предстанешь перед судом. Великопостная сессия уже миновала, поэтому, следующая, вероятно, состоится грядущим летом.

– Суд, – прошептала она, – но ведь ведьм отправляют на виселицу...

– Да, большинство из них, – я опустила на колени рядом и взяла ее за руки, – но тебя пока не арестовали, и у нас есть время, чтобы убедить Роджера изменить мнение. Алиса, ты должна рассказать мне, что вы делали у Дивайсов в Малкинг-тауэр. Я смогу помочь тебе, Ричард сможет помочь.

Явно не поверив мне, она едва качнула головой, по-прежнему пребывая в потрясенном оцепенении. Внезапно скрестив на груди руки, она спрятала сжатые кулачки под мышками, отчего стала выглядеть еще

меньше.

– Кто назвал ему мое имя? Элизабет Дивайс?

– Наверное, ее дочь, Дженнет. Алиса, что привело тебя туда? Ты должна рассказать мне, и тогда я смогу убедить Роджера, что он не прав.

Из коридора донеслись звуки чьих-то шагов. Мое сердце глухо стучало в унисон с ними, пока они не затихли, а Алиса в смятении на мгновение подняла глаза.

– Ведь он не прав? – спросила я.

Она молчала, казалось, целую вечность, но наконец напряженно расправила плечи и заправила под чепец выбившиеся пряди волос. Ее губы печально опустились.

– Я вообще не знаю этих людей, – сказала она.

– Алиса, пойми, раз уж ты пришла к ним, то есть основание думать, что ты их знала. Можно предположить, что ты тоже ведьма.

Она до крови прикусила губу. Розовый кончик ее языка высунулся, точно змейка, и слизнул выступившую красную каплю.

– Расскажи мне все. А я расскажу Ричарду, и мы вместе съездим к Роджеру и объясним ему, что он ошибается.

Но она даже не посмотрела на меня, ее взгляд, казалось, устремился в запредельную даль.

– Нет, – угрюмо помолчав, ответила она, – я не доверяю ему. И вам не советую.

– Кому не доверяешь? Роджеру?

Она закрыла глаза, потерла их, и с каким-то измученным, усталым видом прижала ладони к лицу.

– Ричарду? – опять спросила я, но она по-прежнему мрачно молчала. – Мне не стоит доверять Ричарду? Моему мужу? – Я поднялась на ноги, но из-за миниатюрного роста оказалась немногим выше ее. – Ты так решила из-за того, что он говорил про то ожерелье? Но он знает, что ты не брала его... я уверена, что знает. Он просто жутко расстроился.

Внезапно меня пробрала дрожь, и я поняла, что сама испугалась. Мне захотелось отвести руки Алисы от ее лица и заставить посмотреть на меня.

– По-моему, ты не понимаешь, в какую опасность попала. – Мой голос дрожал от волнения. – Роджер начал охоту на ведьм. Он выискивает уязвимых женщин, точно хочет собрать из них полную колоду карт. Я пришла предупредить тебя и предложить помощь. Если она тебе, конечно, нужна, а я полагаю, что нужна. И я посоветовала бы тебе пока не появляться в Колне.

– Но я же там живу.

– Но именно там они и будут тебя искать. Тебе нужно пожить у друзей или у родственников. В любом случае Роджеру и Ричарду известно твое имя. Им не составит труда понять, что ты и есть та самая Алиса из списка Роджера.

– Тогда почему они не ворвались в наш дом, чтобы арестовать меня?

– Потому что пока они этого не знают, а я не стану ничего говорить им про тебя.

Вместо ответа она то ли всхлипнула, то ли усмехнулась.

Я взялась за дверную ручку.

– Вернувшись домой, я объясню все Ричарду, и он съездит к Роджеру.

– Вы обожаете своего мужа. – Ее звонкий голос разнесся по холодной пустой комнате.

– Разумеется, обожаю. И что с того?

– Не надо ничего объяснять ему.

– Почему? – Меня вновь окатила волна жаркой ярости. – Разве ты не понимаешь, каким влиянием здесь пользуется мой муж? Ты хочешь сказать, что не нуждаешься в нашей помощи? Что ты можешь самостоятельно выбраться из такой передраги? Алиса, под угрозой твоя жизнь. Насколько я знаю Роджера, он не захочет поставить себя в глупое положение перед столичными судьями. Но он составил список подлежащих аресту людей, и в нем есть твое имя. Что из сказанного тебе не понятно?

И вновь она обхватила лицо руками. За один день она, казалось, постарела лет на десять.

– Алиса, ты слышишь меня? Ты что, не веришь мне?

– Нет, вам я верю, – сказала она.

Хоть какой-то успех, и хотя я все еще злилась, ее слова согрели мне сердце. Такого мне еще никогда не говорили, да и нужды не было.

– Но ты не доверяешь Ричарду? Почему?

Очень медленно она подняла голову и посмотрела на меня.

– Гроссбух, – изрекла она.

– Что?

– Тот гроссбух, что хранит ваш управляющий. Вы говорили, что туда записываются все покупки и все отправки из Готорпа. Верно?

Я озадаченно кивнула.

– Загляните в этот гроссбух.

– Но... откуда ты знаешь, что там есть? Ты же не умеешь читать.

В ее больших янтарных глазах отразилось невероятное сочувствие.

– Мне не нужно уметь читать, чтобы понимать происходящее.

Вернувшись в Готорп, я напрямик прошла в кабинет Джеймса. Несмотря на разожженный огонь, меня била дрожь, и, стуча зубами от холода, я вытащила толстую книгу, переплетенную в телячью кожу. Аккуратным почерком Джеймс записывал там все оплаченные покупки:

«Март: два лоуда^[19] солода, бочонок хереса; три большие соленые щуки доставлены в Лондон Томасу Йейтсу...»

Что же мне собственно нужно искать?

«Апрель: копченая свиная грудинка отправлена в Колн для Майкла Торпа; полугодовая арендная плата за Ихтенхилл-парк; доставка ружья из Лондона...»

Может, все дело в этом ружье? Но мне же известно о нем.

«...Г-ну Уильяму Андертону за доставку разрешения на брак из Йорка...»

Я задумалась, держа палец на этой строчке. Кому в Готорпе могло понадобиться разрешение на брак? Насколько я знаю, никто пока не объявлял о помолвке.

Именно в этот момент я заметила до боли знакомое слово, которое едва не пропустила:

«В Бартон отправлено душистое мыло.

В Бартон отправлен уголь из шахты Падихама.

В Бартон отправлены цыплята, закупленные на ферме Клиತ್ರоя.

Бартон...

Бартон...

Моя девичья фамилия, и также мой родной дом. Но там же никто сейчас не живет; дом опустел, когда четыре года назад моя мать и я сама уехали оттуда.

– Госпожа, вот вы где, – в дверях стоял Джеймс, его обычно сдержанное лицо выражало беспокойство.

Я захлопнула книгу.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил он.

– Нет, Джеймс, спасибо.

Закрыв grossбух на замочек, я в смущении обошла вокруг письменного стола. Но, проходя мимо управляющего к выходу, я вдруг опять разозлилась: разве я делала что-то предосудительное, проверяя свой собственный хозяйственный grossбух? Почему бы мне не поинтересоваться, как обстоят дела с хозяйством, в которое я сама вложила

немалые средства? Но интуитивно я осознала, что мне следует вести себя осмотрительно.

Расставаясь с Алисой в промозглой комнатенке паба, я напоследок спросила:

– Тебе есть где пожить?

Она лишь пожала плечами, уставившись в пустой очаг. Мое желание помочь Алисе оказалось безуспешным, и я поскакала галопом по короткой дороге, теперь уже сама пребывая в смятении.

– Господин уже искал вас, – сообщил Джеймс.

Я встревожилась, заметив, что он не просто обеспокоен, но сильно побледнел и помрачнел.

– Что-то случилось?

– Заболела одна из служанок, горничная Сара. Ричард просил меня послать за доктором.

– Понятно. И что с ней?

– Она пожаловалась на головную боль, а сейчас у нее лихорадка. Бредит, зовет свою мать.

– Тогда пошлите за ее матерью. Или, может быть, ее саму лучше отправить домой?

– Полагаю, так будет лучше всего, сразу после осмотра врача. На тот случай, если у нее что-то заразное.

Я задумчиво нахмурилась. На меня обрушилось сразу слишком много удручающих событий, учитывая странные поставки в Бартон, внезапную болезнь служанки, связь Алисы с Дивайсами и пропажу моего рубинового ожерелья. За один сегодняшний день произошло больше событий, чем за целый год.

– Утром она выглядела здоровой, – задумчиво произнесла я, вспомнив, как она выступила на устроенном Ричардом собрании домочадцев.

Потом мне вспомнилось раскрасневшееся лицо Алисы, ее суровый пристальный взгляд, и меня охватило отчаяние. Я мысленно вознесла Господу молитву, умоляя отвести от нашего дома любую лихорадку или прочие смертельные опасности.

За дверью темнел холодный коридор, а в кабинете Джеймса довольно тепло. У меня не было ни малейшего желания совершать сейчас двадцатимильную прогулку на лошади, но, очевидно, придется.

– Джеймс, окажите мне две услуги: приведите к крыльцу мою оседланную лошадь, а позже передайте Ричарду мое сообщение.

– Но господин должен вернуться с минуты на минуту...

– Сообщите ему следующее: я еду в Колн, где сниму комнату на

постоялом дворе, и поживу там пару дней, заодно постараюсь убедить Алису продолжить заботиться о моем здоровье.

Он изумленно взглянул на меня.

– Но, госпожа...

– Полагаю, что Ричард весьма неудачно попытался разобраться с пропажей ожерелья. Он унизил наших преданных слуг. Вы ведь и сами понимаете. Однако, разумеется, не стоит ему это передавать. Боюсь, его выступление будет стоить мне опытной повитухи, а ведь я ей доверяла, и она мне очень нравилась, в итоге же теперь некому будет помочь мне выносить ребенка. Передайте ему то, что вам покажется удобным. На самом деле Джеймс, мне невыносимо сейчас видеть своего мужа как раз из-за того, как он обошелся со слугами. Все вы преданны нам и дороги мне, но я надеюсь, вы не будете дурно думать о нем. Я уезжаю из Готорпа именно потому, что очень расстроена. Прошу, передайте ему, чтобы не вздумал ехать за мной, я сама, скорее всего, вернусь утром.

Нерешительно помедлив, он энергично кивнул.

– Слушаюсь, госпожа.

Я развернулась, вышла в коридор, а потом, словно вдруг что-то вспомнив, чуть повернула голову, надеясь, что мое скрытое в темноте лицо не выдаст моих чувств.

– Ах, кстати, Джеймс! – воскликнула я. – Как у нас дела в Бартоне? Все в порядке?

Его лицо мгновенно вытянулось и посерело. Более явного ответа я не могла и желать. Он несколько раз пытался что-то вымолвить, открывая и закрывая рот, точно полудохлая рыба, а я спокойно ждала.

– Госпожа, может, вам надо что-то привезти оттуда? – наконец, запинаясь, вымолвил он. – Дом-то заперт уже...

– Четыре года, не так ли?

Его кадык дернулся, он точно подавился собственными словами.

– Да, верно...

– Прекрасно. Я иду за плащом.

* * *

Я прибыла в Бартон вскоре после наступления сумерек. Луна скрывалась за облаками и не рассеивала темноту, но мне удалось разглядеть маячившие впереди очертания громадного особняка и теплый живой свет, лившийся из какого-то окна нижнего этажа. Как бы мне хотелось никогда

не возвращаться сюда... Не хотелось видеть общие покои, где жили мы с матерью. Не хотелось видеть гостиную, где мгновенно закончилось мое детство, когда моей матери вздумалось сделать меня старше. Не хотелось видеть скрипучую лестницу, высокие, теряющиеся в холодном сумраке потолки или пустую клетку, где одним зимним утром я обнаружила мою ласточку, бедняжку Сэмюеля, умершего из-за того, что его клетку оставили слишком близко к огню.

Когда я спешила в близости от дома, странный шорох – или вернее смутное ощущение постороннего присутствия – побудил меня повернуть голову, и справа от меня я заметила изящную тень, пробежавшую по траве. Всего лишь отливавшую шелком тень, но она вдруг остановилась, взмахнув длинным пушистым хвостом: лисица. Она замерла, застыв, точно статуя, и мы пристально взирали друг на друга, пока у меня не начало покалывать кожу. Внезапно лисица сорвалась с места и исчезла во мраке, и уже в полном одиночестве я поднялась на крыльцо, спотыкаясь о ступени и мысленно проклиная громоздкие нескладные паттены, защищавшие мои туфельки. Я раздраженно сбросила их, и они с лязгом упали.

Дверь открылась без всякого сопротивления, пропустив меня в темный холл, не освещенный факелами, и с детства знакомый холод обласкал меня прямо на пороге.

– Эгей, есть тут кто-нибудь? – крикнула я.

Я не могла – не смела – думать о том, что здесь происходит или кто расположился в помещении, где находился, как я отлично помнила, большой приемный зал. В худшем случае это мог быть какой-то нищий бродяга... или в лучшем?

Мои ноги ступали практически бесшумно. Я слышала лишь собственное прерывистое дыхание да стучавшую в ушах кровь. Выставив вперед руки и держась около стен, я шла в потемках по памяти в сторону двери, ведущей в большой зал. В голову закралась мысль, что руки мои могут коснуться кого-то тайно поджидающего меня впереди, но я постаралась отбросить ее. Пошарив руками по стене, я нащупала наконец нужную дверную ручку и потянула за нее.

Моим глазам предстало хорошо освещенное место действия. В настенных канделябрах живо горели свечи, и зеркало над камином щедро освещало зал отраженным светом. Возле этого громадного камина, насчитывавшего в ширину десять футов – как раз в его топке я любила в детстве играть, и меня бранили за испачканные в золе туфельки – сидела женщина.

Мне вдруг показалось, что я блуждаю в каком-то сне, пытаюсь

приблизиться к ней, но она оставалась все так же далеко. Однако, заметив меня, она поднялась с кресла. Вероятно, она была старше меня, но от силы на пару лет, ее лицо обрамляли темные, ничем не покрытые волосы. Она испуганно взглянула на меня, чем привела в недоумение, но через мгновение оно рассеялось, и мое сердце ёкнуло и замерло.

Меня мог бы испугать шум в коридоре за спиной, но не испугал, поэтому, когда в зале появился Джеймс, запыхавшийся и разгоряченный после бешеной скачки из Готорпа, я едва удостоила его вниманием. Мой взгляд притягивала теперь только стоявшая передо мной женщина, поскольку, когда она встала, то плащ упал с ее плеч. И я увидела, что у нее такой же округлившийся живот, как и у меня.

Пол покачнулся. Каменные плиты устремились ко мне, приветствуя их былую госпожу, мой мир рухнул, увлекая за собой меня саму.

Часть 2

Уэстморленд (ныне Камбрия), май 1612 г.

*Законы подобны паутине: маленькие мухи
застревают в них, а большие – прорываются.*

Сэр Фрэнсис Бэкон^[20]

Глава 10

Та ночь выдалась ветреная и дождливая, Джеймс сопровождал меня до самого Готорп-холла, и, войдя в дом, я сразу поднялась в свою спальню и заперла дверь на ключ. Она оставалась запертой весь следующий день и ночь, и постепенно я привыкла к тому, что Ричард время от времени громко колотил в нее, но все мои мысли уже поглотила царившая во мне пустота. Благоразумие, Справедливость и я пребывали в ожидании, сами не понимая смысла нашего ожидания, однако к вечеру второго дня, когда я уже серьезно подумывала о необходимости разведения огня и какой-то еде, одна из горничных подошла к моей двери и сообщила, что прибыл посланец от моей матери.

Через замочную скважину я велела ей передать ему, что не желаю никого видеть, а когда она вернулась, то уже более страдальческим тоном представила мне какого-то мужчину.

– Госпожа Бартон, – произнес незнакомый мужской голос, – просила меня сообщить вам, что у входа в Готорп вас ожидает карета.

Я молча ждала продолжения.

– Она настаивает, чтобы карета не трогалась с места, пока вы не сядете в нее.

– Тогда она будет стоять там, пока не сгниет, – ответила я.

Мужчина смущенно прочистил горло. «Интересно, – подумала я, – кто еще там молчаливо стоит рядом с ним?»

– Госпожа Бартон приглашает вас пожить с ней в Киркби-Лонсдейл. Она подумала, что вы, возможно, захотите сменить обстановку. – Почтительно помолчав, он добавил: – Я обязан ждать здесь, пока вы не будете готовы уехать.

Я вернулась в постель и, закрывшись одеялом, покрутилась в ней довольно продолжительное время.

– Ричард, вы там? – наконец сдавленно спросила я.

– Госпожа, кроме меня, здесь никого нет, – помедлив, ответил посланец.

Неимоверным усилием воли я заставила себя опять дотащить до двери и припала к замочной скважине. Однако увидела через нее лишь полу какого-то камзола и шпагу в ножнах на перевязи. Даже проведя в уединении больше суток, я не сумела постичь весь масштаб предательства. Оно началось с моей кровати и расползлось до самой пивоварни,

посылавшей ей пиво, до кабинета, где наш преданный слуга Джеймс доверял чернильным записям любые персональные затраты. Оно добралось и до «Руки с челноком», где, как я догадывалась, Алиса и услышала о нем. Оно просочилось даже в мое прошлое, запятнав мое и без того лишенное сентиментальности детство. И это стало едва ли не самым страшным ударом: Ричард прятал любовницу в доме моего детства, он достался ему вместе с приданым в день нашего венчания, поскольку он знал, что мне никогда не захочется туда вернуться.

Именно тогда меня вдруг осенила здравая мысль: уж не знала ли моя мать об этой темноволосой особе с округлившимся животом? Всю вторую половину дня этот вопрос, точно назойливая муха, жужжал у меня в ушах, и вдруг из-за двери до меня донесся обиженный лай Пака. Он царапался и скулил там, и я со стыдом осознала, что, поглощенная собой, совершенно забыла о бедняге. Я опустилась на колени около двери.

– Пак, – тихо попросила я, – перестань скулить, Пак. Я же здесь. Я здесь.

Он начал завывать еще громче, и по лицу моему невольно заструились слезы, его вой, казалось, разрывал мое сердце, и как бы я ни уговаривала его, он не желал умолкнуть. Мной овладела неудержимая потребность обнять его, и когда я повернула ключ, он ввалился в комнату, опрокинув меня на пол. Его огромный язык тут же принялся слизывать слезы с моих щек, и я не удержалась от смеха, когда он, скуля и пыхтя, с чистой радостью разлегся на мне. Когда он полностью успокоился, мне удалось сесть. Посланец стоял в отдалении за дверью, замерев в почтительном ожидании.

– Я согласна поехать только на моих условиях, – заявила я.

Он изящно поклонился и выпрямился, излучая предельное внимание.

– Я возьму с собой свою собаку. И по дороге мы заедем в одно место.

– Не прикажете ли прислать слуг, чтобы упаковали ваши вещи? – спросил он.

– Я все сделаю сама.

* * *

Во время нашего путешествия на север мы с Алисой придумали план. Чтобы Роджер не смог найти ее, она отказалась от службы в «Руке с челноком», сообщив хозяину паба, что ее больной отец нуждается в постоянном уходе. Я ждала ее в карете на одной из ближайших улиц, чтобы

нас не заметили. Мы обе нервничали и спешили, поскольку она, в сущности, тайно сбежала... и я спросила, не нужно ли ей что-то забрать из дома, но она лишь покачала головой. Когда знакомые места остались позади, мы решили, что к моей матери она приедет в роли моей компаньонки Джилл, так звали, сказала она, ее мать.

– Не хочешь ли ты перекусить? – спросила я.

Ожидая, пока возчик сменит лошадей, мы застряли на очередном постоялом дворе, откуда доносились соблазнительные ароматы жареного мяса и готовящегося ужина. Стоял приятный майский вечер – теплый и безветренный – и мы, скрываясь от посторонних глаз, сидели за задернутыми занавесками в карете, прислушиваясь к суматохе, царившей снаружи, стуку лошадиных копыт и досужим разговорам знакомых людей, обсуждавших дела своих обычных жизней.

Алиса покачала головой.

– Ты говорила, что твоя мать была повитухой, – вспомнила я, – так она до сих пор...

– Она умерла.

– Ой, извини.

– Уже давно, много лет назад.

Алиса сидела очень прямо; у нее была хорошая осанка, даже без корсета.

– Отчего она умерла?

– От лихорадки, – помолчав, ответила Алиса, – она долго болела, и болезнь унесла ее в другую жизнь. Я ничем не смогла помочь.

– Наверное, именно она научила тебя разбираться в лекарственных травах?

– Она выращивала их в саду... – кивнув, сказала она и, помолчав, добавила: – Вернее она называла его просто своим кухонным огородом. Она выращивала там всякие овощи и приправы для еды... Я старалась поддерживать его в порядке, помня, как она любила копаться на грядках. Она говорила мне, как называются все полезные травки. Иногда мы ходили гулять, и она показывала мне разные лесные растения, объясняя их лечебные свойства. Говорила, что женщинам это полезно знать, ведь жена и мать должна поддерживать здоровье целой семьи в этом мире. Ей нравилось думать, что у меня тоже будет семья, – тихо заключила она.

– Где же она сама выучилась акушерству? – спросила я.

– А где вообще могут учиться простые женщины? Наверное, их учит сама жизнь. Она и ее подруга Кэтрин вместе занимались этим ремеслом, ходили везде, где были нужны. Кэтрин прозвали Канительщицей, потому

как она делала все очень долго и старательно, пока не убеждалась, что все в порядке. Она все делала с особой тщательностью, даже если мама уже начинала громогласно взывать к Небесам. – Алиса улыбнулась каким-то личным воспоминаниям. – Даже огонь Кэтрин разводила так медленно, словно собиралась разводить его до Второго пришествия.

– И ты тоже ходила с ними?

Алиса кивнула.

– А сколько детей родилось с твоей помощью?

– Не знаю... Двадцать? Может, и больше.

Такой ответ удивил меня... я считала ее более опытной, но раньше-то я не спрашивала. Немного погодя, я спросила, не будет ли ее отец скучать без нее? Обдумав мой вопрос, она покачала головой.

– Нет. Возможно, ему будет не хватать моей заботы, но не меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я же готовила еду. Ухаживала за курами. Убиралась в доме. Зарабатывала деньги, – монотонно перечислила она.

– А ты никогда не думала выйти замуж, обзавестись собственным домом?

Ее лицо помрачнело на такой краткий миг, что я даже подумала, не показалось мне это. Она явно погрузилась в размышления, но в итоге сказала:

– Да ведь нет никакой разницы. Будь ты дочь или жена, жизнь все одно одинакова... Просто разные мужчины велют тебе делать то, что им надо.

– Наверное, ты права. Но у тебя могли бы появиться свои дети. Любая женщина хочет их; таково уж наше женское предназначение.

Она потупила взгляд.

– Дети не стоят всех тех сложностей, которые нужны, чтобы их вырастить.

Станный ответ, особенно для повитухи. Наконец кучер забрался на свое место, нас слегка тряхнуло на сиденьях, и карета покатила дальше.

Алиса продолжала задумчиво молчать, и я даже подумала, что могла чем-то обидеть ее, но через пару миль, уже начав задремывать, я услышала ее тихий голос.

– Мне еще не приходилось ездить в карете, – сказала она, словно сама себе.

До Киркби-Лонсдейла мы доехали в сгустившихся сумерках. Собственно манор возвышался где-то посередине поросшего густой рощей холма, дорога так круто поднималась по склону, что пришлось упереться ногами в расположенное напротив сиденье, чтобы не соскользнуть на дно

кареты. Парк усадьбы тянулся до самой долины, где поросшая вереском каменистая осыпь встречалась с небом. Пак спокойно спал, как и Алиса. Хотя сон ее выглядел странно настороженным, она сидела прямо, напряженно вытянув шею, лицо ее хранило такое невозмутимое выражение, словно она не спала, а всего лишь закрыла глаза.

Карета наконец остановилась, и я выбралась из нее, уставшая, как собака, после второго долгого путешествия за последние несколько дней. Следом за мной выпавший на землю Пак уже зевал и потягивался, а за ним спустилась и Алиса. Генри выгрузил мой дорожный сундук, и тут же на крыльце открылась большая входная дверь, заливая светом нашу странную компанию и обрисовав четкий силуэт моей матери, стоявшей в дверном проеме.

– Флитвуд, – прозвенел ее тонкий голос в вечернем воздухе, – я уж боялась, что ты никогда не приедешь.

Я ободряюще глянула на Алису, и мы вместе поднялись на крыльцо.

Моя мать жила в доме, принадлежавшем семье Шаттлвортов, пару десятков лет тому назад его приобрел дядя Ричарда в качестве пристанища для отдыха или охоты по дороге в Шотландию. Я заезжала сюда только один раз, когда моя мать слегла с сильным кашлем и Ричард уговорил меня навестить ее.

Я решила, что лучше сразу прояснить главный вопрос. Мой дорожный сундук еще не коснулся каменных плит входного холла, а я уже пристально взглянула на мать.

– Вы знали о любовнице Ричарда?

– Разумеется, знала, Флитвуд. Давайте-ка заходите в дом, пока вы не свалились от изнеможения.

Хотя она всего лишь подтвердила мои подозрения, тем не менее мне показалось, что она пронзила меня шпагой и тут же вновь вытащила клинок.

Алиса, подхватив меня под руку, едва ли не дотащила меня по вымощенным каменными плитами коридорам до небольшой, идеально убранной, но скудно обставленной комнаты. Там не было никаких книг, ваз или графинов, только чистые пустые поверхности, словно ждавшие возвращения вещей после чистки. В быту Мэри Бартон неизменно руководствовалась строгими принципами кальвинизма, но они не противоречили замене ковра, чистке камина, мытью окон. Она присела у камина и жестом предложила мне занять место напротив – даже кресла были старыми и потертыми. Я подумала, что за двадцать лет, прошедших со времени покупки этого дома дядей Ричарда, мебель здесь вряд ли

обновляли. Но в комнате было тепло, в камине горело немного угля. Правда, в воздухе стоял какой-то не слишком приятный запах горелого жира, и я не сразу догадалась, что он исходит от свечей: вместо восковых мать предпочла более экономные масляные.

– Для моей акушерки нужен стул, – заявила я.

Пристально посмотрев на меня, мать смерила Алису быстрым взглядом и, поднявшись с кресла, стремительно вышла из комнаты. Алиса, не проявляя ни малейшего интереса к обстановке, с отсутствующим видом взирала на старый ковер под ногами. Мать вернулась в сопровождении слуги, притащившего крепкий жесткий стул, который он поставил возле стены, после чего, отвесив поклон, удалился и тихо закрыл за собой дверь.

Сидя в полной тишине, мы обе ждали, кто первым заговорит. Мне не понадобилось много времени, чтобы дать выход своему возмущению.

– Из-за вашего приглашения мне пришлось протрястись пятьдесят миль, а теперь вам нечего мне сказать? – резко произнесла я.

Несмотря на мою грубость, лицо моей матери осталось непроницаемым. Оно побелело как мел, и я заметила также вокруг ее глаз и губ новые морщины, которых не видела во время ее последнего визита в Готорп.

Глубоко вздохнув, она закрыла глаза.

– Я надеялась, что этот день не наступит... – тихо пробормотала она.

– Неужели вы думали, что я так ничего и не узнаю?

– Да, – лаконично ответила она.

– Почему? Почему же вы ничего мне не рассказали, если сами знали? Ричард предал меня, он разбил мне сердце и разрушил нашу семейную жизнь, а вы знали и молчали. Моя родная мать!

– Я старалась уберечь вас, – медленно возразила она, ее взгляд помрачнел.

– Как же я теперь смогу верить вам? Я же не смогу больше верить никому! Ни одному человеку.

«Кроме Алисы», – добавил прозвучавший в моей голове голос.

Я заплакала, и мать посмотрела на меня с таким ужасом, что я предпочла закрыть лицо руками.

– Я ненавижу вас! – в отчаянии воскликнула я, и мой крик разнесся по маленькой комнате, отражаясь от стенных панелей. – Ненавижу вас обоих! Вы оба предали меня.

Она дала мне время прийти в себя, и я откинулась на спинку кресла, вновь почувствовав себя замкнутым обиженным ребенком. Мое дыхание выровнялось, и я вяло вытерла мокрое от слез лицо.

- Вы будете жить здесь, – в итоге сказала моя мать.
- Долго ли? До тех пор, пока она не родит ребенка? – спросила я.
- Какого ребенка?

Внезапно лицо матери озарилось пониманием. Сжав своей белой рукой подлокотник, она еще больше побледнела.

- Неужели она...
 - Да, она ждет от него ребенка, – закончила я.
 - Какое безумие, – закрыв глаза, прошептала она.
- Я не поняла, к чему относилось ее замечание.
- Но вы знаете, что она живет в Бартоне?

Мать кивнула. С рассеянным видом она согнула палец со своим простым золотым обручальным кольцом. Я поняла, что она напряженно обдумывает эту новость. Краем глаза я заметила молчаливую и совершенно недвижимую фигуру Алисы. Мать так и не поинтересовалась, как зовут эту девушку, практически не воспринимая пока ее присутствия.

- Вы знаете, кто эта женщина? – наконец спросила я.
- Джудит Торп.
- Как вы узнали о ней?
- Не важно.
- А для меня важно.
- Для вас сейчас важно успешно выносить этого ребенка, чего вам не удавалось раньше.
- Почему? – внутренне сжавшись, подозрительно спросила я.
- Флитвуд, послушайте меня внимательно, – проведя языком по зубам, выразительно произнесла мать, – она победит, если вы не произведете на свет живого наследника.

Ее уверенный голос прозвенел в комнате, и мы пристально взглянули друг на друга, возможно, впервые в жизни, достигнув взаимопонимания. Мне вдруг стало ужасно холодно.

– Но она же не жена ему, – внезапно подала голос Алиса, удивив нас обеих.

– Незаконнорожденный ребенок – тот же наследник, – мрачно заметила моя мать, – такие дети не имеют права прямого наследования, но отец может завещать своему бастарду все, что угодно: поместья, земли, права собственности. Особенно если у него нет других детей. Побочный ребенок может быть узаконен, если его родители поженятся, – пренебрежительно добавила она.

Перед моим мысленным взором всплыла запись Джеймса: Уильяму Андертону за доставку разрешения на брак из Йорка.

Я закрыла рот рукой.

– Он намерен жениться на ней. Он знает, что я умру.

– Умрешь?

Я сообщила матери о письме доктора Дженсена и о заказе разрешения на брак, обнаруженном в нашем гроссбухе. Меня начала бить дрожь.

– Флитвуд!

Мать в ужасе смотрела, как я тряслась и дергалась.

Внезапно рядом со мной появилась Алиса.

– У вас есть настойка шиповника? – спросила она мою мать.

– Что-что?

– И еще бренди с корицей. Прикажете сделать настой для нее, он поможет.

Мать выбежала из комнаты, а Алиса завладела моей рукой: розовая плоть на фоне бледно-серой. Вскоре мать вернулась в сопровождении слуги с подносом, на котором стоял оловянный кубок. Алиса взяла его и вручила мне, и я с трудом выпила содержимое, стуча зубами об оловянный край. Напиток обжег мне горло и согрел внутренности, и постепенно дрожь унялась до легкого подергивания. Мать поставила кубок обратно и велела слуге принести еще хлеба и вина.

– Госпожа, – тихо ответил он, – белый хлеб у нас закончился, есть только ржаной.

– Несите все, что есть, – отрезала мать. Потом посмотрела на Алису новым, заинтересованным взглядом. – Как тебя зовут?

– Джилл, госпожа.

Мать кивнула разок, одновременно выказывая как одобрение, так и то, что разговор закончен, и опять заняла место в кресле напротив меня.

У меня в голове крутилось множество мыслей. Я почувствовала, как шевельнулся в животе ребенок, словно решив напомнить, что он еще жив. Его шевеление показалось мне даже отчасти приятным, нечто подобное чувствуешь, когда карета ныряет с крутого склона и тут же выезжает наверх. Я сложила руки на животе и, согревая, мягко помассировала его, одновременно вспомнив каракули письма доктора, слова которого я выучила наизусть: *«Ее земная жизнь завершится»*.

Глава 11

Мы с Алисой поселились в одной из комнат верхнего этажа, там было теплее, чем в нижних – лето еще не добралось до этих северных холмов. Для нее принесли выдвигающую кровать и поставили рядом с моей, а спала она в своей особой манере без подушки, свернувшись калачиком посередине матраса. Я заметила это, потому что никак не могла уснуть. Не желая будить ее, ворочаясь с боку на бок на своей скрипучей кровати, я встала и устроилась в кресле возле окна.

Мои мысли с невольным постоянством возвращались к любовнице Ричарда. Чем больше я пыталась представить ее, тем менее четкими становились очертания ее лица, однако я не сомневалась, что прежде, до встречи в Бартоне, никогда не видела ее. И я размышляла о том, не спала ли она там в моей кровати, как и Ричард, когда бывал у нее? И все это время, уезжая, он целовал меня в лоб, а я, стоя у окна, смотрела, как он удаляется на своем рысаке то в Галифакс, то в Манчестер, Ланкастер и даже дальше: в Ковентри, Лондон и Эдинбург. Но на самом деле: в Бартон, Бартон, Бартон...

Последнее время на глаза мои с легкостью наворачивались слезы, и я лишь старалась не шмыгать носом и не всхлипывать слишком громко. Я не представляла, как смогу вернуться в Готорп, но и здесь не могла задерживаться надолго, вечно пользуясь гостеприимством матери. Я погрязла в болоте этой жизни, и оно затягивало меня все глубже и глубже. Однако сейчас, сидя у окна и вглядываясь в царившую за ним тихую ночь, я не хотела думать о будущем, даже о ближайших днях. Ведь я еще по-прежнему жива, и мой ребенок тоже, он шевелился во мне, точно новорожденный котенок, я чувствовала его постоянно... теперь мне никогда не будет одиноко. И в то же мгновение я осознала, что если он родится и если я выживу и стану матерью, то больше вообще никогда не буду одинокой. Я могла потерять Ричарда – пусть даже отчасти его любовь, – и мое восприятие нашей семейной жизни резко изменилось, но у меня на всю жизнь появится настоящий друг.

Повернувшись в кресле, я взглянула на спящую женщину, понимая, что только она способна помочь мне обрести новую жизнь. Ее золотистые волосы раскинулись по постели и спускались на спину, грудь тихо вздымалась. Мне вспомнился мужчина, расстроивший Алису в «Руке с челноком», и то, как она сказала, что дети не стоят тех сложностей, которые

требуются, чтобы их вырастить. У меня возникло ощущение, что она стала первым человеком, которого я могла назвать подругой, но что я, в сущности, знаю о ее жизни?

Словно почувствовав, что за ней наблюдают, Алиса пошевелилась на своей узкой кровати и тихо застонала. Я видела, что она вновь успокоилась, но потом неожиданно напряженно вытянулась, и ее руки вцепились в одеяло.

– Забудь ее, – тихо проскулила она, – забудь...

Но пока я решала, не стоит ли разбудить ее, она так же внезапно успокоилась, тело ее расслабилось, лицо разгладилось, и она продолжила мирно спать.

А я продолжала сидеть, сложив руки на животе, и смотрела, как проявляется перед рассветом чернильно-синее небо, и только когда птичьи крики прорезали тишину, веки мои потяжелели, и я вернулась в кровать на остывшие простыни.

* * *

Утром, собравшись к завтраку, мы представляли собой мрачную компанию. Алиса хотела, видимо, отправиться есть со слугами, но я просила ее остаться со мной и матерью, и, хотя она отказывалась, я настояла на своем. Ни она, ни моя мать не испытывали радости от общей трапезы, и обе сидели с мученическим видом, когда перед ними поставили тарелки с яйцами. Принесли и хлеб, но его вкус резко отличался от того, что пекли в Готорпе. И мне вспомнилось, как вчера вечером слуга сообщил матери, что у них остался только ржаник, хлеб, сделанный из отрубей, а не из муки.

Местами платье и капор, казалось, царапали мою кожу, и я вяло почесалась, подавив зевок. Алиса медлила, не решаясь начать есть вареное яйцо, и тогда я тоже взяла с тарелки яйцо, ощутив на ладони его теплую весомую округлость. На фоне плотного яичного белка моя рука выглядела желтоватой.

– Флитвуд, может, вам попало недоваренное яйцо? – спросила моя мать.

Я откусила немного белка и сочла его удивительно вкусным: достаточно соленое и твердое, совсем не те полужидкие, сваренные в мешочек яйца, которые подавали в скорлупе с кухни в Готорпе. Мне пришлось положить его на тарелку, поскольку у меня опять зачесалась

рука, и я сильно потерла рукав там, где не могла достать до кожи.

– Флитвуд, неужели у вас завелись вши? – опять спросила мать.

Я подумала, что это вполне возможно, хотя и не замечала их. Какое-то легкое возбуждение или зуд охватил все мое тело, от лодыжек до ушей. Я почесывала то шею, то лицо, то запястья или чулки: все, до чего могла дотянуться.

– Может быть, – ответила я ей.

В принципе от вшей и грязи могли страдать бедняки, но я-то протиралась ежедневно влажными салфетками и наносила розовое масло на запястье и шею.

– Доешьте спокойно завтрак, – посоветовала мне мать, – хорошо бы, если бы у вас появился такой же аппетит, как у вашей акушерки.

Алиса покраснела и, перестав намазывать маслом хлеб, медленно положила нож.

– Я предпочитаю пшеничный хлеб, а не эту серую выпечку, – ответила я, надеясь на сей раз вогнать в краску ее саму, и моя надежда оправдалась.

Хотя я солгала: ломти этой теплой и питательной зерновой буханки со свежесбитым маслом были на редкость вкусны. Зуд начался опять, и я, с лязгом бросив на стол нож, вскочила, чтобы почесать сзади ноги.

– Флитвуд!

– Я не понимаю, что со мной происходит.

Запустив пальцы под платье, я почесала спину, и, хотя спине стало легче, но опять зачесалась рука там, где я ее только что почесала.

– Держите себя в руках. Что за спектакль вы устраиваете?

– Не знаю, раньше со мной такого не бывало, но в вашем доме у меня сразу все зачесалось с головы до ног. Мама, у вас принято стирать постельное белье?

– Не говорите ерунды, естественно, вам постелили чистое белье!

– Мне необходимо переодеться. – С гордым видом я направилась к выходу, но в дверях помедлила. – Джилл, ты не могла бы помочь мне?

Алиса с явным облегчением встала из-за стола и, выйдя из столовой, поднялась вслед за мной в наши покои. Я с нетерпением ждала, когда же она распустит все шнуровки и тесемки, которые сама же затягивала и завязывала менее получаса тому назад.

– Быстрее, пожалуйста!

В итоге платье упало к моим ногам, и я переступила через него; затем лиф освободился от корсета, и за ним последовали французские фижмы. Наконец-то я смогла сесть, снять чулки, и почесать руки под рукавами. Забравшись под рубашку, я коснулась своего живота, той твердой и гладкой

натянутой плоти, что прежде была рыхловато-мягкой. Вытащив шпильку из прически, я поцарапала ее кончиками шеи под затылком.

Глядя на меня, Алиса задумчиво провела рукой по собственной шее, пока я отчаянно почесывалась, крутилась и извивалась перед ней.

– Может, вам надо принять ванну? – предположила она.

Вскоре с кухни доставили ванну и кувшины с горячей водой. Потом в дверь постучала горничная, принеся кусок мыла, мягкий и темный, сваренный на домашней кухне, совсем не похожий на покупаемые нами твердые белые бруски. Я не знала, как лучше попросить Алису отвернуться, чтобы позволить мне окончательно раздеться и забраться в ванну, но она поступила так по собственной инициативе. Когда последнее нижнее белье упало на пол, я отчасти ожидала, что увижу ползающих по мне и по одежде мелких темных насекомых, но никого не увидела. Мое тело оказалось чистым, а не воспаленным и покрасневшим, как я ощущала. Меня разобрал смех. Алиса, сидя на своей выдвижной кровати, слегка повернулась и скосила на меня взгляд.

– Что случилось?

– Ничего. Никаких вшей. Никакой сыпи. Должно быть, у меня какая-то нервная чесотка.

Я погрузилась в воду, вызвав небольшой потоп, зуд мгновенно уменьшился, словно приятная влага затушила множество огоньков, горевших на моей коже.

– Может быть, мне уйти? – спросила Алиса, опять отвернувшись к стене.

– Нет, останься.

Не оборачиваясь, она устроилась поудобнее, подогнув под себя ноги. Вода в ванне успокоилась, и я оценивающе взглянула на свой живот, отметив, что он заметно вырос с того дня, когда я последний раз принимала ванну. Мне даже не удалось увидеть за ним жестких темных волосков. Я слегка намылилась, отчего тело стало скользким, как угорь и зуд еще больше притупился. Набрав воды в кувшин, я смочила себе голову и вспенила мыло на волосах, превратив их в спутанную массу. Вода окутывала меня, лаская кожу, и я облегченно вздохнула, позволив мыслям вернуться к событиям, происходившим в апреле после моего выезда на туманную охоту с Ричардом и Роджером.

– Алиса, ты что-нибудь слышала о духах-покровителях?

Я услышала, как скрипнула ее кровать, похоже, она поменяла позу.

– Да, – отозвалась она.

– Дженнет Дивайс говорила мне, что у ее матери есть особая собака, и

я сама видела ту собаку, когда вы с ней...

– Мы с ней? – уточнила Алиса.

Я подавила волнение. Она оглянулась и посмотрела через плечо прямо на меня своими яркими и умными глазами.

– Так что же вы видели?

– Алиса, не смотри.

Я попыталась скрыться под водой, но ее пристальный взгляд не отрывался от моего лица.

– Неужели вы тайно следили за мной?

– Нет.

– Тогда?

– Я... я просто поехала тебе навстречу. И случайно увидела вас с ней в лесу.

Вновь отвернувшись к камину, она взяла кочергу и пошевелила угли.

– И что же вы слышали?

– Ничего.

– А почему вы не подошли к нам?

– Я... я испугалась. Ее. Той женщины. Элизабет Дивайс.

– Почему?

– Ее глаза. Они напугали меня.

Мне с ужасом вспомнилось, как она повернулась в мою сторону и ее странные глаза противоестественно смотрели в разных направлениях.

– У нее есть дочь, Дженнет, – продолжила я, – и я никак не пойму, почему Роджер верит всему, что она говорит ему. Как он может верить? Она ведь еще глупая девчонка.

И, упомянув о Дженнет, я внезапно вспомнила себя в ее возрасте, и, как сама я никому не говорила о том, что случилось со мной, понимая, что никто мне не поверит. Однако это уже другая история... Рассказы Дженнет полны магии и духов, словно те сказки, что дети слушают перед сном.

– Возможно, ему хочется верить этому. Или он даже говорит ей то, что надо сказать.

– Роджер не стал бы так делать.

– Откуда вы знаете?

– Он хороший человек. И всегда хорошо относился к нам.

Разлетаясь по комнате, мои же слова показались мне глупыми и безосновательными. Неужели и Роджер тоже знал о любовнице Ричарда? Это могло быть двойное предательство, еще хуже, чем молчание моей матери. Он называл нас с Ричардом влюбленными голубками. Либо он ничего не знал, либо был бессердечным лжецом.

– Алиса, прости меня за то подглядывание, но это ведь вышло случайно, – сказала я, нарушая затянувшееся молчание.

Я запуталась в собственных мыслях; мне необходимо распутать этот клубок и все спокойно обдумать. Алиса отряхнула юбку. Ее потрепанное платье давно нуждалось в починке и стирке, а чепец в крахмале. Я решила, что позабочусь об этом. А заодно подумала о том, когда она сама последний раз принимала ванну... и не мечтает ли тоже хорошенько вымыться?

– Алиса, ты хотела бы принять ванну?

– Нет, спасибо.

– Я могу приказать принести еще воды.

– От меня что, плохо пахнет? – вспылила она. – Или вы думаете, что я заразила вас вшами?

– Нет, конечно нет. Нет никаких вшей. Это лишь мое больное воображение...

Я взглянула на белую кучу моего нижнего белья на полу, еще раз пристально посмотрев, не ползает ли там какая-то живность.

– Алиса, тебе не кажется, что у меня пожелтела кожа?

Она пренебрежительно окинула меня взглядом.

– Трудно сказать... она, как и раньше, выглядит не слишком здоровой.

Она явно сильно рассердилась, и впервые я усомнилась, правильно ли поступила, привезя ее сюда. Что-то изменилось в ней в тот день, когда Ричард намекнул, что она могла украсть ожерелье. И все-таки я привыкла к явному подчинению, а она разговаривала со мной почти как с равной. Однако, немного подумав, я поняла, что меня это как раз устраивает.

Еще разок сполоснувшись, я поднялась из ванны и увидела свое отражение в зеркале над комодом. Мои спутанные волосы топорщились над ушами, точно птичье гнездо. Набухшие соски окружали темные ареолы, и под глазами тоже залегли тени. Я быстро вытерлась чистыми льняными полотенцами и, завернувшись в банную простыню, села на кровать. Алиса сидела неподвижно, как статуя. Я подумала, где бы она хотела сейчас оказаться. Явно не здесь, но интуиция подсказывала мне, что она не тоскует по покинутому дому... что невозможно в любом случае, ведь теперь как раз там ей грозила опасность. Возможно, я просто не могла представить, в каком приятном месте ей хотелось бы оказаться: в объятиях любимого под ветхими простынями, или на лавке с отцом возле дома теплым весенним вечером.

– Алиса, скажи мне, – сказала я, натянув через голову чистую сорочку, – тебе плохо из-за того, что я оторвала тебя от отца?

– Нет.

– Или от кого-то другого? – Она отрицательно покачала головой. – От парня из паба... – Я нерешительно умолкла.

– Вы видели его? – Она резко взглянула на меня.

Второй раз мне придется признаться в подглядывании. Я слегка покраснела и кивнула.

– Только в коридоре, когда он уходил. Он ведь огорчил тебя?

– Я не хочу об этом говорить.

Она отвернулась, чтобы я не видела выражения ее лица.

Я расчесала волосы и взяла корсет, обтянутый жемчужно-серым шелком, слегка постучав по нему костяшками пальцем. Я решила, что сегодня обойдусь без него, просто надену платье; мне совсем не хотелось опять затягивать живот. Алиса заметила, что я верчу в руках корсет.

– А вам не надоедают такие хитрые одежды, вы ведь не можете даже сами надеть их? – спросила она.

– Нет, – честно ответила я, – ведь я одеваюсь только раз в день. Не считая сегодняшнего случая.

Мы улыбнулись друг другу, и я поняла, что прощена.

Раздался осторожный стук в дверь, после чего из комнаты вынесли ванну с водой, а очередной слуга принес сладкое печенье и горячее молоко, и мы с Алисой подкрепили силы. Она призналась, что за целый год не ела лучше, чем за последние двадцать четыре часа. Мы съели печенье, дав немного и Паку, и тогда, в чистой рубашке, с мягкими чистыми волосами и прилипшими к губам сахарными крошками, мне подумалось, что я с легкостью забуду причины моего приезда сюда, хотя на самом деле память оказалась сильнее меня. Алиса приехала со мной из-за того, что во мне продолжал расти ребенок, но сама я оказалась в этой светлой и пустоватой комнате в пятидесяти милях от своего дома, потому что мой муж завел любовницу. Я пребывала в полной растерянности, но почему-то не воспринимала свое положение как совершенно безнадежное. Пока, во всяком случае.

Вскоре к нам зашла моя мать, она не сделала ни малейшей попытки скрыть свое недовольство при виде Алисы, сидевшей с ногами на своей кровати, с кружкой молока, стоявшей на краю ее присыпанной сахаром юбки. Чуть покраснев, Алиса сменила позу и села как следует.

– Флитвуд, вы намерены сегодня одеваться? – спросила моя мать.

– Наверное. – Я заметила, как ее цепкий взгляд оценил мой живот, чья округлость, не скрытая шелковыми или бархатными и шерстяными слоями верхней одежды, более явно выделялась под рубашкой. – А у вас нет дров

для камина? Нам приходится, как служанкам, ежиться возле едва тлеющих углей.

Ее глаза сверкнули черным огнем.

– В этом доме мы придерживаемся благоразумной бережливости. Если вы предпочитаете жечь дрова, то я могу прислать вам топор.

Наши сердитые взгляды на мгновение встретились, и она удалилась, плотно закрыв за собой дверь.

– Ни дров, ни пшеничного хлеба, ни восковых свечей, – высказала я вслух свои мысли, – я начинаю думать, что к старости моя мать стала ужасно прижимистой.

Алиса пошевелила угли в камине.

– А откуда у нее деньги? – спросила она.

– Никогда не задумывалась об этом, но скорее всего... от нас.

Из крон деревьев под окном донеслась птичья трель, мелодичная и звонкая. «От нас». Я привыкла считать, что это местоимение означает моего мужа и меня, но оказалось, что он давно вел двойную жизнь. Какую же из своих женщин он считает главной? Я рассеянно сняла с пальца обручальное кольцо и вновь надела его. Сняла, надела, сняла, надела.

– А вы здесь родились?

– Здесь? Нет, я родилась и выросла в Бартоне. Моя мать живет в этом доме всего несколько лет.

– В Бартоне? Но разве не там...

– Именно там.

– Муж поселил любовницу в доме вашего детства? – Ее глаза удивленно округлились.

– Я давно не считаю его своим, но ты права.

– Почему не считаете? – Я почувствовала на себе пытливый взгляд ее золотистых глаз.

– Оно стало вместилищем несчастья.

Она засмеялась и вновь поудобнее устроилась на кровати, подогнув ноги.

– Как же особняк может стать вместилищем несчастья? Разве у вас не было модных нарядов, вкусной еды и слуг?

Я даже не улыбнулась. Раньше она позволила мне заглянуть в свою жизнь... пусть отчасти не по собственной воле, но все-таки я заглянула. И теперь, не сводя с меня умного взгляда, она ждала, много ли я решусь открыть ей. Я вздохнула и скрестила ноги, также устроившись поудобнее.

– Мой отец умер через несколько лет после моего рождения. Я совсем не помню его. С тех пор мы жили вдвоем с матерью. У меня не было ни

подруг, ни кузин, не с кем было играть, кроме моей ласточки, я назвала его Сэмюелем. Однажды его клетку поставили слишком близко к камину, и он умер. Всякий раз, когда я шалила или плохо себя вела, моя мать угрожала отправить меня к моему мужу. Мне хотелось завести другое домашнее животное, чтобы не чувствовать себя одинокой, но я не смогла.

– К вашему мужу? – внезапно переспросила она. – Вы имеете в виду Ричарда?

– Нет, меня выдали замуж еще до Ричарда.

И в тот же миг перед моим мысленным взором вспыхнули картины прошлой жизни, которую я упорно стремилась забыть: гостиная, подол платья моей матери исчезает за углом, и раздается низкий, надтреснутый голос моего мужа: «Иди же ко мне, Флитвуд». Его огромная рука подхватывает меня и усаживает к себе на колени.

– Вы уже были замужем? То есть вам... вам пришлось разводиться?

– О господи, нет. Тот брак аннулировали, чтобы я смогла выйти замуж за Ричарда. Моя мать решила, что брачный союз Бартонов и Шаттлвортов будет более выгодным. Если бы Ричард не согласился, то я до сих пор считалась бы женой господина Молине, – как же давно я не произносила вслух его имя, – но он, по-моему, был дурной человек.

Алиса притихла в задумчивости.

– В каком же возрасте вас первый раз выдали замуж?

– В четыре года.

Элис потрясенно помолчала и тихо спросила:

– А сколько лет было ему?

– Около тридцати.

– Какой ужас, – прошептала она.

– Но я виделась с ним всего два раза: первый – в Бартоне, и второй – во время венчания. После этого мать привезла меня домой, где мне и предстояло жить до тех лет, пока я не созрею для семейной жизни. К счастью, этот день так и не настал.

Лицо Алисы исполнилось не только состраданием, но и более сложным чувством: своего рода печальным пониманием, словно ей тоже довелось узнать, какие кошмары творятся в подлунном мире, и самой пережить нечто подобное.

– Что тебя так поразило? – Я едва сдержала смех. – Неужели ты думала, что я могла сама выбрать себе мужа? Присмотрев в пабе какого-то красавчика?

– Наверное, да.

– В сущности, даже если бы я могла, то все равно предпочла бы

выбрать Ричарда.

– Должно быть, вы очень любите его.

– Так и есть, – с легкостью признала я, – он спас меня от другого пугающего будущего и дал шанс на новую жизнь. Но этот вопрос тоже решала не я.

– Но вы... вы везучая. Вы *сами* смогли выбрать того, кто вам нравится. – Она робко улыбнулась. – А меня еще никто не называл везучей.

– Ты ведь встречаешь в пабе множество мужчин?

– Ага, множество пьяниц.

– Да уж, мировой выбор.

Мы обе рассмеялись и помолчали в грустной задумчивости. И мне вдруг подумалось, что, возможно, наши отношения стали похожи на дружбу.

– Я думаю, что теперь не смогу вернуться домой, – вновь серьезно заметила я.

– А что же вы будете делать? – спросила Алиса.

– Понятия не имею. – Я все крутила на пальце обручальное кольцо. – Хочешь послушать одну легенду?

– Да.

– Не знаю, где и когда она родилась, но люди в усадьбе Бартона, откуда я родом, рассказывали, что по нашим лесам носится страшный кабан и повсюду сеет разрушение. И мой отец пообещал отдать меня замуж тому, кто сможет убить этого кабана. Охота началась в День святого Лаврентия, и старший сын Шаттлворта убил его. На том месте стоит постоялый двор, названный «Голова кабана», хотя я не знаю, что появилось раньше, тот постоялый двор или эта местная легенда.

– Но ведь ваш отец умер до того, как вас... – Алиса смущенно умолкла.

– Это всего лишь легенда. А знаешь, что самое интересное? Я жутко боюсь кабанов.

– Почему?

– Мне снятся кошмарные сны о том, как они преследуют меня, – пожав плечами, призналась я, – должно быть, я услышала эту историю в раннем детстве, потому что боюсь их, сколько себя помню. И к тому же родовой герб Бартонов украшают три кабана.

Никому, кроме Ричарда, я еще не рассказывала так много о себе и вдруг испугалась, что слишком разоткровенничалась. Алиса сидела в спокойном молчании.

– Уверена, что ты ничего не боишься, – сказала я.

– Еще как боюсь, – ответила она, потянув за кончик нитку из передника, – я боюсь лживых людей.

* * *

В ту ночь я внезапно проснулась. В комнате было темно, и я уловила лишь слабый запах обгорелого свечного фитиля. Что-то разбудило меня – шум или движение. Возможно, это был Пак... иногда он оставался спать в нашей комнате. Опять закрыв глаза, я поудобнее свернулась под стеганым одеялом, но не смогла избавиться от ощущения, что за мной кто-то следит. Откинув одеяло, я подползла к краю кровати и, когда глаза привыкли к полумраку, взглянула на выдвижную кровать Алисы. В лунном свете слегка выделялись белые простыни. Но ее узкая постель была пуста.

Внезапно где-то у меня за спиной прозвучал чей-то вздох, и я поняла, что в комнате есть еще кто-то. Медленно оглянувшись, я обшарила взглядом темные углы и едва не подскочила от страха, увидев высокую фигуру в белой ночной рубашке, она стояла прямо за моей кроватью, рядом с изголовьем. Крик замер у меня в горле.

– Алиса? – прошептала я, еле слыша собственный голос из-за шума в ушах.

Она не двигалась, правда, слегка покачивалась. Мне не удалось разглядеть ее лица.

– Алиса, – чуть громче сказала я, – ты пугаешь меня.

Не произнеся ни звука, она вернулась к своей кровати и улеглась в нее. Я еще долго не могла успокоиться и забылась сном, лишь когда за окном начало светать.

– Ты помнишь, что происходило прошедшей ночью? – спросила я утром умывающуюся Алису. Она недоуменно взглянула на меня, и я пояснила: – Ты стояла за моей кроватью.

– Что... я?

– Да. Ты напугала меня. Я думала, у меня сердце остановится.

Продолжая изумленно смотреть на меня, она призналась, что ничего не помнит.

– Так ты ходишь во сне?

– Да, но только...

Она умолкла и продолжила умываться.

– Только что?

– Ничего.

Спустя несколько ночей я проснулась с тем же тревожным чувством, и опять Алиса маячила, точно призрак, в лунном свете, а через пару ночей ее блуждания повторились. И я постоянно испытывала тревогу, мне казалось, что она охраняла меня от неведомой опасности, названия которой я не смогла бы назвать, даже если бы поняла, в чем она заключается.

* * *

В доме моей матери была замечательная кухарка, миссис Нейв, именно благодаря ей ко мне после долгой зимней спячки вернулся аппетит. Она подкармливала меня яблочными пирогами, хлебом с маслом, печеньем, имбирными пряниками и марципаном. К столу подавали нежнейшего лосося под сливочным, приправленным петрушкой, соусом, устричные пироги и говядину, мягкую и розовую в середине. Взбитое картофельное суфле, масляную морковь и сырны пироги, обжигавшие мне язык. Каждый вечер я принимала настойку шиповника, бренди с корицей, и постепенно мои впалые щеки порозовели. Меня перестала мучить тошнота, и вообще я чувствовала себя здоровой. После нашего разговора с Алисой о хозяйстве моей матери я поменяла уголь в каминах на дрова, а сальные свечи – на восковые, дав указание поставщикам направлять все счета непосредственно Ричарду.

Однажды утром толчки в животе разбудили меня незадолго до рассвета, когда солнечные лучи уже начали рассеивать мрак ночи. Я накрыла ладонями округлившийся живот, тугий и натянутый, как кожа на барабане, размышляя о странных новых ощущениях и прислушиваясь к ровному дыханию Алисы. Как частенько бывало раньше в утреннем уединении, мне опять вспомнились зловещие слова из письма доктора Дженсена, и я, выскользнув из кровати, тихо прошла к окну. В вышине сияли прекрасные синие небеса, но подступавший к дому парк еще оставался в тени. За ним в долине виднелась деревня.

За ночь воздух в нашей теплой спальне стал тяжелым и спёртым, поэтому мне захотелось выйти из дома, я нашла плащ и накинула его прямо поверх ночной рубашки. В коридоре было тихо, дверь в комнату моей матери в дальнем конце была закрыта. Я тихо спустилась в кухню, во рту у меня пересохло, и я мечтала утолить жажду спелой грушей или сочным абрикосом. Я взяла грушу из стоящей на полу корзины, прошла к задней двери и, повернув ключ в замке, вышла на крыльцо и с удовольствием

откусила мягкий фрукт, прямо надо мной уже занимался рассвет и щебетали птицы. Грушевый сок стекал по моим рукам и подбородку, я смотрела в небесную высь, в голову лезли разные мысли, но думать ни о чем не хотелось. Мой живот подрагивал, его колотили и пинали изнутри крошечные кулачки и ножки.

– Доброе утро, – прошептала я, – мы хотим посмотреть восход солнца?

Мою кожу вновь начало покалывать, и я рассеянно почесала ее, когда мое внимание привлекло что-то на краю рощицы. Там, между стволами деревьев, мелькало какое-то животное. В утреннем свете его окраска выглядела такой же, как у Пака, но ведь пес крепко спал на турецком ковре. Прислонившись к стене, я тихо наблюдала за его продвижением: петля между деревьями, это гибкое животное, казалось, хотело незаметно подобраться ближе к дому. Это была лисица. Она заметила мой взгляд, и мы смотрели друг на друга, словно играя в «гляделки», ждали, кто кого переглядит, но вдруг большая птица, грач или ворон, взлетела с верхушки дерева и, хлопая крыльями, с карканьем взмыла в синее небо. Когда я вновь посмотрела в сторону лисы, она уже исчезла, но почему-то это видение потянуло за какую-то ниточку в клубке моей памяти. Но поняла я, что же именно мне вспомнилось, только когда поднялась обратно в комнату и увидела, что Алиса уже заправляет кровать. Она взглянула на меня, и я тут же все поняла: ее глаза были такого же цвета, как у лисицы, точно две золотые монеты, блестящие под лучами солнца.

Глава 12

Два письма прибыли одновременно: одно для меня, второе для моей матери, оба от Ричарда. И хотя это были всего лишь сложенные бумажные листы, у меня возникло ощущение, словно он сам прибыл к нам в дом, ворвался нежеланным гостем. Его наклонный почерк всегда выглядел торопливым, даже если он уделял написанию полное внимание, и сейчас в каракулях на внешней стороне письма также с трудом угадывалось мое имя. Моя мать тут же развернула послание и начала читать, а я просто убрала его в сумочку.

Алиса отправилась в лес. Она занималась там поисками растений для выращивания в кухонном огороде, и я частенько, выглядывая в окно, видела, как она копается там на коленях, подобрав юбки, и как ее белый чепец мелькает среди зелени. Через пару дней после того, как кожа у меня начала чесаться, я заметила, как она вошла из сада в дверь кухни с горсткой каких-то плоских зеленых листочков, а потом принесла их ко мне в комнату. Она велела мне втирать их в кожу там, где она будет чесаться, и вскоре почесуха прекратилась, и моя кожа вновь стала молочно-белой.

– Когда мы ехали сюда, ты говорила, что дети не стоят тех сложностей, которые требуются, чтобы их вырастить.

Я стояла поблизости, наблюдая, как Алиса копается в земле. Даже лицо испачкала. Разгоряченная от усердия, несмотря на прохладу весеннего дня, она выпрямилась, сев на пятки, и тыльной стороной ладони смахнул грязь со щеки.

– А теперь ты сажаешь растения, чтобы помочь вырасти тому, кто еще даже не родился, – задумчиво продолжила я, – и мне вдруг подумалось, не боишься ли ты заводить детей, осознавая, как много тебе приходится трудиться ради их появления. Обычно повитухи бывают уже старыми женщинами, давно пережившими детородный возраст, по крайней мере, раньше я видела только таких.

– Возможно.

Она выглядела задумчивой и рассеянной одновременно. Я заметила, как она принялась вырывать какие-то травки и бросать их в корзину, но когда уже собралась уходить в дом, поежившись от холодного ветра, Алиса вдруг спросила:

– Сколько детей вам хотелось бы иметь?

– Двоих, – ответила я, обхватив себя руками, – тогда им никогда не

будет так одиноко, как мне в детстве.

– Мальчика и девочку? – спросила она.

– Двух мальчиков. Никакой девочке я не пожелала бы нашей жизни.

* * *

Письмо Ричарда по-прежнему оставалось в сумочке, и хотя я забыла о нем, два дня спустя моя мать решила, что настало уместное время для обсуждения его посланий. Я поняла, что такой разговор вот-вот начнется, глядя на ту решимость, с какой она отложила ложку; я даже видела, как она пробует на вкус его имя.

– Флитвуд, – начала она, – вы подумали о том, когда хотите вернуться в Готорп?

– Нет.

– Вы вообще не думали об этом?

Я мельком взглянула на Алису, она сидела прямо напротив меня, смущенно размазывая мед по своей тарелке.

– Не думала.

– Тогда посвятите меня, – моя мать вновь взяла ложку, – о чем же вы думали?

До этого момента я не замечала, что рядом с ее рукой на столе лежит Библия короля Якова. Увидев мой взгляд, она взяла ее и открыла на заложенном лентой месте.

– «Вкушая нашу земную пищу, давайте подумаем о евангельской проповеди Луки: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете»^[21]. – положив книгу рядом с тарелкой, она вновь взялась за ложку. – Что вы думаете об этой цитате, Флитвуд?

Изобразив глубокую задумчивость, я провела языком по зубам.

– Я думаю, как замечательно то, что благодаря изданной Библии наш король теперь может проникнуть в любой дом, на каждую книжную полку. Он побуждает нас не осуждать других, однако сам, очевидно, поступает несколько иначе. Преследуя папистов, ведьм...

– Флитвуд, не король же написал Библию. Это слово Господне. Король пишет о ведьмах в своем собственном трактате.

– Правда?

Она встала, вышла из столовой и быстро вернулась с тонкой книжицей, переплетенной в черную телячью кожу, которую и вручила мне.

Отодвинув тарелку, я открыла мягкую обложку. На титульном листе крупными буквами отпечаталось слово «Демонология»^[22], а над ним зловеще темнело изображение дьявола. Его тело с раскинутыми за спиной крыльями лизали языки пламени. Я посмотрела на свою мать, которая жестом велела мне читать вслух.

– «Написана высокочтимым и владетельным королем Яковом», – огласила я авторство.

Алиса недоуменно взирала на книжку в моих руках, и я вспомнила, что она не умеет читать. Перевернув страницу, я пробежала глазами первые строки королевского трактата.

– О чем там говорится? – спросила Алиса.

– «Пугающее изобилие в настоящие времена в этой стране сих отвратительных рабов дьявола, ведьм или чародеев подвигло меня, возлюбленный читатель, прислать почтой следующий мой трактат...» Он написал книгу о колдовстве? – спросила я у матери, пролистывая этот, видимо, весьма обстоятельный труд.

– Говорят, лет двадцать тому назад, ведьмы прокляли корабль, на котором он возвращался в Шотландию. После чего началось множество судебных процессов над ведьмами, их обвиняли в измене. Суды над ведьмами там проводятся по двадцать раз за год. Не так давно казнили дальних родственников нашего конюха; здесь в Уэстморленде, Флитвуд, мы живем недалеко от границ. И, кстати, ваш друг Роджер Ноуэлл, шагает в ногу со временем.

Перед моим мысленным взором промелькнул листок с тонким неразборчивым почерком в старческой руке Ника Баннистера: «...Алиса Грей оттуда же».

С момента прибытия в дом моей матери мы с легкостью забыли об этом, по крайней мере, я. Но сейчас мне подумалось, живет ли еще та девочка Дженнет в Рид-холле?

– Но распознают ведьм теперь по новым приметам, – заметила Алиса, взглянув на мою мать. – Эти тихие и мирные люди продолжали спокойно жить, как жили столетиями. Вот только с восшествием на трон этого короля многие стали бояться собственной тени. Разве вам ни разу не требовалась помощь знахарок?

В глазах моей матери загорелся огонек приглушенной враждебности.

– Как смеешь ты в моем собственном доме обращаться ко мне в столь наглой манере? С каких пор простые акушерки пытаются оспаривать дела влиятельных государственных деятелей?

Заметив, как покраснело возмущенное лицо Алисы, я бросила на нее

предостерегающий взгляд.

– Джилл просто имела в виду, что не все обвиняемые в колдовстве на самом деле виновны, – быстро вставила я.

Шея моей матери покрылась яркими пятнами, свидетельствующими о ее ярости.

– Неужели вы пытаетесь защищать пособников дьявола, использующих кровь, кости и волосы для проведения их злодейских колдовских обрядов? Разве так ведут себя тихие, мирные люди? Они вопиющие безбожники.

Алиса скромно потупила взгляд – она поняла, что зря высказала свое мнение.

– Достаточно досужих разговоров, – заключила моя мать и, расправив салфетку на коленях, строго посмотрела на меня, – давайте вернемся к насущному делу: когда вы собираетесь вернуться в Ланкашир к своему мужу? Вы достаточно пожили вдали друг от друга, и сейчас по всей справедливости вам уже пора бы вернуться. Вы же законная жена, а жены живут дома, а не с их матерями.

– А что, если Ричард привез в наш дом ту любовницу?

– Он не стал бы делать ничего подобного.

– Тогда, полагаю, она будет продолжать жить в нашем доме?

– А где же еще вы хотели бы, чтобы она жила? К тому же она не из вашего прихода и не будет путаться у вас под ногами. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Я швырнула на стол королевский трактат.

– Нет, она как раз сердечно волнует меня. Возможно, вам и нечего волноваться, ведь не ваш муж завел любовницу. Но как вы можете защищать ее? И его? Если он, по-вашему, такой ангел, то почему обставил ваш дом так, словно вы жена бедного йомена?

– Я довольна своей участью, что и вам советую, – сухо ответила она, – именно ваш дурной нрав, несомненно, и побудил его искать утешения на стороне.

– К поискам на стороне побудило его желание наследника и то, что его жена до сих пор не способна подарить ему такового.

Мои глаза наполнились жгучими слезами, к горлу подступил комок.

– Флитвуд, неужели вы думаете, что Ричард стал первым мужчиной, посмевающим завести любовницу и бастарда?

Внезапно опять почувствовав легкий зуд, я запустила пальцы в прическу и почесала затылок.

– Сейчас вы сообщите мне, что и мой отец завел пару десятков.

– Ничего подобного. Хотя мой отец завел.

Я пристально посмотрела на нее.

– Мой отец жил с тремя женами, и к моменту венчания каждая из них имела от него детей. Когда первые две жены умерли, очередной набор уже был готов. Я тогда еще не родилась, – быстро добавила она, – однако у меня было много братьев и сестер. Отцовское завещание насчитывало десять страниц – каждому из нас он завещал свою долю.

– То есть вы хотите сказать, – медленно произнесла я, – что, если я умру, эта любовница легко займет мое место, привезя с собой своих детей, и никто уже даже не вспомнит обо мне?

– Вы сами понимаете, какие глупости говорите?! – возмущенно воскликнула моя мать. – Я говорила совершенно не об этом. Пока вы способны иметь детей, ваше место в семье незыблемо. Если вы успешно родите наследника, то никто даже и не вспомнит о других женщинах, точно так же, как никто не задумывается о множестве других женщин и их внебрачных отпрысках, живущих своими домами по всей стране.

Половицы жалобно скрипнули под ножками ее стула, когда она резко отъехала от стола и, поднявшись, гордо удалилась из столовой. Подождав, пока в коридоре затихли звуки ее шагов по каменным плитам, я швырнула в стену королевский трактат.

Однако позже в тот же день «Демонология» оказалась на кровати Алисы. И когда она вернулась из сада с грязными руками, я спросила, зачем ей понадобилась эта книжка.

– Я думала, что ты не умеешь читать.

– Не умею, – подтвердила она, наливая воды из кувшина в миску на комод, – мне захотелось посмотреть ее. Или, может, вы почитаете ее мне? Интересно узнать, о чем он там пишет. Король.

– Зачем это тебе?

Она смывала землю с рук и запястий, и побуревшая вода плескалась по краям чаши.

– Пожалуйста, – попросила она и, помолчав, добавила: – Я сегодня неуместно встряла в ваш разговор с матерью. Мне не следовало проявлять такую дерзость.

– Не думай об этом. Я лично уже забыла. – Я устроилась в изножье выдвижной кровати Алисы и, взяв «Демонологию», пролистала трактат. – Понятия не имею, зачем ему взбрело в голову писать книгу в форме диалога. – Алиса непонимающе глянула на меня, и я пояснила: – Ну диалоги, к примеру, ведут персонажи в драмах.

– Я никогда не видела драм.

Я открыла третью главу. «Эпистемон^[23] говорит: «Я прошу вас также не забыть рассказать о том, что есть дьявольские рудименты».

– Рудименты?

Пропустив непонятные мне строки, я попыталась читать дальше:

– «Эпистемон говорит: «Я имею в виду также того рода заклинания, кои пользуют обыкновенно глупые жены для очищения от колдовства, для убережения от зла... при изгнании глистов, исцелении лошадей... открытии тайн, или речения бесчисленных заговоров, о коих непрошено, супротив того, что пользуют истинные лекари».

– И что все это значит?

– В общем, по-моему, он пишет про всякие заговоры, способные сделать что-то без всяких лекарств или процедур. О насылаемых проклятиях, – пояснила я, – или об исцелении или порче, производимых издалека. Даже не верится, что король нашел время написать все это, пока правил Шотландией.

– А я не понимаю, зачем ему вообще понадобилось сочинять такую книгу. Но, с другой стороны, если бы я могла написать книгу про лекарственные травы, то, возможно, написала бы, – сказала Алиса.

– Ты? – Я рассмеялась. – Написала бы книгу? Женщины не пишут книг. Кроме того, сначала тебе пришлось бы научиться читать.

– Если вы умеете писать письма, то почему бы не написать книгу?

– Видишь ли, Алиса, – мягко ответила я, – у нас это не принято, – у меня появилась интересная мысль, – а ты когда-нибудь видела, как пишется твое имя? – Она покачала головой. – Хочешь увидеть?

Она кивнула, и тогда я вытащила письмо Ричарда, по-прежнему перевязанное тесьмой, и принесла с письменного стола, стоявшего в углу комнаты моей матери, перо и чернила. Я устроилась рядом с девушкой на выдвинутой кровати. На четвертинке бумаги, ограниченной тесьмой, я написала имя «Алиса» и, подув на чернила, передала ей. Она с улыбкой взяла его и поднесла к свету, может, чтобы посмотреть, как поблескивают на свету чернильные буквы.

– А что это означает? – спросила она, показывая на надпись над красной тесьмой.

– Здесь написано мое имя.

– А почему оно выглядит длиннее моего, хотя произносится одинаково быстро? Флитвуд. Алиса.

– Нет, ты не понимаешь. Каждая из этих закорючек обозначает букву. А-л-и-с-а. Каждая из них звучит по-разному, но если произнести их вместе, в одно слово, то оно тоже будет звучать уже по-другому, – на четвертинке

справа я написала буквы ее имени по отдельности и передала ей перо, – давай, попробуй написать их сама.

Она так старательно зажала перо в кулачке, что я не удержалась от улыбки.

– Нет, возьми его в пальцы, вот так.

Я показала ей, как правильно держать перо. Дрожащей рукой она вывела в новой четвертинке букву «А», а потом остальные четыре буквы. Я прыснула от смеха, увидев, что у нее получилось.

– Что-то не так? – спросила она.

– Ты слишком далеко написала букву «А», поэтому написанное слово читается как «лиса».

– Какая лиса?

– Если ты напишешь «А» отдельно от остальных букв, то вместо твоего имени получится слово «лиса».

– Как это?

Она скорчила такую смешную рожицу, что я невольно расхохоталась. Она тоже улыбнулась, и через мгновение мы уже обе тряслись от смеха, точно две глупые молочницы, пока из глаз у нас не покатались слезы.

– Напиши сначала большую букву «А», – велела я, – и сразу за ней остальные буквы.

В тот вечер, переодевшись в ночную рубашку, я заметила на письменном столе это письмо и лежащее рядом с ним перо. Письмо Ричарда осталось нераспечатанным и непрочитанным, и последняя свободная четвертинка бумаги заполнилась множеством разбегавшихся по бумаге имен «Алиса», словно лисы оставили свои следы. Следы Алисы. Я невольно улыбнулась ее старательности.

Глава 13

Мы с Алисой жили в комнате с фасадной стороны дома, из окна нам также открывался вид на склон подъездной дороги, обрамленной лесами, где в изобилии водились куропатки и фазаны. Однажды утром я услышала стук копыт с подъездной дороги и подумала, что наконец соизволил приехать Ричард. Но, остановившись около оконного переплета и приглядевшись к тому, что происходит за стеклом, я увидела спешившуюся молодую даму в прекрасном платье цвета зеленого горошка, с такой тонкой талией, о которой я теперь могла только мечтать, а рядом с ней стояла в ожидании другая дама в красном, менее привлекательной наружности. Узнав эту парочку, я изумленно ахнула.

– Приехали сестры Ричарда, – в замешательстве сообщила я Алисе сдавленным голосом.

В то утро я встала поздно, разнежившись в жаркой спальне, и еще в неглиже только успела закончить завтрак.

Отскочив от окна, я принялась делать прическу. Моя мать отправилась в деревню, и я не знала, когда она вернется, поэтому, видимо, роль хозяйки придется сыграть мне. Экономка, миссис Энбрик, уже энергично стучала в нашу дверь.

– Госпожа, к вам с визитом прибыли ваши золовки.

Экономка была сердечной, милостивой женщиной с добрым лицом и сияющими глазами – как она уживалась с моей матерью, я понятия не имела. Сейчас она выглядела взволнованной, даже потрясенной; в этот дом редко наезжали гости. Я поблагодарила ее, и когда шаги экономки затихли, повернулась к Алисе и тихо сказала:

– Тебе не стоит показываться им. Будет разумнее остаться здесь.

– Разве им известно, кто я такая?

– Нет, но они жуткие болтушки, а нюх на сплетни у них не хуже, чем у взявших след ищеек, поэтому от них надо держаться подальше.

Я плотно закрыла за собой дверь.

Элинор и Энн уже сидели в гостиной моей матери, где всегда было весьма свежо, вернее, просто холодно. Из окон открывался славный вид на разбитый за домом старомодный регулярный сад, правда, стиль его в основном подчинялся целесообразности, поскольку в этой обдуваемой ветрами горной местности выживали только самые неприхотливые и морозостойкие цветы.

Обеим сестрам Ричарда достались по наследству такие же, как у него, светлые волосы и ясные серые глаза, только Элинон была хорошенькой, а Энн – невзрачной.

– Флитвуд! – проворковали они, когда я вошла в гостиную.

Обе мгновенно заметили мой живот, полы распашной юбки не скрывали обтянутую серебристой парчой округлость. Обменявшись с гостями поцелуями, я села возле окна, где мое лицо приятно согревали слабые лучи северного солнца.

– До нас дошли слухи, что вы приехали сюда, и они оказались правдивыми! – весело прощепетала Энн. – Причем одна, без Ричарда?

– Верно, без Ричарда. – Я вымученно улыбнулась. – А от кого вы об этом услышали?

– Мы жили с друзьями в Кендале... вы знаете Беллингемов из Левенсхолла? – Я покачала головой. – Кузина одной из их служанок служит на вашей здешней кухне. Мы не смели поверить, когда она заявила, что вы перебрались сюда на лето, но много ли найдется женщин с именем Флитвут Шаттлворт? И вот, оказывается, вы и правда здесь! И в гордом одиночестве?

– Да, в гордом одиночестве.

Успокоившись, я поудобнее устроилась в кресле. Торопясь спуститься к золовкам, я не успела почистить зубы, и во рту еще оставался кисловатый привкус.

– Оно не продлится долго. – Элинон явно намекнула на мой живот. – Ах, милочка, вы ведете себя на редкость подозрительно, покинув мужа незадолго до рождения ребенка. Видимо, в этих краях женам мелкопоместного дворянства позволительно вести себя как им заблагорассудится.

Она издала легкомысленный переливчатый смешок. Слушая ее, можно было подумать, что она всю жизнь прожила в одном из шикарных лондонских дворцов.

Мне хотелось спросить, что же еще им поведала та служанка, однако Элинон тут же продолжила щебетать:

– Какая восхитительная новость: новый наследник рода Шаттлвортов! Надеюсь, вы хорошо подготовились? У вас уже есть акушерка? – Я кивнула. – Отлично, вы пошлете ее ко мне, когда она освободится от ухода за вами. В последнем письме я намекнула Ричарду на одно возможное событие, но тогда еще у меня не было полной определенности. А теперь, могу сказать наверняка, что выйду замуж еще до конца нынешнего года!

Я изобразила восхищение.

– Какая чудесная новость... и кто же ваш будущий муж?

– Сэр Ральф Эштон.

Энн и Элино́р были старше меня. Когда мы с Ричардом поженились, я с восторгом ожидала, как проведу с ними в Лондоне полгода, но, проживя тринадцать лет практически в затворничестве, я не привыкла к бесконечным разговорам, нежностям и поддразниванию. Всю жизнь я мечтала о сестрах, а когда они появились, уже не могла дождаться, когда избавлюсь от них с их болтовней, пронырливыми ручками и неумным любопытством.

– Флитвуд? – с шутливым огорчением протянула Элино́р. – Венчание, как я сказала, скорее всего, состоится на Михайлов день. Успеет ли ваш малыш родиться к концу сентября?

– Возможно.

Я размышляла о том, что им известно – если вообще известно – о Джудит, той самой любовнице Ричарда, но прежде чем я набралась решимости что-то спросить, миссис Энбрик принесла графин хереса и три бокала венецианского стекла. Она окинула одобрителем взглядом нашу маленькую женскую компанию, довольная, что манор распахнул двери для общества. Я щедро разлила вино по бокалам и подняла тост за грядущую свадьбу Элино́р. Энн улыбалась, но я заметила в ее взгляде грустное осознание того, что ей пока свадьба не светит. Хотя, как и Алиса, невольно подумала, что ей повезло. Я осушила бокал; несмотря на сладость, херес приятно обжег мне горло.

– Флитвуд, почему же вы приехали сюда без Ричарда? – с еле заметной улыбкой спросила Энн, расправив складки юбки.

Взгляды их бледных лиц устремились на меня, а белые рафы^[24] блеснули на солнце. Сейчас они напоминали цветочные головки двух маргариток. Закинув руку за голову, я слегка почесала шею под своим рафом.

– Я...

Малыш позволил мне оттянуть сложный ответ, неожиданно начав пихаться, и мои руки мгновенно сползли на живот.

– Он уже шевелится?

– Да.

– Можно нам потрогать?

Меня так удивила их просьба, что отказать я не сумела, и через мгновение четыре белые ладошки прижались к обтягивающему живот платью. Испытывая неловкость, я думала лишь о том, чтобы они побыстрее убрали свои руки.

– Какое удивительное ощущение, – лопотали они, изумленно глядя на меня.

Я мысленно пожелала малышу успокоиться, и он меня послушал.

– А как поживает ваша матушка? Элинон, наверное, ей будет не хватать вас, когда вы уедете из Форсетта?

– Спасибо, она вполне здорова, но теперь реже выезжает с визитами, – ответила Элинон, – конечно, без меня ей будет тоскливо. Но все-таки с ней еще останется Энн, – самодовольно добавила она.

– Какие новости в Йоркшире? – поинтересовалась я.

– Ничего особенного. Не то что в Ланкашире.

– И что же у нас интересного?

– Вам-то наверняка все известно... про пенделских ведьм! Говорят, их будут судить и многих отправят на виселицу. Слуги в Левенсе говорили, что в Англии еще не бывало таких жутких дел. Должно быть, вы уже слышали об этом.

– Да, немного, – подавив волнение, ответила я.

Мне вспомнилась Алиса, сейчас она, наверное, вооружившись пером, старательно учится писать буквы. Бумаги в доме не нашлось, поэтому она практиковалась на полях трактата «Демонологии», уже освоив имя, и теперь перейдя к фамилии.

– Ладно, может, расскажете нам подробности?

– Я их не знаю, поскольку давно живу здесь, – сухо ответила я, – а на досужую болтовню слуг я не обращаю внимания.

Элинон мгновенно покраснела, и Энн вздрогнула.

– Да просто интересно, как они выглядят. Но, слава богу, у нас в Йоркшире нет никаких ведьм, иначе меня замучила бы бессонница, – заливисто рассмеявшись, Элинон глянула на сестру, – хотя не думаю, Энн, что вам грозит опасность. Похоже, они проклинаят только друг дружку да своих беспутных соседей. Говорят, они хоронят кошек прямо в стенах своих домов, пускают кровь младенцам и пьют ее. Судя по всему, в Ланкашире их полным-полно. Вы уверены, Флитвуд, что хотите вернуться и растить там вашего сына? – насмешливо спросила Элинон.

– Точно, они убивают детей, – весело подхватила Энн, – а еще, говорят, держат животных, в которых вселяется сам дьявол.

– Да-да, у них полно всяких жаб, крыс и котов! – пронзительно крикнула Элинон, и они обе затряслись от смеха.

– Вы знаете женщину по имени Джудит? – спросила я, не дожидаясь, пока они угомонятся.

– Джудит? Нет, а она кто, ведьма?

Вместо ответа я вновь наполнила наши бокалы. Херес легко пился, и я надеялась, что его расслабляющее действие развяжет им язык.

– Не желаете ли прогуляться по саду? Солнце уже достаточно хорошо греет.

На самом деле мне стало невыносимо сидеть с ними в этой убогой гостиной. Мы все встали, и у меня вдруг слегка закружилась голова. Я вывела их под бледное голубое небо, день выдался теплым, но ветреным. Мы отправились на прогулку вокруг дома, Элино, набрав букетик цветов, прижала его к груди.

– Я похожа на невесту? – спросила она.

– Ах, я впервые вижу такую прекрасную невесту! – воскликнула Энн.

Кружась и пританцовывая, они носились по саду в своих широких юбках, но Энн вдруг замерла, удивленно взглянув на меня и осознав, что я не смеюсь и не резвлюсь вместе с ними.

– А знаете, Флитвуд, вы изменились, – заметила Энн, – не могу сразу сообразить, в чем именно... но в вас появилось нечто... оригинальное.

– Энн, это ваше красноречие, как всегда, оригинально. – Элино пренебрежительно фыркнула.

– Так что же во мне изменилось? – решила уточнить я.

– На самом деле вам всегда была свойственна некоторая меланхолия. Но теперь она кажется... более основательной.

– Меланхолия?

– Да, легкая грусть, даже печаль. Но теперь в вас появилось нечто новое, как будто вы повзрослели... обрели новое жизненное знание.

– Жаль, что мне не удалось остаться в неведении, – проворчала я, – такого знания я предпочла бы избежать.

Элино недоуменно глянула на меня.

– Какого знания?

Природа вокруг нас застыла в полной неподвижности; ветер неожиданно стих. От выпитого хереса мной вдруг овладело странное легкомыслие, а яркие солнечные лучи и зеленеющие холмы начали покачиваться.

– О жизни вашего брата, – с невинным видом ответила я.

Энн тоже остановилась, и теперь уже они обе тупо уставились на меня.

– И его любовнице. О ее будущем ребенке. Разве вы не знали?

Очаровательный букетик выпал из руки Элино и рассыпался по дорожке. На их лицах застыли одинаково потрясенные выражения.

– Вы шутите.

– Я видела ее собственными глазами. Она живет в Бартоне, в доме

моего отца. Там Ричард поселил ее.

Стайка птиц вылетела из листвы ближайших деревьев и с шумом пронеслась над нашими головами. Ну вот, семена я посеяла, и теперь, хочу я того или нет, они будут прорасти.

– А вы уверены в этом? – слегка дрожащим голосом спросила Энн.

– Более чем, – с трудом выдавила я.

– Но вы же только недавно поженились...

– Четыре года.

Сейчас мне всего семнадцать лет, но на мою долю выпало уже столько испытаний, что хватило бы лет на тридцать, а то и на все пятьдесят. Мой муж завел любовницу, хотя мне далеко до старой седовласой и морщинистой матроны. Подозреваю, что я даже моложе его новой пассии, но всякий раз, когда я представляла ее, она казалась мне еще более красивой. Ребенок, которого мне хотелось подарить Ричарду, стал теперь значительно большей драгоценностью: он мог сохранить мое место в доме, в семье. Без него я всего лишь бессмысленное украшение, чисто номинальная жена. Теперь я отлично поняла свою роль. Если это дитя погибнет во мне, как и предыдущие, то я так же могу постоянно жить в доме моей матери, поскольку тогда моя бесполезность станет вопиюще очевидной. От этой ужасной мысли во мне вдруг все окаменело. Ради собственного будущего я должна выносить ребенка Ричарда, и, если он умрет, то это будет равносильно моей смерти.

В гнетущем молчании мы дважды обошли сад по кругу, правда, изредка Энн или Элинон в явном замешательстве пытались разрядить напряжение, рассуждая о превратностях здешней погоды, о необычайной северной удаленности Уэстморленда от более южного Йоркшира и от Лондона с их модами и о том, что вряд ли кто-то из Беллингемов за последние пять лет заказал себе новое платье.

Они не задержались надолго, высказав сожаление по поводу того, что не смогут дождаться возвращения моей матери из деревни, так как им давно пора забирать с постоялого двора своего управляющего и отправляться домой в Йоркшир. Направившись к конюшне, мы проходили мимо задней кухонной двери, она вдруг открылась и в дверном проеме появилась Алиса.

Она стояла там в своем обычном платье и старом фартуке с корзинкой в руке и удивленно открывшимся ртом. Мы с ней обменялись долгим взглядом, и Энн с Элинон заметили эту странность, поскольку обычно слуги не заслуживали нашего внимания.

– Кто это? – спросила Энн.

Я облизнула губы.

– Никто. Алиса, иди в дом.

Я глянула на нее с натянутой улыбкой, и мы пошли дальше своей дорогой. Только заметив, что она не тронулась с места, я осознала, что именно сказала. Мне показалось, что я оступилась, земля вдруг словно качнулась передо мной и вновь застыла. Чуть погодя Алиса ретировалась, закрыв за собой дверь кухни.

Во мне поднималась волна страха, противного и скользкого, как угорь, я не смела взглянуть ни на Энн, ни на Элинон, не зная, насколько они осведомлены о судебных делах. Я понимала только, что должна вести себя так, будто ничего не случилось, и Алиса была обычной незаметной прислугой.

– Странно, – вяло произнесла я, – представляете, на меня вдруг навалилась ужасная усталость, – Не пора ли нам приказать вывести ваших лошадей? По-моему, мне нужно прилечь.

Когда, после поспешного прощания, лошади гостей скрылись из вида, спустившись с продуваемого ветром холма, я вернулась в гостиную и допила остававшийся в графине херес. Произошло нечто ужасное, хотя не понятно пока, насколько ужасна моя оговорка. Я поступила глупо, рассказав им о Ричарде; это ничем не могло помочь моему положению, зато могло жутко разозлить самого Ричарда. И так бездумно назвать имя Алисы... Разумеется, они могут не знать, что она та самая Алиса Грей, чье имя занесено в какой-то список в соседнем графстве, и что именно она, возможно, разыскивается для дознания. Но, может быть, все-таки знают?

Еще до полудня, уже сильно опьянев, я поднялась в свои покои. Алиса куда-то ушла, и я присела на кровать и сбросила туфли.

Сестры и мать Ричарда – если она еще ничего не знала – несомненно, захотят поговорить с ним о Джудит, и тогда он может еще больше разозлиться на меня. Вероятно, меня начнут обсуждать не только в Ланкашире, но и в Йоркшире, мое имя будут склонять в приемных залах и столовых. Но, с другой стороны, больше я злилась на него, чем на саму себя. Это все его вина, да еще моей матери, ведь она скрывала от меня то, что ей известно о Джудит, упорно твердя только о том, что я должна произвести на свет ребенка, словно я сама не хотела того же, словно не понимала, как это важно. Я привыкла думать, что все предыдущие выкидыши происходили по моей вине, но сейчас, лежа на кровати, согретой лучами солнца, я осознала, что они тоже виноваты в предательстве.

Все мы не без греха.

Должно быть, я уснула, когда вдруг почувствовала, что к моему лицу прижалось что-то влажное. Открыв глаза, я увидела, что надо мной склонилась Алиса, державшая в руках чашу с водой и салфетку.

– Мне показалось, что у вас жар, – сказала она.

Во рту у меня пересохло, опьянение еще не прошло. Подмышки взмокли от пота.

– Я выпила слишком много хереса, – призналась я.

Ребенок во мне тоже притих, убаюканный сладким вином. В ушах бились слова сестер Ричарда о том, как много интересных событий происходит в Ланкастере.

– Меня снедает беспокойство, – призналась я, садясь на кровати.

Легкая озабоченная морщинка прорезала ее лоб между бровей, в глазах загорелся тревожный огонек.

– Из-за того, что случилось в саду?

– Да. Я назвала твое настоящее имя. Прости. Не знаю, известно ли им... Увы, я правда не знаю, что им известно. Но более важно то, кому они об этом расскажут.

– Но ведь им нечего рассказывать. Для чего им думать о том, как вы назвали служанку.

– Только если им не известно, кто ты на самом деле. Ох, ну почему я забыла, что мы переименовали тебя в Джилл? Лучше бы я держала свой болтливый язык на замке.

Алиса окунула салфетку в воду. На ее лице проявилось беспокойство.

– Алиса, – озабоченно произнесла я, – моя мать может вернуться с минуты на минуту, поэтому я должна выяснить все как можно быстрее. Необходимо, чтобы ты рассказала мне, почему оказалась в тот день в лесу с Элизабет Дивайс.

Ее руки замерли над водой, пальцы слегка покачивались у самой поверхности. К обычно исходящему от нее лавандовому духу добавился более земной запах, запах самой земли и усердно выращиваемых ею растений.

– Я не стала бы тебя спрашивать, если бы не считала, что это крайне важно.

Нерешительно помедлив, она подошла к изящному комоду на ножках и поставила на него чашу с водой. Стоя ко мне спиной, она вздохнула и спросила:

– Помните, когда мы сидели в вашей гостиной, вы спрашивали, где я работаю, и я ответила, что в «Руке с челноком»? И еще вы тогда спросили, давно ли я там работаю, и я ответила, что недавно?

– Да, помню.

– Тогда я проработала там всего лишь около недели.

Чуть дыша, я ждала продолжения.

– А вы помните, когда мы встретились в первый раз, вы тогда застали меня с кроликами?

– Да.

– Тогда я действительно заблудилась в лесу. Как раз в тот день я и приступила к работе в «Руке с челноком» и еще толком не знала дороги.

Продолжая свой рассказ, Алиса не оглядывалась, она по-прежнему стояла лицом к стене, так что я видела лишь ее длинную шею, узкую спину и тонкую талию.

– Раньше я работала в пивной Колна. Однажды утром, идя на работу, я увидела лежавшего на земле мужчину. В тот час на дороге было тихо и безлюдно. Выглядел он, вроде бы, как странствующий торговец. Рядом с ним по дороге валялись беспорядочно разбросанные товары, коробочки с булавками и иголками, да лоскуты разных тканей, как будто он шел, пошатываясь, и ронял их. Я подумала, что он уже умер, однако он еще мычал и бормотал что-то невнятное. Одну половину его лица, похоже, парализовало, даже глаз не открывался. Я видела такое лицо раньше у моей матери.

Мне вдруг стало душно, дыхание перехватило, и я никак не могла сглотнуть подступивший к горлу комок.

– Я дотащила его до постоянного двора, хозяин помог мне поднять его в комнату на втором этаже и послал за лекарем. Торговец продолжал бормотать что-то про черную собаку и встреченную на дороге девочку, но его лепет казался каким-то бредом, и мы не могли понять, что он имел в виду. Позже в тот вечер на постоянный двор зашла одна девушка.

Словно для устойчивости, Алиса держалась руками за комод.

– Она вела себя как-то странно, все всхлипывала и просила прощения. Я не могла ничего понять, пока она не упомянула, что сегодня прокляла какого-то торговца. Вся ее одежда испачкалась, будто она целый день бродила по лесу под дождем. Я предложила ей зайти и обсушиться, но хозяин и слышать ничего не хотел, заявил, что такую нищую попрошайку он и на порог не пустит. В общем, велел ей убираться подобру-поздорову. Перед уходом она сказала мне, что ее зовут Элисон, и что она вернется завтра узнать, как здоровье того торговца.

– Элисон Дивайс, – прошептала я, – и она вернулась?

Алиса кивнула, по-прежнему не поворачиваясь ко мне.

– И на следующий день, и через день. Но Питер, хозяин, не впускал ее,

говорил, что от нее могут быть одни неприятности. К тому времени торговцу стало лучше, он смог сказать нам, что его зовут Джоном. Я ухаживала за ним, поила пивом, кормила и обтирала рот, когда пища вываливалась. Его лицо выглядело оплывшим и размягченным, нормально двигалась только одна половина. Но он уже мог говорить достаточно внятно, назвал нам имя своего сына и попросил написать ему, и в итоге Питер отправил письмо с курьером.

– Однажды утром я зашла проведать Джона, а та девушка, как обычно, опять топталась во дворе, она заламывала руки, плакала и просилась навестить больного. Она вела себя как безумная, все твердила, что она во всем виновата. Я решила рассказать ему, что она пришла и умоляет его о прощении, а когда спросила, хочет ли он, чтобы япустила ее к нему, он согласно кивнул.

– Питер куда-то уехал, и я обслуживала клиентов. Поэтому я спустилась во двор и сказала ей, что она может по-быстрому зайти к нему. Вскоре она вернулась и, пробежав мимо меня, исчезла, тогда я решила заглянуть к Джону. Он жутко разволновался, рыдал, трясся и, показывая на дверь, все твердил: «Она ведьма, она ведьма...»

Алиса подошла к окну и выглянула в сад. За стеклом тихо шелестел вереск: за оконным переплетом негромко и одиноко подвывал ветер.

– И что же случилось дальше? – спросила я.

– Он рассказал мне, что с ней приходила черная собака, та же самая, что была с ней тогда на дороге. Хотя я не видела никаких собак; подумала даже, не приснилось ли ему все это. А потом пришла еще одна просительница: бабка той девушки. Весь постоянный двор сразу точно помертвел. Все сразу почувствовали ее приход. И все поняли, кто она.

– И кто же?

– Ее обычно называют старухой Демдаик. Жила она по большей части затворницей, но местные знали ее. Я тоже иногда видела ее в округе и слышала, что говорили о ней люди.

– А что они говорили?

– Что она жуткая чудачка, ведьма, в общем, всякую всячину. Говорили, что от нее лучше держаться подальше. Но она заявила туда не ради Джона Лоу. Она пришла посмотреть на меня.

– Но почему?

– Должно быть, Элисон рассказала ей, что это я нашла Джона и присматривала за ним. И тогда она принялась угрожать мне. Заявила, что проклянет меня, если я не сойду ради Элисон. Она просила меня сказать, что я никогда не видела ту девушку, что старик все придумал, повредился в

уме и несет теперь полный бред.

Но Питер уже отправил письмо сыну Джона, и вскоре он приехал вроде бы из Галифакса. Джон сказал сыну, что простил Элисон и что, будучи богобоязненным человеком, он верит в милосердие, и его прощение угодно Господу. Да, Джон Лоу хороший человек. Но его сын, Абрахам, не захотел послушать его. Он послал за Элисон и принялся расспрашивать ее о случившемся. С ней пришла и старуха Демдаjk, и, видимо, их вид сильно напугал сына. Демдаjk все отрицала, вопя и ругаясь на всю пивную, а Элисон только плакала. Я словно оцепенела, не зная, что делать. Тогда сын повернулся ко мне и спросил: «Ты видела раньше этих женщин? Эта девушка наслала порчу на моего отца?»

Я потеряла дар речи, а сидевший в углу Джон верещал, точно резаный. Его сын, Абрахам, побагровел и так разъярился, словно собирался кого-то убить, и тогда я тоже перепугалась. И подтвердила, что уже видела их.

Он пытался заставить их снять порчу, но Элисон не смогла, а Демдаjk заявила, что снять порчу может только тот, кто наслал ее. Вот так все и вышло. Абрахам обратился к судье, а Питер уволил меня, поскольку я навлекла на него кучу неприятностей. – Ее голос стал хрипловатым. – Я прослужила у него почти десять лет. Но, зная меня как хорошую работницу, он нашел мне место в «Руке с челноком», тем пабом управлял его свояк.

В голове у меня царил пустота. Мысли, казалось, уснули. Я пристально смотрела на свои ступни, маленькие и изящные в белых шелковых чулках. Алиса умолкла, и мы довольно долго хранили молчание, пока в голове у меня наконец не забрезжила одна мысль.

– Но как все это связано с Элизабет Дивайс? Зачем вы встретились с ней в тот день?

– Однажды вечером она тоже пришла уже в «Руку с челноком». Не знаю как, но она нашла меня и там. Элисон и Демдаjk арестовали, и она разом потеряла и дочь и мать. Когда она подошла ко мне, клиенты стали бросать на нас странные взгляды. В общем, их можно понять. Я испугалась, что опять потеряю работу, и попросила ее уйти. А она пригласила меня прийти в Страстную пятницу к ней домой и сказала, что там соберутся соседи, будут обсуждать, как можно помочь арестованным. Она заявила, что я должна помочь, ведь из-за меня... – ее голос задрожал, – заявила, что из-за меня ее дочь и мать упекли в тюрьму.

– Но ведь ты же как раз пыталась помочь, – покачав головой, возразила я.

– Она выглядела жутко... расстроенной. И я поняла, что ей просто необходимо хоть что-то делать. Короче, мне захотелось им помочь. И я

пошла туда как дура. Да и надо же было как-то избавиться от них, чтобы они перестали являться ко мне на работу и навлекать на меня неприятности. Но даже после той пятницы, после того, как я побывала в Малкинг-тауэр, она поджидала меня в лесу поблизости от вашего дома. Я не представляю, как мне от них отделаться.

Теперь в ее голосе прозвучал настоящий страх. Мне вспомнилось, как она всхлипывала во сне.

– А что происходило в Малкинг-тауэр? О чем они говорили?

– Ну, нас там угощали разными блюдами, и все обсуждали, как можно помочь Элисон и Демдаик. Там просто собрались все их знакомые, соседи и родственники. Не считая меня и еще одного человека.

– Какого человека?

Тут Алиса опустила голову.

– Пришла еще подруга моей матери, Кэтрин. Та самая, которую прозвали Канительщицей.

– А зачем она пришла?

– Она же всегда помогала мне, даже когда...

Тут мы обе вздрогнули, поскольку дверь вдруг распахнулась, и в комнату вплыла моя мать с видом явного негодования.

– Почему же вы не подумали послать кого-то за мной в деревню? – гневно спросила она.

Я напряженно выпрямилась и ответила ей не менее пылким взглядом, возмущенная столь бесцеремонным вторжением.

– Сестры Ричарда не могли задерживаться. Они заехали сюда по пути из Кендала в Форсетт.

– Как они узнали, что вы здесь?

– Кузина одной из здешних служанок работает в том доме, где они гостили.

Ее черные глаза прищурились, она проницательно посмотрела на меня.

– Что вы им рассказали?

– Ничего, – солгала я.

Ее выразительное молчание явно показывало, что она не поверила моим словам.

– Ужин почти готов, – наконец лаконично обронила она и удалилась, оставив дверь открытой.

Я встала и тихо закрыла ее, а потом медленно вернулась к Алисе. Тишину отягощало множество созревших в моей голове вопросов. Я могла задать самый страшный из них и получить ответ, но выбрала первый, что

пришел мне на ум после ее незаконченной фразы.

– Алиса, ты сказала, что Канительщица помогала тебе, даже когда... когда что?

Алиса молчала, усилившийся ветер раскачивал вереск за окном, завывая, точно расплакавшийся ребенок. Она закрыла лицо руками.

– Алиса! Скажи, в чем дело?

– Я не могу говорить об этом, – прошептала она, – это невыносимо.

– Что бы там ни было, это не может быть настолько плохим.

Но она не хотела больше ничего говорить, и я вдруг почувствовала, словно у двери плещутся волны возмущения, оставленного моей матерью. Меньше всего мне хотелось очередного конфликтного вечера. Пребывая в тревоге, я спускалась в столовую, и мне вдруг показалось, что в наш дом стремится прорваться не только разыгравшийся за окнами ветер.

Глава 14

Той ночью мне в очередной раз приснился кошмар. Я проснулась, парализованная страхом, возле кровати колебался огонек свечи, а за ним знакомое, но испуганное лицо. Мои ноги запутались в простынях, а вся я покрылась холодным потом. Я думала, что от переполнявшего меня ужаса сердце готово выпрыгнуть из груди, но Алиса посидела со мной, дождавшись, когда мое дыхание выровнялось и тени в углах спальни стали менее пугающими. Я надеялась, что не кричала во сне, но тревога в глазах Алисы и ее напряженное, встревоженное лицо рассеяли эту надежду.

– Уже все хорошо, – прошептала Алиса, – опять снились кабаны?

Я кивнула, судорожно вздохнув, и ощущение вернувшегося кошмара побудило меня проверить, не увлажнилась ли моя промежность кровью, но там было сухо. Вскоре Алиса опять улеглась в постель, и ее дыхание постепенно тоже выровнялось. Мы прожили в доме моей матери уже месяц, и за все это время мне ни разу не снились кошмары.

С того отягченного евангельской проповедью завтрака моя мать, так же как и я, ни разу не заикалась о моем возвращении в Готорп, однако мне следовало знать, что она так просто не отступится. Возможно, если бы я захватила сюда гипсовую статую Благоразумия, то не забывала бы иногда проявлять столь благородное качество, однако моя старая подруга осталась далеко, в моей спальне в Готорпе.

Я сидела на кухне в компании миссис Нейв, угощаясь горячим печеньем, только что вынутым из печи, когда пришла миссис Энбрик и сообщила, что кое-кто желает видеть меня. Я предчувствовала это со своего утреннего пробуждения: перемена в атмосфере и обновленное ощущение внутреннего беспокойства тому способствовали. Мое время здесь, похоже, заканчивалось.

– Кто же?

Могла бы и не спрашивать. Широкие черные юбки возвестили о приближении к кухне моей матери еще до того, как она явилась туда собственной персоной, плавно, словно рыба, скользящая в водной глади пруда. Судя по выражению ее лица, она была настроена воинственно и решительно.

– Флитвуд, немедленно выходите из кухни, – повелительно произнесла она.

Волна накатившего ужаса на мгновение, казалось, пригвоздила меня к

стулу.

Миссис Нейв склонила голову, неловко отряхивая пухлыми руками крошки с фартука. Устремив на мать самый сердитый из моих взглядов, я гордо прошла мимо нее, вспомнив, как она вскрыла письмо Ричарда сразу по прибытии и не удосужилась сообщить мне о его содержании. Мне и в голову не пришло спросить, о чем он пишет, а его письмо ко мне так и лежало нераспечатанным на письменном столе в моей комнате.

– Флитвуд, вы же не можете вечно избегать его.

Я предпочла пройти в гостиную, а за мной в прихожей звенел ее возмущенный голос. Я уже решила, что больше не буду разговаривать с ней.

Меня пробирала дрожь, хотя воздух в этой тесной гостиной с высокими узкими оконными проемами был душным и спертым. В бледных лучах света плясали пылинки, рядом с моим креслом на табуретке лежала шахматная доска. Мать иногда играла в шахматы с домоправительницей, а иногда – сама с собой. Для нее такие игры были обычным явлением, но впервые я вдруг осознала, насколько достойно сожаления ее одиночество в гостиной, учитывая, что я находилась рядом, всего лишь этажом выше. В общем, при желании, она могла бы предложить мне поиграть с ней; но разве имело смысл жалеть женщину, которая сама предпочитала одиночество? Поправив на животе полы верхнего распашного платья, я в ожидании сложила руки на коленях.

Первым появился Пак, увидел меня, подбежал, радостно высунув язык, и уселся рядом с моим креслом. Затем вошла моя мать, ее паттены клацали по каменным плитам, поэтому поступь звучала звонче и тяжелей по сравнению со звуком, издаваемым обычными домашними туфлями из мягкой телячьей кожи, а следом за ней послышался знакомый перезвон монет.

– Флитвуд.

Я услышала его голос, одновременно увидев его. Блеснула на свету серьга в его ухе, и серые глаза тоже излучали сияние. Сначала он посмотрел мне в глаза, и сразу перевел взгляд на мой живот.

На лице его четко отразилась мысль: вы все еще с ребенком.

Я уже забыла, каким понятным и важным может быть молчание двух супругов, если они досконально так изучили друг друга, что их общению не помешает даже темнота. Пожалуй, можно читать даже мысли. Моя мать переводила невозмутимый взгляд с меня на Ричарда и обратно.

– Вы хорошо выглядите, – начал Ричард.

Я хранила молчание.

– Флитвуд? – резко повысив голос, изрекла моя мать.

– Я вас не задерживаю, – сухо ответила я.

Я умоляюще глянула на Ричарда, но взгляд его серых глаз так напряженно сцепился с моими черными глазами, словно он боялся, что я могу вдруг исчезнуть.

Моя мать удалилась из гостиной, закрыв за собой дверь. Но я не слышала звука шагов ее паттенгов из прихожей, поэтому, чуть погодя, произнесла: «Мама» – и тогда из-за двери донеслись удаляющиеся звуки ее клацающих подошв.

Ричард сел в кресло напротив меня, и, к нашему общему удивлению, Пак неожиданно зарычал и залаял.

– Вы и собаку тоже настроили против меня? – весело произнес мой муж, хотя взгляд его оставался печальным.

– У него своего ума хватает.

Ричард вздохнул и, сняв свою черную бархатную шляпу, предложил ее Паку для обнюхивания в знак примирения.

– Помнишь меня, старина?

Я почувствовала себя дважды преданной, когда Пак подошел к нему, ткнулся носом в его руку и одобрительно оскалился.

– Ну вот, другое дело! – тихо воскликнул Ричард, потрепав Пака по голове и, как обычно, энергично погладив ему спину.

– Я и забыл, как много времени занимает поездка в этот манор, – наконец заметил он, пристроив шляпу на колени.

– В охотничьих вылазках дороги вас не утомляли.

– Я и не говорил, что утомлен.

– Однако не месяц же вам потребовался, чтобы доехать сюда.

Моя дерзость удивила нас обоих. Ричард открыл было рот, но опять закрыл его, ограничившись тем, что молча сменил позу в кресле.

– Нет. Меня задержали неотложные важные дела.

– Более важные, чем дела вашей жены? Ричард, как вы могли пойти на такое?

– Простите, я сожалею. Прошу вас, поедemте домой.

Я зажмурила глаза и перед моим мысленным взором пронеслись картины нашей четырехлетней семейной жизни: наши общие прогулки верхом, обсуждения покупок, проведенные вместе ночи, общие развлечения. Воспоминания о долгой счастливой жизни.

– Готорп без вас изменился. Это же наш дом, нам нужно жить там вместе.

– Раньше вы частенько забывали об этом!

– Увы. Но мне необходимо вернуться туда вместе с вами.

– А как быть со всеми вашими тайнами, Ричард. И ложью...

Мне вспомнились слова Алисы: «Я боюсь лживых людей». Сейчас до меня дошло, что она имела в виду: ложь способна разрушать жизнь, но также и создавать ее, подобно животу Джудит, округлившемуся благодаря лжи Ричарда.

– Я довольна здешней жизнью.

– Довольны жизнью? С вашей матерью? Вы же терпеть ее не можете. – Он и не подумал понизить голос. – Что здесь может быть хорошего, не говоря уже о ленивых слугах и убогой обстановке?

– Если она и убогая, то потому, что вы недостаточно щедро обеспечиваете мою мать, – прошептала я, – такая скупость мне даже в голову не приходила, принимая во внимание мое богатое приданое.

Он запустил руку в кошель на поясе.

– В какой сумме она нуждается?

– А какую сумму вы платите вашей любовнице?

Открыв кожаный кошель, он выложил на каминную полку стопку монет, словно оплачивал мое проживание на постоялом дворе.

– Разве вам теперь не приходится содержать четырех женщин? – продолжила я, – Двух матерей и двух жен? Полагаю, уровень жизни здесь снизился не случайно, раз вы взяли на содержание очередную семью. Вы знали, в какой бедности держали ее?

– Естественно, не знал. Если она в чем-то нуждается, то ей достаточно только попросить. Я разберусь с этим вопросом. Возможно, Джеймс подкорректировал какие-то расходы, чтобы свести баланс, не сообщив мне об этом.

– Тогда мне, видимо, стоит спросить Джеймса, почему он посылал в Бартон душистое мыло, когда моей матери слуги сами варили его из жира и золы.

В уголках губ Ричарда заиграла легкая улыбка, очевидно, его забавляло то, что я отстаивала ее интересы. Меня охватила ярость, но я решила дождаться ответа и, подавив ее, лишь сжала руками подлокотники кресла. Вряд ли легким поддразниванием он надеялся отвлечь меня от объяснения того, из-за каких важных дел ему целый месяц не удавалось добраться в мой нынешний дом.

Ричарду, видимо, стало жарко в дорогом дорожном костюме, ведь, помимо коута, на нем был еще и черный бархатный редингот, и я заметила, как покраснели его щеки, то ли от жары, то ли от смущения, то ли от досады.

– Я приехал, чтобы отвезти вас домой, – после затянувшегося молчания заявил он.

– Давно ли вы содержите ее?

Он вздохнул так, точно я испытывала его терпение.

Он не привык к моему непослушанию. Я и сама привыкла слушаться его.

– Нет.

– Насколько недавно?

– Вероятно, несколько месяцев.

– Значит, когда поняли, что она способна к зачатию. Успешному, наконец: нашли призовую корову-производительницу, которая произведет здорового теленочка, более здорового, чем способна подарить вам законная жена.

– Не говорите чепухи. Люди не скот.

– На самом деле женщины мало чем отличаются от скота.

– Ваше поведение абсурдно.

На глаза мне попала шахматная доска и, взяв пешку, вырезанную из слоновой кости, я поднесла ее к свету. Я сразу узнала эти отцовские шахматы из Бартона. Вернув пешку на место, я заметила, что она стоит перед королевой. Ударом пешки я сбросила эту фигуру на пол, и она покатила по старому вытертому ковру под стол. Мне представилось, как мать позже будет искать королеву, опустившись на четвереньки.

– Вы хотите меня казнить по-королевски? – спросила я.

– Флитвуд, я забочусь о вас. Неужели вы думаете, будто я желал бы видеть вас в столь мучительном состоянии? Каждый раз, пытаясь выносить ребенка, вы едва не умирали, и в этом моя вина. Мне не хотелось, чтобы это случилось... и я прибег к помощи Джудит, чтобы предотвратить это, желая защитить вас.

– Защитить? Так, значит, ради моей защиты вы содержали вашу любовницу в моем доме?

– Вы же ненавидите тот дом, и я понимал, что вы предпочтете не возвращаться туда.

– Вы, безусловно, правы. Да, Ричард, вы прекрасно знаете меня. Правда, вы забыли об одном: что я умею читать. Вы думали, что я никогда не найду в кабинет Джеймса и не обнаружу все эти чернильные записи о совершенных предательствах.

– Чего ради вы надумали заглянуть в тот гробсбук?

Мое сердце взволнованно забило.

– Мне понадобилось кое-что проверить.

– Что именно?

– Заказ белья. Но это не важно.

Я старалась сохранять небрежный тон, но в нем уже проснулся охотничий азарт, и он уловил, откуда дует ветер.

– С кем вы приехали сюда? – спросил он, прищурился глазами.

– Одна.

Я смело встретила его взгляд, и ему это не понравилось.

– Вы изменились, Флитвуд. – Я продолжала молча смотреть на него, ожидая пояснений, но он лишь раздраженно добавил: – Неужели нам не подадут хотя бы легких закусок?

Ничего не ответив, я отвернулась к пыльному серому окну. Ричард неловко поерзал в кресле.

– Недавно Роджер привез для вас один интересный сверток. – Я следила за ним краем глаза. – С рубиновым ожерельем.

– Тем самым, что пропало?

– Их горничная обнаружила его в кровати Дженнет Дивайс. Несомненно, у нее авантюрные склонности.

– Так она еще и воровка... Однако странно, как же она умудрилась... я же не оставляла ее ни на минуту. – Тут я вспомнила, как я ходила на кухню за холодным пирогом для Роджера, и у меня сжалось сердце. – Она выходила из зала без меня?

– Наверное, выходила.

– Надеюсь, вы принесли извинения слугам?

Вспышка досады промелькнула по его лицу, и пока мы злились друг на друга в напряженном молчании, на меня нахлынули воспоминания того дня... на редкость богатого на события.

– А та горничная, Сара... как ее здоровье?

– Еще не поправилась, но ей уже лучше. Доктор приехал вовремя. А теперь за ней пока продолжает ухаживать ее мать.

– Где вы теперь спите, в нашей спальне?

– Да. – Он вновь сменил позу. – Я привез сюда карету, в ней вам будет удобно вернуться в Готорп. Мне надо еще решить некоторые деловые вопросы с моим посредником на границе, поэтому до возвращения домой я должен заехать в Карлайл. А вы можете выехать уже завтра.

Я подумала об Алисе, оставшейся наверху на своей выдвижной кровати. Подумала о том, что ее может ожидать, если мы уедем отсюда.

– Я не могу вернуться.

Ричарда, видимо, возмутило мое поведение, он напряженно растопырил пальцы, блеснув кольцами, и резко сжал кулаки.

– Мне жаль, что вы обнаружили такое непонимание, однако мое терпение на исходе. Никому не нужна строптивая жена. Между терпением и глупостью очень тонкая грань.

Жгучие, злые слезы брызнули из моих глаз.

– И, полагаю, вы не считаете, что сделали из меня дурочку? Для вас я ничем не отличаюсь от ваших драгоценных ловчих птиц. Вы так же держите меня на поводке, и вам достаточно щелкнуть по запястью, чтобы я прилетела обратно на вашу руку.

По крайней мере ему хватило деликатности, чтобы изобразить огорчение.

Высказывая свое возмущение, я понимала, что нарушила границы, которые следует соблюдать женщине и жене. Я не обладала ни красотой, ни изысканными манерами. «Едва ли удивительно, – печально подумала я, – что он предпочел покинуть нашу постель и готов разрушить нашу семейную жизнь».

– Пора вам осваиваться с вашей новой ролью, – лишь добавил Ричард.

– Отвергнутой жены?

– Матери.

– Мне хотелось бы пожить здесь еще немного.

В этот момент, словно его и дожидались, раздался резкий стук в дверь, и в гостиную вошла моя мать.

– Вы распорядились подготовить отъезд? – спросил Ричард.

Она кивнула и мельком взглянула на меня.

– Я не поеду, – проворчала я.

Легко и изящно, словно нож масло, меня резанули слова матери:

– Вы не будете жить здесь, пока ваш муж еще нуждается в вас. Вам пора уезжать.

Поднявшись с кресла, я вытянулась во весь свой далеко не впечатляющий рост и ответила ледяным тоном:

– Раз уж таково и ваше желание, то мне остается подчиниться.

* * *

Ричард поскакал верхом дальше на север, а я удалилась в свою спальню. К тому времени, когда я поднялась на верхнюю лестничную клетку, в голове у меня успел сложиться план, и я сразу же поделилась им с Алисой.

– Ты вернешься со мной в Готорп, как моя повитуха и компаньонка,

только на таких условиях я соглашусь простить Ричарда.

Но Алиса с сомнением глянула на меня, продолжая крутить в руках свой чепец. Ее кудрявые золотистые волосы рассыпались по плечам точно львиная грива.

– Разве он просил прощения? – только и промолвила она.

– Он же изменил мне, Алиса, ты вернешься со мной, а уж я сама обо всем позабочусь. Позабочусь о том, чтобы с тебя сняли дурацкие подозрения... таково будет мое условие. И Ричард согласится на него. Мы вернемся в Готорп, поселим тебя в одной из спален, а через день-другой придет Ричард, и я поставлю ему еще одно условие: я останусь жить там только с тобой. Без тебя я не смогу родить ребенка.

На лице ее отразилось глубочайшее сомнение, но, несмотря на все случившееся, я лучше знала своего мужа.

Мы упаковали наши вещи... вернее, я упаковалась, поскольку Алиса приехала налегке. У нее не было ни сундука, ни обручального кольца, ни мужа, призвавшего ее домой, и никаких любопытных золотов. Она не ждала ребенка и не могла никому подарить наследника. Она могла уйти куда угодно в любой момент, и если бы она того захотела, мне пришлось бы отпустить ее, хотя я и понимала, что нуждаюсь в ее помощи. Однако она забралась в карету и села рядом со мной, точно так же, как и по пути сюда. Я решила, что опять дам ей лошадь, когда мы доберемся домой, невзирая на странную пропажу первой, поскольку теперь я полностью доверяла ей... когда Ричард примет мои условия, она сможет съездить навестить своего отца и сообщит ему, что получила постоянное место работы. Но какие новости нас ждут дома? Впервые после того, как Алиса поведала мне свою историю, я задумалась о Пенделских ведьмах и о том, что с ними будет. Возможно, Роджеру не удастся завести судебные дела на всех гостей Малкинг-тауэр; возможно, он удовлетворится Дивайсами и их соседями и бросит в огонь черный список Ника Баннистера.

Карету нещадно трясло на ухабистой дороге, я поддерживала живот, чувствуя, как мой ребенок брыкается и вертится от сильной тряски, и с удивлением думала, как же можно считать, что езда в карете безопаснее верховой езды. Пак скулил у моих ног, устав от этого непрерывного движения. Я мягко сказала ему, что мы скоро приедем домой и он получит вдоволь молока и хлеба, и, видимо, успокоенный, он кротко лизнул мою руку.

Через несколько часов езды я потеряла интерес к мелькавшему за окном пейзажу; серое небо еще больше потемнело, начал сеять мелкий дождь, и все вокруг опять стало хмурым и унылым. Алиса сидела с

закрытыми глазами, ее голова откинулась на спинку сиденья. Интересно, она действительно спит или, так же как я, волнуется о том, что может случиться, когда мы доедем до дома. Даже мой ребенок, зачастую засыпавший в самых неудобных условиях, успокоился и затих.

Последняя часть пути превратилась в состязание с наползающей тьмой, и все же только уже в сумерках я осознала, что карета замедлила ход, повернув на подъездную дорогу к Готорп-холлу. Здесь, в обрамлении густого леса, темнота выглядела еще более непроглядной. Лошадиные копыта цокали по булыжникам; мы проехали мимо амбара и служебных построек. Карета на минуту остановилась, и я услышала, как кучер сообщил кому-то, что ему велено доставить меня прямо к крыльцу. К тому времени мое сознание уже затуманилось сном, и я забыла о сидевшей рядом Алисе. Мы так много времени проводили вместе, что я перестала чувствовать себя одинокой. В карете было темно, и я не видела, проснулась ли она, а сама мечтала только о нормальной кровати. Я могла пока поселить Алису в соседней гардеробной, где раньше спал Ричард, чтобы она находилась поблизости. Может, они с Алисой даже подружатся, учитывая, что тайна ожерелья разгадана.

Наконец карета остановилась. Лошади шумно фыркали и дрожали. Кучер слез с верхних козел, и я услышала, как он прыгнул на землю. Я сразу повернулась к дверце, но она сама распахнулась, и я едва не свалилась с сиденья.

Передо мной стоял Ричард. Его лицо скрывалось в тени, и не успела я даже издать слова и восклицания, как он взял меня за руку и помог спуститься. Мои ноги коснулись твердой земли, и я услышала, что Пак прыгнул за мной, и тогда одновременно случились два события: следом за мной из кареты вылезла Алиса, а я увидела Роджера Ноуэлла на верхней ступени крыльца.

И он, и Ричард хранили молчание, а в полумраке я не могла четко разглядеть выражения их лиц. По обеим сторонам двери горели факелы, их пламя раздувалось своевольным ветром. У меня появилось ощущение, будто кто-то окатил меня сзади холодной водой.

– Ричард, что вы здесь делаете? – спросила я.

Он по-прежнему держал меня за руку.

С крыльца донесся властный голос Роджера:

– Алиса Грей, вы арестованы за убийство посредством колдовства Энн Фаулдс, дочери Джона Фаулдса из Колна, и будете содержаться в тюрьме Его Величества до рассмотрения в суде вашего дела.

Через мгновение его призрачная фигура оказалась рядом с ней.

– Роджер! – возмущенно воскликнула я. – Что вы делаете?

Но Ричард уже потащил меня в дом. Я неистово извивалась, пытаясь высвободиться от него.

– Алиса! Да что же это такое? Роджер, Ричард, объясните же мне... Отпустите меня немедленно!

Собрав все силы, я оттолкнула Ричарда и умудрилась вырваться из его хватки, однако даже не успела сбежать с крыльца, поскольку он вновь завладел моими руками и заломил их мне за спину.

– Флитвуд! – крикнула Алиса, в свете факелов я смогла разглядеть лишь ее лицо и чепец.

Темная фигура Роджера насильно усаживала ее обратно в карету. Она зарыдала от страха, исчезая из поля моего зрения, но я еще слышала ее тихое бормотание: «Нет, нет, нет, нет».

Одна из лошадей испуганно заржала, дернувшись в упряжке. Но тут меня втащили в прихожую, Ричард закрыл дверь, я оказалась в доме, а она – в карете.

Часть 3

Мужчина ли, или женщина, если будут они вызывать мертвых или волховать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них.

Третья книга Моисеева. Левит, гл. 20, ст. 27.

Глава 15

Ричард резко отпустил меня, точно обжегшись, и быстро удалился по коридору в сторону большого зала. Я бросилась обратно к выходу и, нащупав ручку, рывком распахнула дверь, однако увидела лишь силуэт удаляющейся кареты, уже покинувшей раструбы факельного света. Сбежав по ступеням, я едва не упала, споткнувшись о сундук, оставленный около крыльца, догнала карету и, глядя в окошко, призывно звала Алису, но шторы оставались закрытыми.

– Остановитесь! – воскликнула я. – Остановитесь!

Кучер продолжал невозмутимо смотреть вперед, подстегивая лошадей. Они поскакали быстрее, я невольно отстала и лишь бессильно смотрела им вслед, видя, как ночь поглощает все: саму карету, дребезжание колес, затихающий стук копыт и оставляя мне лишь метущиеся по обочинам ветви деревьев.

Я долго стояла, окутанная мраком, пока холод не начал пробираться ко мне до костей. Мне казалось, что меня готовы поглотить водные глубины, и лишь невообразимо потяжелевшее платье удерживает меня на этой земле. От дома донеслись голоса двух слуг, которые затащили внутрь мой дорожный сундук.

Я привезла Алису напрямик в сплетенную паутину, где ее уже поджидал паук.

Войдя в большой зал, я обнаружила, что Ричард поджидает меня возле нерастопленного камина. Я могла лишь возмущенно смотреть на него, и он ответил мне таким же взглядом.

– Вы обманули меня. Солгали мне!

– И вы тоже обманывали и лгали мне.

– В каком смысле?

– Вы говорили мне, что уехали одна.

– И вы расставили ловушку... добились, чтобы мы угодили в нее. Как вы могли?..

– Алиса Грей разыскивалась за преступление. Ее все равно арестовали бы, не важно где: либо здесь, либо в доме вашей матери.

– Еще как важно. Кто вам сказал, что она поехала со мной... ваши сестры?

– Нет, ваша мать. Нечаянно, конечно; сомневаюсь, что она способна предать родную дочь. Она написала мне о старательной молодой акушерке

по имени Джилл, приехавшей вместе с вами. Ей хотелось узнать, не порекомендовала ли нам ее госпожа Старки. В следующий раз получше замечайте следы. Мне казалось, что вы уже изрядно поднаторели в охотничьем искусстве.

Глубоко вздохнув, я постаралась обуздать свой гнев.

– Почему арестовали Алису?

– Подробности мне неизвестны.

– Роджер заявил, что она убила ребенка? Какая чепуха.

– Неужели вы так уверены в ней?

– Конечно, уверена. Она не обидит даже муху.

– Тогда ей нечего бояться.

– Роджер стремится выслужиться, – с горечью заметила я, – он всячески старается умиротворить короля и явиться при дворе, распушив хвост, как павлин. Его не волнуют последствия, не волнует, что на кон поставлены жизни людей. Сколько еще он обнаружил ведьм с тех пор, как я уехала?

– Точно не знаю.

– Сколько?

– Около десятка. Это не составило труда: они сами называли ему все имена, полагая, что тем самым получают свободу. Они сами выдвигали обвинения, а не он.

– Мы должны что-то предпринять.

– Ничего мы не должны! – взревел Ричард. – Вы уже и без того натворили достаточно!

Он выплеснул наконец свой гнев. Расхаживая перед камином, он обрушил на меня всю полноту своей ярости. Мне сразу вспомнился дождливый апрельский день, когда мы с Роджером стояли в большой галерее. «Стыд тому, кто дурно об этом подумает».

Я подошла к креслу и оперлась на его спинку, не желая садиться и низведя наше общение до обычного семейного разговора.

– Вы лишили меня повитухи, – после долгого молчания устало произнесла я.

– Флитвуд, она далеко не единственная. Не понимаю, почему вы так настаиваете на услугах этой местной неряхи, которая к тому же – возможно, – убила ребенка. Неужели вы хотите, чтобы такая особа помогла вам родить нашего наследника?

– Да.

– Мы пошлем за другой повитухой.

– Никто, кроме нее, мне не поможет.

– Тогда вы умрете. Неужели вы этого хотите?

– Вероятно... этого хотите вы.

– Господи, что за чушь вы несете.

Я покрепче ухватилась за кресло.

– Алиса незаменима. Объясните мне, Ричард: почему вам позволено содержать женщину, а мне нет?

Кровь пульсировала у меня в ушах и, продолжая все сильнее сжимать край кресла, я пожелала, чтобы его дубовая спинка раскололась под моими пальцами. Лицо Ричарда побагровело от едва сдерживаемой ярости и, не дождавшись ответа, я продолжила:

– Алиса Грей спасала мне жизнь, и не один, а много раз. Когда у меня началась почесуха, она принесла мне растения, чтобы втирать их в кожу. Когда я болела, она делала для меня настойки. Она поддерживала меня в самые тяжелые моменты. И посадила растения, способные укрепить мое здоровье.

– Такое впечатление, что вы рассказываете о какой-то ведьме, – язвительно заметил Ричард, – иначе откуда еще вы могли бы узнать такие подробности?

– Она повитуха, такая же, как ее покойная мать. Неужели вы, подобно королю, полагаете, что все бедные знахарки, травницы и повитухи являются пособницами дьявола? Пожалуй, он стал крупнейшим работодателем в Ланкашире.

Внезапно на меня навалилась дикая усталость, и я невольно опустилась в кресло. Мое платье запылилось от долгой поездки, но мысленно я все еще находилась в карете с Алисой и Роджером на тряских ночных дорогах. Моя голова просто раскалывалась.

– Далеко ли он повез ее?

– Возможно, в Рид-холл. Или прямо в Ланкастер.

– Но судебная сессия начнется только в августе.

До меня донесся стук его каблуков по плитам пола, и через мгновение он опустился возле меня на колени, и его серьга блеснула золотом, отразив огоньки свечей.

– Забудьте Алису, – сказал он, – вы уже достаточно для нее сделали.

– Забыть ее? Да что же, интересно, я сделала для нее?! О чем вы говорите? Единственное, что мне удалось, так это привезти ее напрямиком на виселицу!

– Меня волнует лишь ваша безопасность. Едва я услышал, кто такая ваша Алиса, то сразу помчался к вам, что вполне естественно. Флитвуд, что с вами произошло? Вы изменились с тех самых пор, как привели ее сюда.

Его лицо излучало откровенную ненависть. Я вытерла нос рукавом. Мне отчаянно хотелось прилечь.

– Мне нужно съездить в Рид-холл, – заявила я.

– Ни в коем случае. Уже слишком поздно.

И вновь меня посадили на незримый поводок. Не странно ли: я сидела в своем доме с мужем и собакой, но никогда еще не чувствовала себя более несчастной. Долгое время их общество вполне устраивало меня, но сейчас я внезапно осознала себя всего лишь гостьей в своей собственной жизни. Я обвела взглядом зал с темными окнами, полированными панелями и галереей, где в лучшие времена выступали актеры и менестрели. Над камином по-прежнему красовались гербы – моего рода в том числе; в зал вели двойные двери, дабы пары людей равного положения могли входить одновременно. Но мой ли это дом на самом деле?

Ричард помог мне встать с кресла, и я, положив руку на голову Пака, вышла из зала. Едва не засыпая на ходу, я поднялась по темной лестнице.

С тех пор как я последний раз находилась в своей спальне, произошло так много событий, что она показались мне совершенно незнакомой. Я смотрела на кровать, предназначенную для капризной юной невесты, с передней стенкой, украшенной резными рыцарскими шлемами, коронами и змеями. Посередине – два объединенных гербовых крыжа: три челнока с пятиконечной звездой – знаком младшей линии в генеалогии Шаттлвортов и шесть геральдических птиц рода Бартонов. Мне не хотелось видеть здесь полное изображение крыжа Бартонов.

Эту ночь Ричард спал со мной, то ли из чувства солидарности, то ли чувствуя себя виноватым, хотя для меня это не имело значения. Пак спал на полу в изножье кровати, громко посапывая, и в кои-то веки Ричард не выразил своего недовольства. Лежа без сна, я взирала на маячивший передо мной полог, и в голове моей крутились тревожные мысли.

Алису обвиняли в убийстве дочери какого-то мужчины по имени Джон. Неужели этот ребенок умер, когда она принимала роды? Или это просто выдумка, порожденная мстительным языком Элизабет Дивайс? Может, Роджер хорошо знал этого Джона Фаулдса, давно похоронившего дочь на церковном кладбище и согласившегося дать лживые показания ради денег. Мне хотелось уснуть, но забыться сном мешало сознание того, что теперь никто не охраняет меня, свернувшись калачиком рядом на выдвижной кровати.

На следующее утро я провела достаточно много времени, приводя себя в порядок после долгого путешествия. Вымыла с мылом волосы, расчесала их и высушила распущенными перед тем, как перейти к выбору платья. Статуи Благоразумия и Справедливости безучастно взирали на мою утреннюю суету; теперь, когда я отказалась от корсета, помощь служанки мне практически не требовалась. Достав из гардероба чистый воротник и расшитый жемчугом головной убор, я аккуратно надела их. Натянула шелковые чулки, и, хотя они плотно держались на моих опухших ногах, завязала их над и под коленями. Завершая туалет, сунула ноги в домашние туфельки. Слегка подушилась розовым маслом за ушами и на запястьях, почистила зубы льняной салфеткой, набрала в рот чистой воды и, прополоскав его, сплюнула в остывшую ванну с водой, смывшей с меня дорожную пыль, пот и грязь. И вот, выпустив на волю Пака, направилась вместе с ним в столовую завтракать. После долгого и тряского путешествия из манора моей матери я еще чувствовала себя усталой и разбитой, а из-за того, что случилось вчера вечером, не могла думать ни о чем, кроме Алисы.

Как обычно, к столу подали традиционно пресные блюда Барбары, и я едва прикоснулась к ним, вспоминая вкусные имбирные пряники с вишнями и пирожные, которые мы ели в доме моей матери. Все здесь теперь казалось мне безрадостным. Напротив меня за столом завтракал Ричард, подкармливая сидевшего на плече его любимого турецкого сокола, в таком виде он напоминал какого-то рыцаря из мифического царства. Если Ричард пытался позлить меня, запомнив, что я сравнивала себя с его птицей, то ему это удалось. Я следила за ними, не касаясь своей тарелки. Муж мой выглядел жизнерадостным и поглощенным едой и, казалось, вообще не замечал меня. Возможно, он привык к моему отсутствию, так же как и я к его...

Помешав ложкой овсянку, я сделала вид, что пью пиво.

– Мне хотелось бы, чтобы вы не приносили в дом эту тварь, – нарушив молчание, заявила я.

Хотя я старалась говорить безучастно, получилось весьма язвительно. Птица разглядывала меня своим змеиноподобным глазком.

– Я приучаю ее к себе. Разве вам не нравится то, что она любит бывать там, где живет ее хозяин?

– А вдруг она сорвется со шнура и улетит на стропила?

– «Будь неизменно полон сил, ибо иначе ловчая птица недолго будет послушна твоим приказам, вынудив тебя подчиняться ей». – Я в недоумении взирала на мужа, и он, усмехнувшись, добавил: – Я процитировал первое правило из книги о подготовке ловчих птиц. Чтобы

убедить ее вернуться, достаточно кусочка мяса.

– А что, если кусочком мяса станет палец служанки?

Ричард удивленно прищурился; он явно пребывал в беззаботном настроении. И то, что был способен на такую беспечность, несмотря на все случившееся, пробудило во мне ненависть к нему. Никогда он не посмеет выступить против закона. Никогда его не запихнет в карету опьяненный властью судья. Я наблюдала за ним с чистой и холодной ненавистью.

– Сегодня утром я хочу съездить в Рид-холл, – спустя пару минут заявила я.

– Повидать Кэтрин?

– Да, – ответила я, облизнув пересохшие губы.

– Не смогу составить вам компанию. Нам с Джеймсом надо разобраться с арендными землями.

– Для чего?

– Я покупаю землю, оставленную одним фермером. Вы знаете, его сын признался, что во время строительства дома отец захоронил в стене кошку?

– Зачем ему это понадобилось?

– Может, чтобы уберечься от зла? – Он пожал плечами. – У местных жителей бывают на редкость странные обычаи. Лучше бы вставили стекла в окна.

Догадавшись, что он пошутил, я заставила себя улыбнуться. Он подал мне одну идею.

* * *

Я медленно ехала верхом на лошади в сторону Рид-холла, радуясь свежему воздуху и возможности спокойно все обдумать и спланировать. Проезжая мимо привычных домов и ферм по знакомым старым дорогам, я приглядывалась к их фасадам, где каждая трещина и вмятина свидетельствовала о тяготах многотрудной жизни их обитателей. По обочинам с трудом тащились люди, их лица скрывались под капюшонами плащей, плечи согнулись от упорного противостояния страданиям, болезням и горестям. Обмазанные глиной ветхие дома выглядели не лучше их хозяев, чьи спины сторбились от тяжелой работы. Я надеялась, что порой на их жизненном пути встречались веселые праздничные дни; надеялась, что и они имели возможность попробовать вкусные блюда и испытать потрясающие радостные эмоции. Если бы только здесь построили театр, то, возможно, не понадобилось бы никакой охоты на

ведьм. Возможно, я смогу построить для них театр.

Под облачными небесами зеленели луга и леса, и если путник устал от созерцания такого однообразия, то дорога к Рид-холлу все равно не могла порадовать его ничем иным. Я проехала по безлюдному двору к особняку Роджера, заметив лишь подростка, везущего сено к конюшне. Поручив ему заботу о своей лошади, я направилась к парадной двери, постучала и, не дождавшись отклика, – постучала еще раз. Когда дверь открылась, я ожидала увидеть Кэтрин, но сначала я вообще никого не увидела и, лишь опустив глаза, заметила девочку, ростом доходившую до моей груди и взиравшую на меня большими слезящимися глазами.

– Дженнет, – сказала я, пытаюсь скрыть удивление, – я приехала повидать господина Ноуэлла.

Девочка продолжала пожирать меня глазами.

– Нету дома. Уехавши, – прошептала она.

Ее лицо выглядело бледно-пепельным, почти прозрачным.

У меня екнуло сердце.

– Далеко уехал?

– Дженнет! – донесся призывный голос из глубины дома.

И через мгновение появилась Кэтрин. В нашу последнюю встречу она запомнилась мне менее напряженной, сейчас у нее даже лицо осунулось.

– Доброе утро, Кэтрин, – подавив волнение, поздоровалась я.

– Флитвуд, – не дойдя до двери, она заломила руки, – Дженнет, живо уходи отсюда. Я же говорила тебе не подходить к двери. Немедленно возвращайся к себе наверх.

Несмотря на выражение недовольства, ее голос звучал встревоженно. Девочка тут же метнулась в сторону и исчезла в полумраке холла.

– Кэтрин, дома ли Роджер?

– Нет, он уехал в Ланкастер.

– С Алисой?

– С какой Алисой?

– Алиса, моя повитуха. Алиса.

Кэтрин прищурилась, нервно сцепив бледные руки.

– Не пойму, Флитвуд, что вас беспокоит? Может, вы зайдете? Я прикажу подать вина и...

– Нет, благодарю. Мне необходимо узнать, повез ли он Алису в тюрьму Ланкастера.

– Он уехал вчера вечером и с тех пор не возвращался... сообщил мне, что направляется именно туда.

Значит, не всех обвиняемых он устраивал в своем доме, превращая его

в своеобразный постоянный двор. Только тех, от кого хотел добиться нужных признаний. Я отступила назад и вздохнула, раздумывая, что дальше делать.

– А вы знаете человека по имени Джон Фаулдс?

На лице Кэтрин отразилось замешательство.

– Боюсь, что не знаю. А должна знать? – Я покачала головой. – Роджер говорил, что вы жили у вашей матушки в Киркби-Лонсдейл, – оживляясь, продолжила Кэтрин, – хорошо... отдохнули?

– Очень. Я спешу. Извините, Кэтрин.

Она нерешительно медлила на крыльце, казалось, пребывая на грани нервного срыва, словно ей хотелось вырваться из этого дома и решиться поехать со мной.

– Флитвуд, – окликнула она меня, и я оглянулась.

На лице ее отразилось страдание, словно то, что она собиралась сказать, причиняло ей острые мучения.

– Он говорил, что повезет кого-то в тот замок. Но я узнала, что это женщина, только увидев ее в карете. Так она была вашей повитухой?

– Да, Алиса, моя повитуха. Спасибо вам, Кэтрин. Спасибо за помощь.

– Вы не хотите остаться на обед? Выпейте хотя бы немного вина.

Я покачала головой, простилась и, быстро дойдя до конюшни, обнаружила, что моя лошадь еще пьет воду. Подождав, пока она утолит жажду, я отправилась той же дорогой в обратный путь. В голове теснилось множество тревожных мыслей, я пыталась осознать все последствия столь ужасного положения, и поэтому возвращение в Готорп заняло еще больше времени.

Спешившись во дворе, я озабоченно хмурилась, не выпуская из рук поводья. Что же я хотела взять из дома перед тем, как вновь отправиться в дорогу?

Ричард с Джеймсом расположились в большом зале, сидели, зарывшись в каких-то бумагах.

– Вы быстро вернулись, – заметил он, – как там поживает Кэтрин?

– Нормально, – рассеянно ответила я, – вы не видели Пака?

Ричард сообщил, что последний раз видел его в гостиной.

– Я собираюсь на прогулку, – заявила я.

– Разумно ли это?

– Да, так говорила Алиса, и до сих все ее рекомендации шли мне только на пользу. – Я выдержала его изучающий взгляд. – Вернусь через несколько часов.

К удовольствию на лице Ричарда явно примешивалось раздражение.

– Вы знаете, Джеймс, – бросил он управляющему, – я вот думаю, не пора ли нашему королю обуздать нравы женщин Ланкашира. Вы не находите, что в них проснулся бунтарский дух?

Мой муж пристально взглянул на меня, и в глазах его промелькнул злобный огонек. Тот же самый огонек я заметила в них в доме моей матери в тот момент, когда он решил, что имеет право приказывать мне, в первый раз за время нашей семейной жизни. Сейчас он, похоже, решил поупражняться в своей властности, потренировать, скажем так, мускулатуру, проверяя предел моей выдержки.

– Не знаю, господин, – рассудительно ответил Джеймс.

– Они ведь сумасбродны, не так ли? – спросил он меня.

– И также невинны и безобидны, – осторожно заметила я.

– И кому же дано право судить об этом?

Он продолжал смотреть на меня, а я дерзко улыбнулась и направилась к выходу, но он окликнул меня до того, как вышла из зала.

– Сегодня я еду по делам в йоркширский Рипон и к ночи не вернусь.

Я помедлила, держась за дверь.

– Когда же вы вернетесь?

– Завтра к вечеру или послезавтра утром. Но не волнуйтесь... Джеймс будет приглядывать за вами.

Я пошла искать Пака. Проходя мимо подножия лестницы, я внезапно так четко представила себе портрет моей матери на верхней стене этой башни, словно она сама стояла там и смотрела сверху на меня. Слегка вздрогнув, я вновь вышла из дома в холодное утро.

Глава 16

В Падихаме начался базарный день, оживленные жители высыпали из домов, деревня наполнилась криками торговцев и нестройными стонами испуганных животных. Я заехала на конный двор паба «Рука с челноком», едва заметив брошенные на нас с Паком любопытные взгляды. Я вошла с ним в зал и попросила полового с тряпкой в руках сходить за хозяином. Он удалился в тот самый коридор, куда не так давно проводили меня, еще до того как совет Алисы помог мне открыть глаза на мою семейную жизнь. Теперь мне хотелось бы закрыть их.

Вскоре появился уже знакомый мне розовощекий здоровяк с любопытным взглядом и гнилыми зубами.

– В прошлый раз, заходя к вам, я не представилась, – тихо сказала я, – меня зовут Флитвуд Шаттлворт. Я живу в Готорп-холле.

– Я знаю, кто вы, – ответил он вполне любезно, – а я Уильям Тэфнелл, владелец паба.

В этот момент взгляд его упал на стоявшего рядом со мной Пака, и он отскочил, точно укушенный.

– Госпожа, сюда не позволено заходить с собаками. Извините. Даже вам нельзя.

Я кивнула, оглядев зал и заметив очаг, который Алиса могла бы чистить, и столы, которые она могла бы протирать.

– Я не собираюсь надолго отвлекать вас от дел, мне лишь надо задать вам один вопрос, – сказала я, – вы когда-нибудь слышали о Джоне Фаулдсе или о его дочери Энн?

Он озадаченно посмотрел на меня.

– В Падихаме нет никого с таким именем. А ежели у него не отсохла рука, чтобы поднять кружку пива, то он не преминул бы заглянуть сюда.

– Говорят, в Колне есть еще постоянный двор. По-моему, он называется «Герб королевы»?

– Да вроде того, – осторожно ответил он.

– Полагаю, нуждаясь в работе, Алиса Грей перешла к вам оттуда.

– Ну да, мне присоветовал нанять ее мой свояк. Хотя больше она у меня не работает.

– А как зовут вашего свояка? Он владелец того постоянного двора?

– Питер Уорд, госпожа. Верно. Ежели он вам нужен, то вы найдете его там.

«Герб королевы» находился на окраине деревни, в нескольких милях выше по течению реки, и я представила, как Алиса помогала немощному и оцепеневшему Джону Лоу, растерявшему свой товар на здешней торговой дороге. Постоялый двор оказался совсем небольшим, не больше паба, и, едва переступив через порог, я узнала неизбывный пивной запах. Пивная была почти пустой, скамьи и столы чисто выскоблены, хотя служили постояльцам явно не один десяток лет, пол посыпан свежими опилками.

Я оставила Пака во дворе, привязав к столбу. В дверном проеме за барной стойкой стояла женщина с метлой, громко рассказывая кому-то какую-то историю. Сцепив руки перед собой, я ждала, когда она закончит. Женщина, видимо, почувствовала, что за ней наблюдают, повернулась и, увидев меня, вытаращила глаза и разинула рот.

– Что вам угодно? Могу я помочь вам?

Она оглядела меня с головы до ног, сжимая своими покрасневшими руками палку метлы.

– Меня зовут Флитвуд Шаттлворт. Я ищу господина Уорда, здешнего владельца.

Она с легкостью могла бы просто позвать его, но женщина быстро скрылась в дверном проеме, и до меня донесся ее взволнованный шепот. Чуть погодя оттуда вышел здоровенный толстяк с копной седых волос. Он был таким тяжеловесным, что от его шагов содрогался утрамбованный земляной пол.

– Чем могу?

– Господин Уорд, у вас служила Алиса Грей?

– Если бы я вставлял по перу в шляпу после каждого заходившего сюда человека, который спрашивал про Алису Грей, то уже стал бы похожим на петуха. Что там она еще натворила?

Меня удивили слова этого толстяка.

– Ничего не натворила. Я хотела узнать, где могу найти ее отца.

– Джо Грея? А что это вам от него понадобилось?

– Хочу поговорить с ним.

– Вряд ли он скажет нечто, достойное ваших ушей. – Я молча ждала. – Ну да, живет он в полумиле отсюда, всего-то и надо проехать по торговой дороге, потом, выбравшись из леса, свернуть направо и подняться по склону холма. А что, интересно, вам нужно от него?

– Это мое дело. Кто же еще интересовался Алисой?

– Ох... – он широко развел руками, – на той неделе заходил какой-то судья. Я спросил: «Вы уверены, что вам нужна именно эта женщина?» А до этого, лучше бы вам и не знать... одна грязная уродина, один глаз ее таращится в райские выси, а другой пялится в преисподнюю. Да еще ейная мать, визгливая, как свинья на скотобойне. Бог знает, чего они хотели от бедняжки.

– Вы имеете в виду старуху Демдайк? И Элизабет Дивайс?

– Как пить дать, Демдайк. А вы знаете, что ее прозвище означает Дьволица? Верите ли, в наших краях уже упекли за решетку целых две семьи, и все за колдовство... Дивайсов и старую Чаттокс с дочерью. Кое-кто говорил мне, что они, живя по соседству, отчаянно враждовали, однако же обе семейки связались с дьяволом. И та их девчонка все шастала тут несколько месяцев назад, выпрашивая про беднягу, его удар разбил по ее же проклятию. Вот уж поистине счастливое избавление от всего этого отродья скопом. Я сюда таких не пущаю... народ не захочет ко мне ходить, если узнает, что тут бывали ведьмы. Потому-то мне и пришлось отпустить Алису: они постоянно шлялись сюда по ее душу. А ведь она много лет тут у меня служила. Но вот, поди ж, стала отпугивать клиентов, опасно, стало быть, держать такую служанку.

– Поэтому вы уволили ее, – сухо заметила я.

– Так она ж сама вляпалась в дурную историю, и не важно, по дурости или по совести.

– А ведь она всего лишь помогла дойти сюда тому бедняге.

– Лучше бы не утруждалась. Этот постоялец не принес мне ничего, кроме несчастий. Все стонал и выл про собак в своей комнатухе, изводился проклятиями. Его самого надо было запереть в бедлам, но она упростила меня пустить его на постой.

Я окинула взглядом пустые столы и скамьи, полные бочки, готовые наполнить пивные животы отсутствующим завсегдатаям. Хозяину приходилось заботиться о популярности своего заведения, и в его словах была сермяжная правда, но он поступил плохо, уволив Алису, ведь тем самым подразумевалось, что она в чем-то виновата.

– Вы знаете Джона Фаулдса? – наконец спросила я.

– Ох, так вам еще и он нужен? Вот уж не везло ей с мужиками, нашей Алисе, что с ее престарелым папашей, что с этим Джоном Фаулдсом.

У меня на затылке зашевелились волосы.

– Простите?

– Да он захаживает сюда время от времени. Ну, раньше захаживал, до тех пор, пока... В общем, давненько не видел его. И не знаю, где он

обретается.

– Как давно вы его не видели?

Питер потянулся и почесал свой объемистый живот.

– Не так давно умерла его дочь. Сколько уж, Мэгги, минуло с тех пор? Должно быть, месяцев шесть или около того.

– Так он и Алиса...

– Ну, они хороводились, вроде как понравились друг дружке. Он-то раньше при жене был... да померла она. Она-то не раскрывала своих карт, а наша Алиса все больше отмалчивалась. Однако они так и не поженились. Жаль вас разочаровывать, но все одно Алису вам тут не найти. И ежели вы обратитесь к ее папаше, то он тоже вам ничего толком не скажет. Лучше уж попытайтесь в «Руке с челноком» что-то разузнать... теперича она работает там, в Падихаме.

– А как он выглядит? – Во рту у меня пересохло.

– Джон-то? Высокий такой, брюнет. Красавец парень, пока не зальет лишнего, верно, Маргарет? Я видел, как ты на него заглядывалась!

Маргарет закатила глаза к потолку и шлепнула его по плечу.

Значит, тогда в коридоре «Руки с челноком» Алисе угрожал именно Джон Фаулдс. Заявление о том, что Алиса убила его дочь, – полная ерунда. Был ли он ее любовником? Лицом его, конечно, бог не обидел, однако все его существо испускало флюиды ленивого распутства не менее ясно, чем солнце свои лучи.

Я вяло поблагодарила Питера и его жену, и, прежде чем сесть на лошадь, взглянула на оконца второго этажа их постоянного двора. Из какого же из них, подумалось мне, осторожно выглядывал тот несчастный торговец, Джон Лоу?

Боковая дорога, ведущая к окраине Колна, бежала между лугами, перемежавшимися рошицами. Вокруг щебетали птицы, их радостный хор звенел у меня в ушах, пока я медленно выезжала из деревни. Дорогу развезло, и копыта моей лошади слегка разъезжались в жидкой грязи. Тяжело дыша, Пак тащился рядом со мной, день выдался безветренный и ясный, и я представила, как Алиса ходила по этой самой дороге, такой же знакомой ей, как мне парковые аллеи Готорпа.

Я так мало знала о жизни Алисы, хотя сама она успела узнать обо мне достаточно много. Однажды она упомянула, что едва не вышла замуж, должно быть, имея в виду Джона. Ей очень не хватало любимой матери, и она нашла родственную душу в ее давней подруге, Канительщице. Алиса редко упоминала о своем отце, да и то без особой теплоты. Я знала лишь некоторые мелкие подробности, но они были подобны мазкам кисти по

краям картины: а центральный образ пока оставался не выявленным.

Дорога пролегла по лесистой местности, и среди этих огромных деревьев наш Готорп показался бы игрушечным домиком. Меня пробрала дрожь при мысли о том, что именно под их шелестевшими кронами Джон Лоу столкнулся с Элисон. Я упорно смотрела только вперед, и наконец могучие стволы с раскидистыми ветвями расступились, и, вновь увидев ширь зеленеющих лугов, я постаралась отделаться от смутного ощущения того, что за мной кто-то следит. Как и сказал Питер, справа поднимался холм, и на его склоне притулился приземистый, невзрачный домишко. К нему вела грязная дорожка, и я, управляя лошадью, побуждала ее обходить самые топкие лужи. Поднимающаяся над крышей струйка дыма быстро рассеивалась ветром. Эта глинобитная лачуга под соломенной крышей выглядела ненамного выше моего скромного роста, даже ниже, чем наша домашняя кладовка. Свет проникал внутрь через открытые ставни окошек, очевидно, не имевших никаких стекол. Вокруг домика тянулась низкая ограда, за ней на клумбах лежали подсохшие или сгнившие цветы. Несколько ярких головок выглядывали из сорняков, точно фонарики. Я вспомнила, как Алиса рассказывала об огороде своей матери, и подумала, что он, должно быть, находится где-то с задней стороны. На склоне холма этот дом выглядел на редкость уязвимым, нелегко, наверное, вырастить здесь целебные травы, открытые всем ветрам и дождям.

Я громко постучала в дверь, и она довольно быстро открылась. Джозеф Грей оказался старше, чем я ожидала: даже старше Роджера. Или, возможно, его старила бедность. Спина его сильно сгорбилась, и он, похоже, сам того не сознавая, пребывал в странном движении, хотя стоял на месте; видимо, его била дрожь, и рот тоже непрерывно двигался, словно он что-то пережевывал. Его золотистые и вьющиеся, как у Алисы, волосы, спускались к плечам. На лице поблескивали ясные голубые глаза, а тело напоминало обтянутый кожей скелет: одежда висела на нем мешком и выглядела так, словно ее надо было вымачивать в щелоче неделю.

– Мистер Грей? – сказала я, – Меня зовут Флит...

– Да знаю я, кто вы такая, – пробурчал он, – она ведь работала у вас, верно? Заходите. Видно, у вас есть что порассказать мне.

В доме было очень тепло: огонь посреди комнаты горел так весело, словно за окнами стоял декабрь, а не июль. Поднимающийся дым уходил в дыру, проделанную в середине крыши, и мне подумалось, что из-за этого отверстия в непогоду по их дому гуляет холодный сквозняк. С двух сторон от очага стояли кровати – одна не заправленная – земляные стены скрывались за тканями полотнищами, наверняка влажными и холодными

на ощупь. Помимо кроватей, скудную обстановку дополняли стол, два стула и буфет. Вокруг очага, на покрытом тростником земляном полу, стояли оловянные кружки, котелки и сковородки, ими явно часто пользовались, но редко чистили. Значит, Алиса и ее отец готовили, спали и жили в этом доме, полном дыр и щелей, сквозь которые со свистом проникал ветер.

– Вы небось пришли из-за клячи? – проскрипел Джозеф.

– Какой клячи? – удивилась я.

– Ну той самой, что вы дали Алисе. Хотя теперь-то вы ж получили ее обратно, а то нам тут и без того неприятностей хватает.

Я в недоумении смотрела на него.

– Вы говорите о той пропадавшей лошади?

– А то. – Его рот продолжал двигаться, даже когда он молчал, и я подумала, не жует ли он табак. – Я ж вернул тому типу все деньги. И, думаете, как она отблагодарила меня? Разоралась, злющая, как мегера.

Он доплелся до своей кровати и сел. Я осталась стоять у двери, с трудом переводя дух в этом томительно жарком доме. Джозеф облизал губы, взял с пола пивную кружку, обследовал ее содержимое и залил его в рот.

Так вот что случилось с нашей серой упряжной лошастью: отец Алисы продал ее. А ей удалось вернуть. Внезапно я почувствовала стеснение в груди и едва справилась с охватившим меня волнением. Однако, расправив плечи, я машинально пригладила юбки.

– Мистер Грей, я пришла сюда не из-за лошади. Что бы там ни было, теперь она опять у нас в конюшне. Я пришла потому, что Алису арестовал судья Роджер Ноуэлл, у него, видимо, сложилось впечатление, что она убила какого-то ребенка.

Он рассеянно пялился на языки пламени остекленевшим взглядом, но через пару мгновений поднял глаза на меня.

– М-да? – изрек он.

– Мистер Грей, ваша дочь попала в большую беду. Я сделаю все возможное, чтобы помочь ей, но, по-моему, вы должны знать об этих губительных обвинениях. Ее отвезли в тюрьму Ланкастера, где она будет содержаться до выездной сессии суда в следующем месяце, однако, надеюсь, до этого не дойдет. Я не допущу этого. Мистер Грей, вы слышите меня?

– Небось та лошадь вам и вовсе без надобности? Что для вас еще одна старая кляча? Почитай, у вас их там целая конюшня, стоят себе в ряд, точно солдаты, ожидая приказов. – Он отдал вялый салют и вновь опрокинул в

рот содержимое своей грязной кружки, хотя она уже явно должна быть пустой.

– Мистер Грей! Вы слышите меня? Вашу дочь обвинили в колдовстве и заперли в тюрьме. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Значится, – рыгнув, пробурчал он, – видно, пойдет по той же дорожке, что ейная мать.

Он чиркнул по шее пальцем.

Мой рот открылся в невольном изумлении.

– Ее могут повесить, а вас это не волнует? Разве вы не заинтересованы в том, чтобы помочь ей?

– Нет... интерес у меня есть... – Он растерянно умолк, и взгляд его вновь стал бессмысленным, – мне интересно, где взять еще эля? Уж она-то, значится, теперича мне его не принесет. А я уже стар, госпожа Как-Вас-Там...

Жара от этого едкого, ослепляющего огня действовала одуряюще, да и сам Джозеф вел себя так возмутительно и странно, что мне отчаянно захотелось немедленно покинуть его лачугу. Но я пришла сюда по важной причине и ради Алисы должна была все выдержать. Я осторожно направилась к незастланной кровати в самом сыром углу комнаты. Даже в большом амбаре Готорпа было уютнее и суше... неудивительно, что Алиса с такой легкостью согласилась поехать со мной в дом моей матери.

На кровати что-то лежало – какой-то тряпичный сверток, хотя, возможно, его притащила сюда их домашняя кошка. Я взяла эту влажную, непонятную вещицу – странная кукла, грубо сшитая из свалявшейся шерсти. Обернутая чем-то вроде носового платка, вещица имела форму человечка, набитого волосом, с головой, двумя ручками и ножками. К ней было что-то привязано, и, несмотря на ужасную дымную жару, я вдруг похолодела, осознав, к животу этой куклы привязан волосами ребенок. Черными волосами. Мне вспомнилось, как однажды мои выпавшие волосы исчезли с подушки. Я уловила легкий запах лаванды, но он тут же рассеялся. Мои глаза невольно наполнились слезами, и я положила куклу обратно на кровать.

– Мистер Грей, – сказала я, вернувшись к кровати, где он сидел, подергиваясь и бурча что-то себе под нос, – Алиса рассказывала мне о своей матери, Джилл. – Так и не дождавшись отклика или хоть какой-то перемены в его бессмысленно остекленевших голубых глазах, я продолжила: – Она очень сильно скучает по ней, безусловно, как и вы. Вашей семье уже пришлось потерять одного родного человека. Разве вы не готовы сделать все возможное, чтобы уберечь Алису от такой участи? Ведь,

кроме нее, у вас никого не осталось...

Голова мужчины резко поникла, словно он задремал. Его странный взгляд устремился на что-то, неведомое мне. Подобрав юбки, я с трудом присела на корточки.

– Ваша дочь поддерживала меня, и за последние месяцы оказала мне огромную помощь. Мне жаль, что я увезла ее от вас, – солгала я, – но мне хочется помочь ей. Она помогала мне, и теперь я должна ответить на добро добром.

От едкого дыма у меня уже начали слезиться глаза; может, Джозеф подумает, что я тронута до слез.

– Мистер Грей, – повторила я.

Его взгляд прояснился, и сам он внезапно сосредоточился. Его губы приоткрылись, и я уже подумала, что он наконец заговорит, но вместо этого он оскалился, показав все свои гнилые зубы, и я не сразу поняла, что он беззвучно смеялся.

– Они ить сжигают ведьм, верно? – прохрипел он, тыча пальцем в огонь.

– О чем вы говорите?

Я встала, еще больше встревожившись.

Теперь он указывал тем же пальцем на мои юбки.

– Они сжигают ведьм!

Пламя лизало подол моего платья. Пак начал лаять, а меня охватил такой дикий ужас, что даже в глазах потемнело. Выбежав из дома на свежий воздух, я принялась сбивать тлеющие язычки пламени. Огонь унялся, но не погас. В отчаянии я оглянулась кругом, ища хоть какую-то воду, и нашла у стены старую бадью, наполненную дождевой водой. Пак с лаем метался вокруг меня, и я резко опрокинула всю емкость, залив водой подол моего платья, у ног образовалась мутная лужа, но огонь потух.

Из лачуги по-прежнему доносился хриплый хохот Джозефа Грея. Я стояла, переводя дух, и Пак с угрожающим видом пританцовывал вокруг меня, словно отгонял невидимых врагов. Обдувающий меня ветер уносил тонкие темные ошметки моего испорченного платья. На рубиново-красных юбках зияла ужасная черная дыра. Не знаю, долго ли я простояла там, но Джозеф Грей так и не вышел, но зато я перестала дрожать и достаточно успокоилась, чтобы суметь забраться на лошадь. Мы понеслись легким галопом, и Пак мчался по нашим следам. Я не могла бы скакать быстрее, даже если бы убегала от самого дьявола.

В ту ночь я спала одна, и мою спальню посетил таинственный гость. Я проснулась, почувствовав, как руки моей коснулся теплый мех. Вокруг стояла непроглядная тьма, и я слышала лишь собственное дыхание. Некто весомый прошелся по моей кровати ближе к изножью. Затаив дыхание, я почувствовала, как таинственный гость, похоже, устраивался там поудобнее. Мне вдруг представилось, что в моей темной спальне маячит фигура Джозефа Грея, зажавшего в грязной руке уши убитого кролика.

Закрыв глаза, я постаралась успокоиться, замедлить биение колотящегося сердца. Ведь это всего лишь сон. Однако я точно знала, что не права.

В промежутке между двумя ударами сердца, я почувствовала, что с моих ног исчезла тяжесть, и уловила еле слышный звук... кто-то спрыгнул на пол. Пак для столь легкого и тихого приземления был слишком большим и тяжелым. Мои руки по-прежнему лежали на одеяле, я боялась даже пошевелить ими. Ребенок в животе начал пихаться, словно говоря: «Я тоже это чувствую».

Я ждала, затаив дыхание: либо больше ничего не случится, либо я умру от страха. Несмотря на темноту, я разглядела, как некто направился к двери и исчез за ней.

Вернувшись домой сегодня вечером, я украдкой, завернувшись в плащ, точно вор, вошла в дом и быстро поднялась к себе. Запихнув плащ в шкаф, я разыграла сценку с упавшей свечой, якобы подпалившей мое платье.

Для начала я принялась громко охать и ахать, и у меня получилось так достоверно, что я сама почти поверила в реальность несчастного случая.

Задув свечу, чтобы жар и запах от нее еще витал в комнате, я положила ее возле ног.

– Ах, мое платье! – вскричала я, когда в гардеробную вошла одна из горничных.

На миг она замерла с перепуганным видом; вероятно, подумала, что я потеряла ребенка. Потом помогла мне сесть, а я пыхтела и задыхалась, притворяясь испуганной, что не составило труда: в моей голове по-прежнему мелькали картины больших остекленевших глаз Джозефа Грея и моего подола, пожираемого язычками пламени.

Сон улетучился, я лежала, сдерживая эмоции и постепенно успокаиваясь, и мой ребенок тоже успокоился и заснул. Я задумалась о жизни Алисы. Кошмары приходили ко мне только во сне, когда мои глаза

закрывались, но Алиса реально жила в них. Из памяти всплыли слова ее отца: «Они ить сжигают ведьм, верно?»

Я попыталась представить детство Алисы, как она росла в том продуваемом сквозняками домике с таким странным отцом и доброй матерью. Да, теперь я познакомилась с двумя людьми из ее жизни, но вряд ли начала лучше понимать ее, девочку, не знавшую дня своего рождения, не умевшую произнести по буквам свое имя, но при этом обладавшую не по-женски развитым умом, знавшую свойства всех земных растений, да еще умевшую взмахом руки успокоить заартачившуюся лошадь.

Смежив веки, я помолилась о ее благополучии.

Глава 17

На следующее утро я проснулась перед рассветом, быстро оделась в полумраке, надеясь, что на пути к выходу не встречу никого из домочадцев. Открыв входную дверь, я выскользнула на крыльцо, тихо закрыла ее за собой и спрятала ключ. Начиналось очередное летнее утро, и в прошлом году – в другой жизни – я подумала бы, что оно замечательно прекрасно. Зевнув, я пригляделась к бодро шелестящим деревьям и решительно направилась к конюшне. Из большого амбара доносилось мычание коров, требующих кормежки, а за домом с тихим плеском вздыхала река. Теперь мне приходилось ходить гораздо медленнее, поэтому я стала замечать множество окружающих меня мелочей. Один из младших конюхов, уже приступив к дневным трудам, тащил по ведру в каждой руке, и я послала его оседлать мою лошадь. Когда он вернулся, я сказала, что у меня есть для него поручение.

– Будь добр, позже, когда я уеду, сходи в дом и найди Джеймса, скажи ему, что меня не будет целый день и что ему не обязательно передавать это господину, когда он вернется. И добавь, что если господин что-то узнает, то я спалю его драгоценные гроссбухи, и ему придется переписывать все по памяти. Сможешь запомнить?

Парнишка, его звали Саймон, вероятно, был всего года на три или четыре моложе меня, весело кивнул, обрадованный перспективой передать угрожающее сообщение вьедливому управляющему.

Я привязала к седлу пакет с едой, взятой с кухни и завернутой в салфетку – сдобренный медом хлеб, сыр, виноград и печенье на обратную дорогу, – и выехала на север еще до полного восхода солнца. Раз Ричард мог вернуться к вечеру, то мне тоже надо поспешить.

* * *

Спустя несколько часов меня порадовали виды оживленного и шумного города. Ясный, летний и весьма теплый день уже вступил в свои права, и подъем к замку по заполненным телегами и лошадьми улочкам проходил медленно. Подъезжая к замковой башне, я оглянулась и окинула взглядом Ланкастер, раскинувшийся в долине за крутой и извилистой улицей. Повсюду теснились дома, а вдали вздымались обрамлявшие их

зеленые холмы. Отсюда, с замкового холма, открывался отличный вид на окрестности. Не спускаясь с лошади, я подъехала к двум стражникам в шлемах и с мечами на боках, всем своим видом они напоминали экспонаты с доспехами из рыцарского зала.

– Я приехала навестить одну заключенную, – заявила я.

Они лениво разглядывали меня.

– Имя? – изрек один.

– Мое или заключенной?

– Ваше имя, – сварливо пояснил он.

– Флитвуд Шаттлворт из Готорп-холла, в окрестностях Падихама.

Стражник смерил меня взглядом, оценив и мой округлившийся живот. Чуть помедлив, он отправился к замку и скрылся в глубине разверстых ворот арочного свода. От долгой езды у меня ломило спину и горели мышцы ног, но я боялась, что если спешусь, то уже не смогу забраться в седло.

Как раз когда я начала сомневаться, вернется ли стражник вообще, он широким шагом вышел из ворот вместе с полноватым, более молодым брюнетом. Он выглядел весьма солидно, облаченный в черный камзол с серебряными пуговицами, застегнутыми на его упитанном животе, черные бриджи и мягкие черные башмаки. Над запястьями вздувались широкие рукава дуплета.

– Госпожа Шаттлворт? – вежливо произнес он. – Какая приятная неожиданность. Меня зовут Томас Ковелл. Я служу в замке коронером и кастеляном.

Я решила остаться в седле, чтобы сохранить выигрыш в росте.

– Господин Ковелл, я приехала навестить Алису Грей, если это возможно?

Видя, что в глазах его не мелькнуло и проблеска понимания, я продолжила:

– Ее недавно арестовал Роджер Ноуэлл, мой хороший друг. Я случайно оказалась в вашем городе и хотела бы... убедиться в ее благополучии.

Очевидно, желающие навестить узников не часто появлялись у ворот замка, поскольку к заинтересованности на лице господина Ковелла примешивалась настороженная подозрительность. В некоем молитвенном жесте он сложил кончики пальцев.

– Ах вот как... увы, к сожалению, нам не позволено пускать в замок посетителей, – его взгляд скользнул по моему животу, – тем более в определенном положении – это может вызвать волнение заключенных и не пойдет на пользу их поведению.

– Господин Ковелл, – мягко сказала я, – я проделала долгий путь... более сорока миль, – его лицо оставалось безучастным, и два стоявших по бокам от него стражника невозмутимо глазели вдаль, – мой муж, Ричард Шаттлворт, будет очень разочарован, услышав, что мне отказали в столь незначительной просьбе, особенно учитывая, что не минуло еще и пятнадцати лет с тех пор, как его покойный дядюшка, сэра Ричард, сделал щедрые пожертвования в казну короны, будучи главным судьей Честера, посвященным в королевские рыцари. И я сомневаюсь, что мой покойный родственник принял бы как должное то, что жену его племянника отказались впустить в замок. Мне не хотелось бы упоминать, что отказ удовлетворить столь невинную просьбу определенно будет иметь серьезные последствия.

Явно озадаченный, господин Ковелл открыл было рот, но закрыл его, так и не найдя с ходу уместных слов.

– Как, вы сказали, зовут интересующую вас заключенную? – наконец спросил он.

– Алиса Грей. Ее доставили сюда не далее чем два дня назад.

Томас Ковелл вновь невозмутимо уставился на меня, оценивающий взгляд коронера скользнул по моей шляпе и задержался на кольцах. В итоге его двойной подбородок всколыхнулся от тяжелого вздоха.

– У вас будет всего пара минут. Я прикажу одному из тюремщиков сопровождать вас.

Итак, я прошла под сводами надвратной башни, так же как пару дней назад Алиса и как в будущем будут проходить еще множество людей.

В этот замок можно было проникнуть и, соответственно, покинуть его, только через эти входные ворота.

Свою лошадь я привязала у ворот за постом стражников. Тощий одышливый тюремщик с заостренным, как у крысы, лицом сопровождал меня по замковому двору, но мы направились не к главному зданию, как я ожидала. Мы проследовали направо вдоль внутренней стены к скоплению каких-то лачуг и каменных надворных построек. Мой спутник вышагивал с важным видом, высоко вскидывая ноги, такая манера ходьбы давалась ему с трудом, однако он всеми силами пытался не показывать этого.

– И на кой ляд, хе-хе, сдалися вам энти ведьмы? – словоохотливо спросил он.

Пропустив его вопрос мимо ушей, я разглядывала высокие каменные стены, даже сейчас, теплым летним днем, от них веяло холодом. Совершенно неожиданно мы вдруг остановились около низкой арки у подножия одной из башен, забранной железной решеткой. Однако этот

проход вел не за стены замка – темнота за решеткой означала, похоже, что за ней начинался спуск в подземелье.

– Почему мы остановились? – хмуро спросила я.

– Дык это ж та самая Отстойная башня, – ележно улыбнувшись, поведал мой сопровождающий.

– Не поняла. Ведь Алиса Грей в ожидании суда должна содержаться в тюремной камере. Так не могли бы вы проводить меня к ней?

– Не, тама их не держуть.

Он показал на низкую арку. За решеткой было так темно, что я догадалась, почему это место назвали Отстойной башней – взгляд упирался в зияющий провал глубокой шахты отстойника. Я сумела разглядеть лишь две первые ступени лестницы, все остальное скрывала черная завеса. Тюремщик снял с пояса увесистую связку ключей и, пока он раздумывал, какой же из них выбрать, до меня постепенно начал доходить полнейший ужас того, что мне предстоит увидеть. В подземной дыре за этой решеткой находилась моя подруга. Мне еще не приходилось бывать в тюрьмах, и я не знала толком, как может выглядеть тюремная камера, однако там явно не будет никакой камеры. Там находилась темница. Солнце, казалось, погасло; жара и свет остались где-то далеко, и я задрожала, глядя на вход в адский провал. Из-за решетки донесся странный звук, и я вдруг узнала в нем чириканье какой-то птицы. По верхней ступени прыгал дрозд, пойманный в ловушку этой решеткой. Хотя он мог бы сам пролезть через прутья, но, похоже, предпочитал дожидаться официального освобождения.

– Чертова безголовая свистулька, – проворчал тюремщик, отпирая и распахивая решетку, – уматывайся отседа.

Он угрожающе шагнул к птице, и тогда, взмахнув крыльями, она пролетела мимо нас на свободу. Привалившись к холодной каменной стене, я постаралась успокоиться.

– Да, чего ж теперича пужаться. Вы ж туда вроде хотели зайти.

Хотела... Нет, мне вовсе не хотелось спускаться туда, даже ради Алисы. Но придется, и в общем, в отличие от нее, я уж точно смогу выйти обратно.

Стоя на верхней ступени, тюремщик опять закрыл решетку, и когда ключ с лязгом провернулся в замке, мои натянутые, как струна, нервы дрогнули, и в голове вспыхнул ужас. Темнота передо мной казалась такой густой и плотной, словно мне предстояло спускаться по ступеням в черную воду. Лестница уводила в глубину земли, и когда она закончилась, мы оказались перед другой массивной дверью, хотя скудный свет не позволял сказать, из чего она сделана, из дерева или из железа.

– Стойте подальше, – проскрипел он, вставив очередной ключ в нижнюю дверь, – иначе запашок, не ровен час, сшибет вас с ног.

Я поднялась на несколько ступеней, стук моих паттенгов эхом разнесся по шахте, отдаваясь от каменных стен. Исчезнув за дверью, тюремщик что-то рывкнул и после минутного промедления в тускло освещенном проеме у подножия лестницы появилось бледное лицо, и хрупкая фигура выскользнула из этого узкого прохода.

– Алиса.

К стыду своему, я вдруг заплакала: я, в прекрасной одежде, наевшаяся сыра с хлебом и знавшая, что за стенами замка меня ждет лошадь. Она не плакала. Я не видела ее всего два дня, но, казалось, что прошли годы: она изменилась почти до неузнаваемости. Ее узкое лицо стало бледнее луны, а под глазами залегли черные тени. Она сильно прищурилась, словно ослепленная тусклым лестничным светом. Ее грязное платье выглядело влажным, чепец тоже покрылся грязными потеками. Спереди юбку покрывали темные пятна крови, и сзади пониже спины наверняка тоже.

Ничего не говоря, она вяло, явно обессилив, привалилась к стене. Появившийся рядом с ней тюремщик начал закрывать дверь, и я услышала, как ему вслед понеслись возмущенные крики и вопли, видимо, из-за того, что он опять полностью лишил заключенных света. Он оказался прав: запах был умопомрачительный. Раньше от Алисы исходил запах лаванды, она мыла руки в фарфоровой чаше, а сейчас жила в подземной помойной яме.

– Кто еще там сидит? – прошептала я.

– Да все скопом, – прохрипел тюремщик, – почитай, что все ведьмы дожидаются тама судилища.

– Сколько человек? – спросила я Алису.

– Не знаю, – прошептала она, – там слишком темно, ничего не видно.

Она говорила с трудом, язык еле ворочался в пересохшем рту. Золотистые радужки исчезли, зрачки глаз напоминались два черных провала.

Я проехала ради встречи с ней много миль, а теперь не могла придумать, что сказать. И вдруг мне подумалось, что ради ее освобождения я могла бы пожертвовать своим еще не рожденным ребенком.

Тюремщик разочарованно поглядывал на нас.

– Ну что, повидались и будет? Вам, что ли, и сказать нечего?

– Вас кормят? – спросила я.

– Немного, – прошептала она.

Когда тюремщик отвернулся, перебирая свои ключи, она отрицательно

покачала головой.

– Я помогу тебе.

Эхо разнесло мои слова, к сожалению, они прозвучали как-то по-детски жалобно.

– Они привезли сюда и Кэтрин, – прохрипела она.

– Кого?

– Кэтрин Невитт. Подругу моей матери.

И тут она заплакала.

Канительщица – тоже повитуха, напарница ее матери. Я вспомнила, как давно, в другой жизни, она рассказывала мне о ней в теплой верхней комнате дома моей матери.

– Это моя вина, – простонала я.

– О чем вы говорите? В чем же тут ваша вина?

– Ну хватит, – неловко пробурчал наш невольный свидетель.

Я повернулась к нему.

– Не могли бы вы дать нам немного поговорить наедине? – спросила я.

– Уйтить, что ли? Так ить не положено.

Порывшись в складках юбки, я достала кошель.

– Вот. – Я протянула ему монету, и он схватил ее, точно изголодавшаяся собака кость. – Можете выйти и запереть нас, просто вернетесь, когда я позову. Не уходите далеко. Пошатываясь и сипло дыша, он удалился вверх по лестнице, лязгнула верхняя решетка, и в замке повернулся ключ. Его фигура на мгновение лишила нас света, и лишь когда он отошел от решетки, я вновь увидела Алису.

– Пошли, – сказала я, уже поднимаясь по лестнице, – тебе нужно хоть немного побыть на свету и подышать свежим воздухом.

Она последовала за мной, и мы сели рядом на верхней ступени, опираясь спинами на входную решетку. Я еле дышала, стараясь не обращать внимания на исходящее от нее зловоние: к застарелым запахам пота, блевотины и засохшей крови примешивалось нечто еще более отвратительное. Я даже не представляла, что так может пахнуть от человека, но почему-то мгновенно узнала источник этого запаха. Алиса уже перестала плакать, но слезы оставили две чистые дорожки на ее грязном лице.

– Расскажи мне о Кэтрин, – мягко предложила я, взяв ее за руку.

– Ее обвинили в том же, в чем и меня. Но во всем виновата я... она ничего не сделала.

– Алиса, ты должна рассказать мне все. Почему вас обвинили в убийстве дочери Джона Фаулдса? Ведь именно с ним ты разговаривала в

«Руке с челноком», верно?

Она кивнула и провела по губам сухим языком.

– Я любила его, – еле слышно произнесла она, – и любила Энн. Любила их обоих. Мы с Джоном жили... вместе. Он часто заходил в «Герб королевы», там я и познакомилась с ним пару лет назад. У него была дочь, а жена его умерла. Он казался таким забавным и добрым. Поначалу я думала, что мы поженимся. Энн еще не было и двух лет, когда мы познакомились. Я обычно присматривала за ней, когда он уходил на работу. Она была как ангелочек с пухлыми щечками, а ее кудрявые золотистые волосы никак не желали ложиться ровно, сколько бы их ни причесывали.

Алиса погрузилась в воспоминания, и по лицу ее блуждала легкая улыбка. Потом лицо омрачилось, и она шмыгнула носом.

– Джон сказал, что после смерти своей жены больше не сможет жениться. Говорил, что потеря для него слишком мучительна. Поэтому я не бросила его, и мы продолжали жить с ним, как будто были женаты. Из-за этого мой отец, в общем, отрекся от меня. Называл меня шлюхой. Говорил, что никто не возьмет меня в жены, что я годна только на то, чтобы служить подстилкой пьяному Джону. Но я была счастлива вместе с Джоном и Энн. Мы жили как маленькая семья. – Она судорожно вздохнула. – Потом он начал приходить домой все позже и позже. Мы с Энн подолгу оставались одни. Почти все время. Джон пропадал либо на работе, либо в пабе, а я сидела дома, как его кроткая женушка. Я обманывала себя.

Она подвинула к себе ноги и обхватила руками колени. Я вновь обратила внимание на кровавые пятна на ее юбке, на ее грязные, выбившиеся из-под чепца волосы. Мне отчаянно захотелось вымыть ее в ванне, одеть на нее чистую ночную рубаку и уложить в кровать, как ребенка.

– Даже когда все начали судачить о том, что он развлекается с другими женщинами, я не верила никому. Так мы и жили, но постепенно он становился все более сварливым и прижимистым, и нам с Энн приходилось жить на мое жалованье, поскольку все свои деньги он тратил на выпивку. А потом у девочки начались эти припадки... не знаю, как вы их называете. Она вдруг словно застывала, у нее закатывались глазки, а язык распухал. Я подумала, что она так делает из-за того, что скучает по папе. Но он не поверил мне, когда я рассказала ему. Подумал, что я все придумала, чтобы он сидел дома. Я перепробовала все возможные лекарственные травы и растения. Обратилась за помощью к Кэтрин, но даже она не смогла ничем помочь. Вообще девочка выглядела здоровой, только иногда вдруг с ней что-то случалось... словно какой злой дух вселялся в нее и принимался

душить.

Однажды мне пришлось уйти на работу и оставить Энн дома одну. Джона мне найти не удалось. Но он говорил, что вернется к нужному времени. А я боялась потерять работу.

Из глаз ее опять заструились слезы. Лицо стало очень печальным.

– Я еще любила его. Продолжала любить, даже когда он перестал приходить домой. Хотя, если бы у нас не было Энн, все могло бы пойти по-другому. Мне было бы легче бросить его. Так или иначе я ушла на работу и попросила Кэтрин присмотреть за Энн. И вот вскоре она прибежала, крича: «Алиса, Алиса, пойдём скорее, тебе надо скорее бежать к ней». И мы бросились к дому Джона, а там малышка... – Алиса уткнулась лицом в колени, – мне нельзя было оставлять ее одну.

Я обняла Алису, ощутив под рукой хрупкие худенькие плечи. Я росла и полнела, а она исхудала и съежилась. Мое сердце разрывалось от боли. Но не такую боль я испытывала, обнаружив Джудит. Тогда меня раздирала ярость и злость, а сейчас – только ощущение острой печали.

– Вы ничего не могли сделать, – прошептала я, прижимаясь к ней щекой.

Наши слезы смешались, сбегая к губам. И я почувствовала соленый привкус... наших горьких слез. Плечи ее дрожали под моей рукой, но постепенно она успокоилась.

– Наверное, именно поэтому мне так хотелось помочь вам, – тихо сказала она, – я думала, может, если смогу помочь вам сохранить ребенка, то это в каком-то смысле будет... – Она умолкла, не зная, как лучше объяснить свою мысль, и добавила: – Раз мне не удалось спасти одного ребенка, то я подумала, что если помогу выжить другому, то...

– Если у меня родится девочка, то я назову ее Алиса-Энн.

Она не улыбнулась, но в глубине ее глаз промелькнул легкий оттенок радости.

– Я думала, вы хотели двух мальчиков.

– Хотела. – Я опустила взгляд на наши юбки – блестящая бледно-желтая тафта сливалась с грязной бурой шерстью, я вновь взяла Алису за руку. – И желание осталось неизменным.

– Там внизу такая жуть, – прошептала она, – точно в преисподней. Ни зги не видно, и от этого кажется, что всех нас затягивает в какую-то вращающуюся бездну. Одна женщина уже умирает. Старуха Демдаик. До суда, видать, не доживет. Нам даже еду не приносят.

Закрыв глаза, я вспомнила о том, что уже успела съесть с утра. И даже не подумала...

– Я вытащу тебя отсюда, – сказала я, – обещаю. Я спасу тебя.

Слезы опять полились по ее щекам.

– Я понимаю, чего это все вам стоит, – прошептала она, – не надо, вы и без того уж слишком многим пожертвовали из-за меня.

– К черту то, что мне это будет стоить.

Произнеся эти слова, я почувствовала, как пошевелился мой малыш, и мгновенно осознала, что пока мы все трое живы – Алиса, малыш и я, – но очень скоро может наступить день, когда нас уже не будет, и никому не известно, кто из нас выживет. Нас связала невероятно страшная судьба, и впервые с предельной ясностью я осознала, что мы все в равной мере отчаянно необходимы друг другу для выживания.

– Я спасу тебя, – вновь повторила я, сжав ее пальцы.

Слегка ответив на мое пожатие, она убрала руку и печально глянула на меня, ее яркие золотистые глаза затуманились.

– Вам удалось спасти собаку от медведя, но меня так просто не выкупишь.

– Я спасу тебя от смерти, так же как ты обещала спасти меня. Ты будешь жить.

– И Кэтрин? – прошептала она.

– И Кэтрин.

В этот момент из-за закрытой нижней двери раздался жуткий истошный крик, и мы обе вздрогнули. Отчаянные вопли продолжались, и чуть позже дверь внизу задрожала под множеством кулачных ударов. Мы с Алисой вскочили на ноги и увидели, что тюремщик уже подбежал к решетке и неловко возится с замком.

– Из-за вас, что ли, они взбунтовались? – спросил он.

– Что там за бардак? – вторил ему другой голос.

К нам уже приближалась целая группа надзирателей. Решетка с лязгом открылась, и в мое плечо железной хваткой вцепилась чья-то рука. Нас с Алисой грубо оттащили друг от друга, и через мгновение я оказалась в замковом дворе, а ее увели обратно в темное подземелье.

– Алиса! – крикнула я. – Я вернусь! Вернусь!

Злобный, как пес, охранник уже уводил меня к входным воротам, но я услышала еще, как открылась дверь подземелья, и вопли стали еще громче:

– Она померла! Она померла! Померла!

Крики разлетались, точно вороны над лесом, но не затихали, опускаясь на землю, а, отдаваясь эхом от замковых стен, возносились к небеса.

* * *

Перед долгой дорогой домой я заехала в Ланкастере на постоянный двор и заказала трех жареных цыплят, двадцать мясных пирогов, по два галлона эля и молока, чтобы отправить все это заключенным в подземелье. В сопровождении четырех носильщиков, которые несли угощение и катили бочки вверх по склону, я вновь вошла в замковый двор и убедилась, что все тот же одышливый тюремщик перетаскал все по крутым ступеням в подземелье и вернулся с пустыми руками. Перед уходом я позолотила им руки, выдав еще по монете тюремщику и двум явно бедствующим стражникам. Напоследок я добавила, что еще вернусь, но они улыбнулись мне с каким-то умудренным видом.

Глава 18

На следующее утро, спустившись к завтраку, я увидела, что на крыльце столпились слуги. Перед ними стоял простоволосый Ричард, и мне пришлось локтями прокладывать себе путь в толпе. Внезапно я осознала, что все взгляды устремлены вниз. И в ужасе отступила, увидев под ногами растерзанного сокола Ричарда. Эта птица со сложенными крыльями и остекленевшими, незрячими глазками, словно принесенная кем-то в жертву, лежала на верхней ступени в лужице собственной крови. Слуги кружили рядом с ней, словно стайка мух над гниющим мясом, поэтому я велела им разойтись по своим делам. На лице Ричарда застыло выражение печали и гнева, но я знала, что первое чувство скоро победит второе, поэтому решительно отправила их в дом и закрыла дверь.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросила я.

– Нет, но когда узнаю, то убью, – напряженно, но тихо произнес он.

Я дала ему время оправиться от потрясения, сама внезапно вспомнив о крови, блестящей на тушках растерзанных кроликов, которых я обнаружила в лесу много недель назад.

– Может, один из наших арендаторов? Вы, случайно, не ссорились недавно с кем-то из них?

Он отрицательно покачал головой, не отрывая пристального взгляда от несчастной твари. Он опустился рядом с ней на колени, а я смотрела на его узкие, поникшие от горя плечи, на взлохмаченные влажным ветром волосы, и на меня вдруг нахлынула мощная волна любви. Однако к ней примешивались и другие чувства: отчаянного и прежде неведомого мне стыда из-за того, что он мог испытывать столь сильную жалость не к моей или Алисиной судьбе, а только к этой убитой твари. У меня возникло желание оставить его здесь на ступенях крыльца и отправиться в столовую, где уже подали завтрак, но у меня вдруг появилась другая идея. Я велела служанке принести купальную простыню и опустилась на колени, чтобы завернуть в нее тушку. Ее вид не взволновал меня – на охоте я видела много смертей. Однако кое-что привлекло мое внимание, заставив помедлить: к ранкам прилипли несколько тонких рыжих волосков. Сложив простыню, я осторожно завернула в нее птицу.

Небеса разверзлись, когда мы пересекли лужайку. Проливной дождь поливал наши печальные фигуры, пока мой муж хоронил свою птицу за амбаром в укромном местечке на речном берегу. Струи дождя сбегали по

шее мне за шиворот, пропитывая платье, и ребенок принялся недовольно брыкаться. Когда мы вернулись в дом и Ричард стащил свой промокший камзол, я прижала ладони к его лицу. Волнистые волосы облепили его красивую голову, ресницы влажно поблескивали. Серые глаза лучились пылким огнем.

– Ричард, – тихо сказала я, – мне необходима ваша помощь.

* * *

Я долго и тщательно переодевалась, и в заключение украсила шею бархаткой с пышной жемчужиной, налитой и блестящей, словно персик – подарок Роджера на Рождество. С нашей последней встречи мои щеки успели слегка округлиться. После легкого пощипывания они достаточно разрумянились, и я подушилась розовым маслом, нанеся его на запястья, за уши и в ямочку на шее. Снизу донесся звук шагов, но я еще пару минут внимательно разглядывала себя в зеркала, поправляя воротник, приглаживая волосы и пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. С удовольствием отметив, что руки мои перестали дрожать, я мысленно произнесла молитву.

Я услышала басок Роджера еще до того, как увидела, как он живо рассказывает Ричарду одну из своих историй. Они устроились в столовой, и, прежде чем войти туда, я помедлила у двери, сделав глубокий вдох. Он выглядел как обычно – начищенная обувь, широкие рукава дуплета, сверкающие кольца. Сегодняшняя дружеская встреча выглядела, как любая другая из множества ей подобных, однако едва я увидела его, мне мгновенно вспомнилось мое последнее возвращение из дома матери. И внутренний голос подсказал мне, что следует быть крайне осторожной.

– Госпожа Шаттлворт, – радушно произнес он, изящно склонив голову.

Приблизившись, я поцеловала его, изо всех сил стараясь выглядеть такой же непринужденной и благожелательной, как в более ранние встречи. Со времени ужина в Рид-холле произошло множество драматических событий, и даже странно, что ни одно из них, казалось, ничуть не омрачало его беззаботной улыбки и сияющих благодушием глаз.

– Вы прекрасно выглядите, – спокойно заметил он.

– Благодарю вас. Не желаете ли вина?

– Я всегда желаю вина, если угощают.

Подойдя к столу с раздвижной доской, я налила вина, и вдруг мой взгляд упал на панели над камином. Вокруг инициалов Ричарда

поблескивала пустая отполированная поверхность.

– Тауэр опустел, – продолжил разговор Роджер, – я говорил ему, что представляю, как трудно будет потом найти арендатора.

– Я могу спросить местного бейлифа, – предложил Ричард.

– Какой тауэр? – спросила я, вернувшись и подавая вино.

– Малкинг-тауэр, – ответил Роджер.

Я постаралась изобразить легкое удивление.

– А что там такое?

– Дом Дивайсов, поблизости от Колна. На редкость странное местечко.

Слово «тауэр» предполагает нечто грандиозное, хотя бы какую-то башню, а на самом деле там торчит из земли какой-то гриб, типа ночлежки для червяков. Видели бы вы этот круглый в плане каменный домишко с единственной нижней комнатой, причем в верхнюю спальню надо карабкаться по шатким и прогнившим, пристроенным к стенам лестницам. Но они еще долго не будут жить там... а пустует дом уже, пожалуй, больше месяца. И, учитывая, что констебль Харгривз обнаружил там в подполье зубы и глиняных кукол, будет удивительно, если кому-то теперь вообще захочется поселиться там.

Вскоре нам подали запеченую говядину и сырны пироги с олениной, и тогда за столом воцарилось молчание. Роджер пожирал блюда голодным взглядом.

– Знаете, Флитвуд, – наконец произнес он, наливая себе подливу, – на днях мой знакомый видел вас в Ланкастере. Что, интересно, вы там делали?

Не сводя взгляда с куска мяса, я продолжала спокойно нарезать его на кусочки.

– Заезжала присмотреть кое-какие ткани, – ответила я.

– Не поленились доехать аж до Ланкастера? Должно быть, вам понадобилась какая-то исключительно модная ткань.

Я улыбнулась и слизнула соус с пальца. Роджер всегда узнавал новости раньше всех: несомненно, он уже успел побеседовать со стражниками или с Томасом Ковеллом, и они подтвердили, что я побывала там.

– Я также заглянула в замок, – небрежно добавила я, – подумала, что мне разрешат повидать мою повитуху.

Я мельком взглянула на Ричарда. Мне показалось разумным опередить Роджера и честно рассказать ему о своей поездке, и теперь я порадовалась своей предусмотрительности, хотя его совсем не утешало то, что проехала за день почти восемьдесят миль. Но я напомнила ему совет Алисы на сей счет. Она ведь говорила, что если я привыкла к верховой езде, то она для меня более безопасна, чем пешая прогулка, в общем, по крайней мере, мне

удалось успокоить его душу.

Не поднимая глаз, Роджер проткнул ножом кусок мяса. Естественно, он знал об этом.

– Но чего ради вам вздумалось навещать ее? – В его низком голосе прозвучал оттенок угрозы.

Отодвинув тарелку, я извлекла из-за пояса носовой платок и приложила его к глазам.

– Я очень плохо себя чувствовала, – слабым голосом ответила я, – меня так беспокоило мое состояние и здоровье моего ребенка... вот мне и понадобился ее совет.

– И в округе сорока миль не оказалось ни одной другой повитухи, способной помочь вам?

– Алиса показала себя на редкость сведущей акушеркой... лучшей среди известных мне, – убрав платочек от глаз, я кротко взглянула на него, – прежде мне ни разу не удавалось так успешно вынашивать ребенка, и, безусловно, именно благодаря заботам Алисы. Роджер, мне скоро предстоит рожать, – продолжила я, – если бы вы только сочли возможным, ради меня и моего ребенка, разрешить Алисе пожить под надзором здесь, в Готорпе? Мне очень страшно без нее. Ричард? – Я глянула на него, умоляя взглядом сыграть свою роль.

Помедлив, Ричард облизнул губы.

– Да, Флитвуд была очень слаба, – тихо заметил он, – вы же сами видели ее. Она едва могла есть. Волосы выпадали горстями. А сейчас она впервые выглядит значительно лучше. Алиса, разумеется, предстанет перед судом в следующем месяце, но мы могли бы содержать ее здесь под замком. Она никуда не сбежит.

– А как вы можете гарантировать это?

– Так же, как вы можете гарантировать охрану Дженнет Дивайс, ведь она, видимо, по-прежнему живет в Рид-холле, – сказала я.

– Дженнет Дивайс не обвиняется в убийстве, – невозмутимо возразил Роджер, вновь взявшись за нож, – неужели вы хотите принять в доме ведьму, убившую ребенка?

– Она не... – шепотом начала я, но Ричард предостерегающе глянул на меня, и я умолкла.

– Нет, это невозможно, – заявил Роджер, продолжив трапезу.

Как же я ненавидела его в этот момент. Он напоминал игривого кота: прижимая сильной лапой хвостик мышки, он давал ей немного побегать, но в итоге, наигравшись, добивал ее. Роджеру нравилось позволять людям обхаживать его, убеждать и умолять, позволять им думать, что у них есть

шанс, хотя на самом деле он никогда не менял принятых решений.

– По-моему, вам, друзья, не удалось понять всей серьезности обвинений против пенделских ведъм, – продолжил он, – колдовство заслуживает наказания и карается смертью, но в целом их преступления более серьезны. Они не только практиковали колдовство, их деяния приводили к смерти и безумию множества людей. Они представляют опасность для общества. Как отнесется король к просьбе помиловать их до суда? Нет, сие не допустимо.

Он смахнул со своей седой бороды капли соуса.

– Что побуждает меня сделать следующее замечание, – добавил он, на сей раз взглянув непосредственно на меня, – совершенно бесполезно пытаться вновь посетить замок, поскольку вас туда больше не пустят. Посетители приводят заключенных в возбуждение, а что до вашего... состояния... – он неопределенно взмахнул рукой, – оно просто довело их до безумия. Вскоре после того, как вы прорвались в Отстойную башню и для вас открыли дверь в подземелье, умерла одна женщина.

– Вы же не подразумеваете...

– Я ничего не подразумеваю, – сверкнув глазами, резко прервал меня Роджер, явно охваченный яростной злобой, – но предупреждаю, не смейте больше приближаться к замку. Если вы все-таки попытаетесь проникнуть туда, то можете не выйти обратно.

Мой нож с лязгом упал на тарелку. Я глянула на Ричарда, он с несчастным видом гонял по тарелке обрезки жира. Увы, он не осмелится бросить вызов Роджеру; я так и знала. А я нуждалась в его помощи. Пытаясь скрыть дрожь, я откинулась на спинку стула и опустила руки на колени.

– Вы имеете в виду, что меня тоже запрут в тюрьму?

– Именно так. Без малейших оговорок: в вашу пользу говорит лишь фамильное преимущество. Если бы вы не жили под защитой этого дома и вашего мужа, то разве вам позволили бы беспрепятственно разъезжать по графству, проводя нелепые расследования? Что бы вы там ни думали, Флитвуд, вы не представляете никакой угрозы отправлению правосудия. Однако, если вы полагаете, что неподвластны тискам кандалов, то глубоко заблуждаетесь.

На сей раз Ричард вмешался.

– Роджер, умерьте же свой пыл.

Я похолодела, но Роджер еще не закончил.

– Одна из обвиняемых является матерью Майлза Наттера. Она тоже богатая женщина. Утонченная и уважаемая дама. Землевладелица с

образованными сыновьями. Сложность в том, что она проклинает соседей, и они падают замертво.

«Если бы было так просто убить вас, то я бы так и сделала», – подумала я, но ничего не сказала.

Роджер слегка подался вперед, похоже, собираясь нанести свой фатальный удар.

– На самом деле Дженнет сообщила мне, что вы напомнили ей ту самую госпожу Наттер. Девочку всегда можно уговорить постараться вспомнить, кто еще присутствовал в Малкинг-тауэр на ужине в Страстную пятницу.

Он уставился на меня тусклым немигающим взглядом, и я впервые осознала, кому посмела бросить вызов. Прежний Роджер, мой по-отечески добрый друг, который обедал, охотился и играл с нами в карты, бесследно исчез; его место занял бывший шериф, магистрат, мировой судья.

– Достаточно, – воскликнул Ричард, с тошнотворным треском вонзив нож в столешницу.

Мы все вздрогнули, и Роджер откинулся на спинку стула. Мне еще не приходилось видеть Ричарда таким разгневанным.

– Я не желаю больше ничего слышать об этих делах.

Он вытащил нож из дерева и вновь принялся за еду.

– Сегодня во второй половине дня я еду в Йорк на разбирательство с Дженнет Престон, – уже спокойно произнес Роджер, – те же судьи придут в августе на ассизы в Ланкастер: сэр Джеймс Элтэм, весьма сведущий и осмотрительный судья, и сэр Эдвард Бромли. Ричард, вы знакомы с Бромли?

Ричард, гневно сжав челюсти, не удостоил его ответом. Но Роджер, казалось, ничего не замечая, продолжил:

– Он доводится племянником бывшему лорду-канцлеру, в свое время надзирававшему за отправлением казни шотландской королевы. И он, кстати, оправдал Дженнет Престон на недавней Великопостной сессии.

Он громко отхлебнул вина из бокала.

Мне вспомнилось, как раскричался сидевший рядом со мной на ужине в Рид-холле Томас Листер при упоминании Дженнет Престон; значит, ему удалось за несколько месяцев опять привлечь ее к суду. Но раньше ведь один из судей уже признал ее невиновной; и он мог сделать это снова.

– Сколько времени осталось до суда в Ланкастере? – спросила я Роджера.

– Три или четыре недели. Надеюсь, вы оба пожелаете занять места на галерее? Пожалуй, дело там будет позабавнее, чем бывало на вечернем

представлении в театре «Роза»^[25].

Позднее, когда мужчины удалились рассматривать новое ружье Ричарда, я долго стояла у окна, обдумывая новости. Старуха Демдаик умерла. Завтра Дженнет Престон будут судить за колдовское убийство. Но Алиса пока жива, до суда в Ланкастере еще есть время, и, возможно, мне все-таки удастся спасти ее.

* * *

На следующее утро я отправилась на поиски Малкинг-тауэр. День для июля выдался холодный, и я, выехав в своем дорожном плаще, уже сильно вспотела, слушая звеневший в ушах голос моей матери:

«Флитвуд, вы ведете себя нелепо. Флитвуд, вы выставяете вашу семью на посмешище».

Мои мысли перенеслись в те тихие и светлые дни в ее доме – где я чувствовала себя уютно и спокойно, хотя даже не представляла, что такое возможно. Источником моего спокойствия стала Алиса. Если бы каждый вечер мне приходилось сидеть в кислой компании матери, вышивая или читая библейские премудрости, я сошла бы, наверное, с ума. Нет, и как только я могла подумать такое? Что действительно способно свести с ума любого, так это заключение в зловонную сырую темницу, где полно других потеющих, ноющих и страдающих рвотой заключенных, лишенных и воды, и пищи, и даже отдельного места для справления нужды.

Алиса попала в тюрьму из-за Элизабет Дивайс, которой так отчаянно хотелось спасти свою дочь, что в итоге и ее саму, и всех ее знакомых заковали в кандалы. Возможно, она думала, что, приобщив к делу побольше народа, обеспечит безопасность и матери, и дочери. Вероятно, она и представить не могла, что ее младшая дочь позаботится об их гибели. Мне хотелось посмотреть, где жила эта поразительно уродливая женщина со своим собачьим духом-хранителем и подлым ребенком. Она уже потеряла мать, и теперь под угрозой находилась вся семья... не считая самой Дженнет. Что приходилось терпеть этой девочке, сдавшей Роджеру Ноуэллу всех родных? Роджер описывал Малкинг-тауэр как убогое жилище, но это был единственный дом, где жила вся ее семья. Соблазна мягкой постели и мясных пирогов Рид-холла, безусловно, недостаточно, чтобы предать родную семью.

«Но ведь сама ты ненавидела свой родной дом, – произнес въедливый внутренний голос, – и ненавидела родную мать».

Пусть это правда, признала я, но я никогда не предала бы свою мать. С другой стороны, я не понимала, что могло заставить ребенка так поступить. Отсутствие родительской заботы? Жестокость обращения? Я не знала, где искать эту башню и у кого спросить, поэтому направилась в сторону Колна. Пака я оставила дома, понимая, что могу и пожалеть, если на продуваемых ветрами пустошах мне явится терзающий призрак лачуги Джозефа Грея.

«Они ить сжигают ведъм, верно?»

Благодаря плащу, скрывавшему мою голову и фигуру, я могла быть кем угодно или никем, поэтому на здешней тихой дороге никто не обращал на меня особого внимания. Мимо проехали три или четыре телеги, нагруженные овощами и рулонами тканей, но я, помятую о том, какой шум наделало мое появление в Ланкастере, старалась не глазеть по сторонам.

«Вы же знаете, у меня есть соглядатаи по всему Пендлу», – однажды признался Роджер.

Я знала, что если продолжать ехать по этой дороге, то со временем она могла привести меня в Галифакс к Джону Лоу и его сыну Абрахаму. Подумать только, ведь все это дело заварилось из-за того, что у простого бродячего торговца попросили булавки. И что могло бы произойти, если бы он дал их? Но даже если бы он расщедрился и выдал их Элисон Дивайс, Алиса продолжала бы влачить свое несчастное существование, трудясь в «Гербе королевы» и готовя скудную, доступную ее доходам, еду для своего жалкого отца в убогом жилище с дырой в крыше. А что было бы со мной? Возможно, я уже умерла бы; а возможно, и нет. Я могла никогда ничего не узнать о Джудит. И все-таки, как бы то ни было, я никогда не оказалась бы на этой дороге и не стремилась отыскать оставшуюся бесхозной каменную башню, похожую на торчащий из земли гриб.

Вокруг, насколько мог видеть глаз, простирались серо-зеленые холмы, изредка встречались случайные дома, сложенные из крошащихся камней или грубо обмазанные глиной. Вдоль холмов тянулись длинные приземистые дома фермеров, точно разлегшиеся на обочинах кошки, но среди них не было никакой башни. Я решила, что спрошу первого встречного: навстречу мне как раз ехал мужчина на истощенном понуром муле.

– Извините, не подскажете, где находится Малкинг-тауэр? – спросила я.

Он встревоженно попятился назад, словно я призналась ему в родстве с ведьмами, и, не вымолвив ни слова, поплелся дальше на своем унылом животном, испуганно оглядываясь через плечо.

Вздохнув, я остановилась в задумчивости. И пока я решала, как быть

дальше, на дороге появились еще две фигуры: просто одетая женщина, тащившая за собой дочь.

– Извините, – вновь попытала я счастья, – я ищу Малкинг-тауэр.

Женщина остановилась, и ее дочь, сонная от напоенного влагой летнего воздуха, едва не наткнулась на нее.

– А что вам за дело до Малкинг-тауэр? – спросила она, подозрительно блеснув темными глазами.

– Я слышала о Дивайсах, и мы с сестрой поспорили... она думает, что их вообще не существует, как и их дома, говорит, что все это сказки. Если подскажите, где найти его, я дам вам пенни.

– На самом деле никакие это не сказки, и дом есть, и они еще живы. Передайте сестре, что слухам у нас надо верить, народ не станет повторять всякие выдумки. Эта странная семейка давно жила в нашей округе, да вот только теперь мы поняли, какие у них злодейские корни. Моя мать раньше покупала целебные снадобья у старухи Демдаик, но я не пользовалась ими. Надо полагаться на благоволение Всевышнего и не играть с дьяволом.

Она облизнула губы. Ее молчаливая дочь упорно разглядывала мою лошадь, плащ и лицо.

– Откуда вы едете?

– Из Бернли.

– Видно, вам пришлось поплутать, чтобы выиграть пари. – Она махнула рукой в ту сторону, откуда шла. – Проедете по дороге еще с полмили да сверните на дорожку, которая поднимается к пустоши. Там наверху и увидите его. Сама я туда не люблю ходить, есть в том месте что-то нехорошее. Как я уж говорила, мать моя частенько наведывалась к ним, когда мы болели, и меня таскала с собой пару раз. Сама-то я туда нипочем не пойду, разве что сам Господь надоумит.

Отблагодарив ее, я поехала по указанному пути, свернула на узкую дорожку, ограниченную двумя низкими незатейливо сложенными из камней стенами. Где-то вдалеке залаяла собака, и я сразу вспомнила ту, что видела в лесу с Элизабет и Алисой, и как Дженнет говорила, что ее дух-хранитель пока не проявился. Правда ли, что такие духи-хранители существуют и действительно ли Роджер верит в них? Дорожка проходила между лугов, и, преодолевая пологий подъем, я немного отклонилась назад в седле. Верхушка холма становилась все ближе, а я по-прежнему не видела никакой башни, но когда оказалась наконец на вершине, то заметила на другом склоне это странное жилище: довольно высокое серое строение, похожее на гриб. Подобные древние башни возводились в Готорне много столетий тому назад. Но Дивайсы не принадлежали к дворянскому роду

или даже к потомственным йоменам – они были бедны как церковные мыши, и оставалось загадкой даже само их появление в этих краях.

Подъехав ближе, я увидела, что по земле разбросаны огромные обломки, вывалившиеся из стен дома. У основания башни виднелась большая толстая дверь, к ней я и направилась, догадавшись, что через нее смогу попасть внутрь. В стенах темнели провалы узких стрельчатых окон, видимо, только через них в дом и проникал свет, и, вероятно, в крыше еще имелось отверстие для выхода дыма.

Я слезла с лошади и обошла разок вокруг башни. Рядом буйно зеленел заросший садик, огороженный квадратом полуразрушенной каменной стены. Мне совсем не хотелось входить в этот дом, но я решила все-таки увидеть, в каких условиях жила Дженнет Дивайс. Подойдя к двери, я дернула за кольцо. Лишенная каких-либо запоров, дверь легко открылась. Увидев темное внутреннее помещение, я опять вспомнила темницу, где теперь томилась эта семья. Для лучшего освещения я оставила дверь открытой, насколько позволял ее проем, и робко вступила в дом.

Внутри стоял сильный и не совсем понятный запах. Пахло определенно сыростью и гнильцой, но еще и каким-то животным, словно где-то в углу сушился мокрый мех. Общий осмотр не занял много времени. В центре на земляном полу стоял кухонный котел, побольше, чем у Джозефа Грея. Рядом лежал соломенный тюфяк, но не было никаких занавесов, предохраняющих от ветров, задувающих в узкие оконные проемы. Я понаблюдала за мокрицей, вяло ползущей по засаленному льняному покрывалу тюфяка. Забытые тарелки и кружки валялись прямо на земле. На прогнившую с виду платформу поднималась деревянная лестница, там, видимо, располагались остальные соломенные постели. Справа от меня к закругляющейся стене привалился стол. На нем пылились какие-то вещи, и я невольно отпрянула, разглядев среди них проколотые булавками обломки глиняной куклы, изображавшей Элизабет Дивайс. И среди этих разрозненных глиняных комков и крошек белело нечто странное: зубы. Взяв один из них, я поднесла его к свету, и тут же почувствовала, как волосы на моем затылке зашевелились и по спине поползли мурашки.

Внезапно за моей спиной что-то грохнуло, и я едва не задохнулась от безумного страха. Видимо, захлопнулась дверь. Я выронила зуб, бросилась обратно к выходу, нащупала ручку и, толкнув ее, вырвалась из темноты, пытаясь подавить панику и избавиться от жуткого звона в голове. Снаружи гулял ветер, упорно стремясь залететь в дом, но я рванулась ему навстречу и, наконец, задыхаясь и перепуганная, выбежала обратно на пустошь.

О чем я только думала, решившись прикоснуться к дьявольским поделкам этой семейки? И вновь по телу побежали мурашки, вызванные ощущением того, что за мной следят.

Моя лошадь испуганно ржала и пятилась, протестуяски вскидывая ноги. Я оглянулась кругом в поисках того, что могло ее напугать, и увидела на вершине холма, ярдах в двадцати или тридцати от нас, очертания тощей собаки со свалывшейся шерстью. Она стояла недвижимо, точно изваяние, и смотрела на меня. Подавив страх, я направилась к лошади, подвела ее к одному из больших валунов, и с него забралась в седло, но когда, взяв в руку поводья, я взглянула в сторону собаки, она уже исчезла.

Споря с собственными противоречивыми ощущениями, я пыталась убедить себя, что, кроме меня, на склоне этого холма никого нет, однако у меня не хватило духу оглянуться на Малкинг-тауэр, и я упорно смотрела на тропу, направляя лошадь по ее же следам обратно к дороге.

Увидев, в каком доме жила семья, я поняла, каким великолепным, должно быть, показался Дженнет Дивайс дом Роджера и Кэтрин, с его плотными шторами и турецкими коврами, с чернильными перьями и слугами. Естественно, она с готовностью рассказывала Роджеру все, что он хотел услышать, возможно, надеясь, что он позволит ей остаться у него, и старательно придумывала, лежа под стеганым одеялом, новые длинные истории, сплетая из них великолепную паутину. Отчасти я не могла винить этого ребенка, особенно если она полагала, что так будет продолжаться вечно и она сможет радостно, точно кукушка, куковать в гнезде Ноуэлла. Однако по окончании августовских ассиз Роджер, безусловно, спровадит ее на какую-нибудь ферму, где не хватает рабочих рук, или в другое, совсем не похожее на наше, имение, в качестве прислуги на пивоварню или в прачечную. И как же пройдет остаток ее жизни? Будет ли она верить, что непустила счастливый случай или до конца своих дней терзаться виной?

Когда я опять выехала на широкую дорогу, утреннее солнце поднялось уже высоко, но небеса заволкло водянистой облачной дымкой. На развилке я посмотрела налево, в сторону Колна, и направо, в сторону Готорпа. Но тут у меня появилась новая идея, и, причмокнув, я сжала пятками бока лошади и продолжила ехать прямо.

Глава 19

– Опять вы! – воскликнул Питер.

Я вновь стояла на устланном соломой полу перед барной стойкой в «Гербе королевы».

– Честно сказать, дамы к нам вообще не заглядывают, а тут вдруг дважды за одну неделю!

За столиками притулились несколько пьяниц, закончивших смену грузчиков или посыльных, заглянувших сюда на обед, но они мало что замечали, кроме своих драгоценных пивных кружек.

– Мне нужен один адрес, – сказала я. – В начале года, в марте или апреле, вы отправляли письмо человеку по имени Абрахам Лоу, красильщику тканей из Галифакса.

Питер настороженно глянул на меня, его округлая талия слегка вдавилась в край стойки.

– Может, и отправлял. А вам-то что с того?

Я вытянулась во весь свой миниатюрный рост.

– Мне необходимо поговорить с ним.

– О чем?

– Я заказала в Манчестере большую партию тканей и хотела покрасить их. Алиса рассказывала мне о мистере Лоу, и я подумала, что смогу договориться с ним о покраске.

– Да уж. – Питер облегченно вздохнул. – Нужды нашего местного дворянства известны, пожалуй, одному Богу, а таким, как мы, простым смертным, их никак с ходу не уразуметь, – с улыбкой заметил он и добавил: – Погодите минутку, пойду поищу его.

– Большое спасибо, мистер Уорд, – откликнулась я, – тогда я в ближайшие дни отправлю ему письмо.

* * *

Спустя пять минут, отсыпав Питеру Уорду горсть серебра, я уже ехала в сторону Галифакса, повторяя про себя найденный адрес: «Хэйли-хилл, дом под вывеской ворона». Припомнив, сколько монет я раздала за последнее время, я задумалась о том, как буду объяснять Джеймсу мои дорожные расходы. Но быстро успокоилась, сообразив, что он вряд ли

вообще будет задавать мне вопросы, – теперь, лишь только завидев меня, он мгновенно краснел до кончиков ушей. Но когда закончится вся эта история, я буду гораздо строже блюсти семейные денежные интересы... если, конечно, выживу. Скоро, наверное, понадобятся дополнительные закупки белья, полотенец, молока, чепчиков и маленьких нарядов... причем, видимо, два комплекта. Я с интересом отметила, что эта мысль не вызвала у меня безумного гнева; просто таковы жизненные обстоятельства, и сейчас они не столь уж важны.

Мне надо было торопиться, и к тому времени когда я доехала до соседнего графства, то почувствовала себя втиснутой в наволочку подушкой, которую так трясли, что едва не вытрясли всю жизнь, хотя ребенок живо вертелся и пинался в моем животе. Я даже подумала, не вредны ли ему столь частые поездки. Но раз уж он вертится, значит, растет, поэтому я выбросила из головы эту мысль, спешила и заплатила попавшемуся мне на глаза пареньку, поручив ему напоить мою лошадь.

Деревянный дом под вывеской ворона теснился между двух других, его верхние этажи нависали над улицей, поэтому пришлось отклониться назад, чтобы увидеть этого самого ворона. В уличной пыли носились босоногие дети, а взрослые с деловым видом торопились в лавки и дома.

Я постучала в дверь, костяшки моих пальцев выбили живенький ритм, прозвучавший с уверенностью, которую я вовсе не испытывала. Дверь открылась, в темной прихожей стояла молодая девушка. Она удивленно посмотрела на меня: дорожный плащ надежно скрывал мою фигуру от шляпы до подола.

– Я хотела бы видеть Абрахама Лоу, – сказала я. – Он дома?

– Он на работе, мисс, – ответила она, – я его дочь. Дома мама, может, вы хотите поговорить с ней.

– О, я... Да, хорошо бы, если можно.

Она отступила назад, позволив мне войти, и я проследовала за ней в узкий, заставленный вещами, коридор, по левой стене которого тянулся ряд дверных проемов.

– Подождите здесь, я позову маму, – сказала она мне.

Я стояла, прислушиваясь к звукам кипучей хозяйственной деятельности и голосам домочадцев. И вдруг с изумлением услышала за стеной чей-то кашель. Чуть погодя в конце коридора появилась стройная женщина в платье цвета спелой кукурузы и фартуке, явно нуждавшемся в починке. Лицо ее, обрамленное выбившимися из-под чепца прядями волос, озаряла добрая улыбка. Она подошла ко мне, по пути вытирая руки тряпкой.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

В тот момент, видя ее смущенную учтивость, я внезапно испугалась невероятной сложности взятой на себя заботы, осознав также необходимость такого милосердия. Эта женщина совершенно не знает меня, не догадывается о причинах моего прихода, и усилия, связанные со знакомством и прочими объяснениями, вдруг показались мне на редкость утомительными. Однако она, должно быть, почувствовав мое замешательство, пригласила меня пройти в гостиную и выпить пива, и я, еще не вымолвив ни слова, проследовала за ней в большую комнату, полутемную, несмотря на ясный день. Все доступные поверхности заполняло беспорядочное множество вещей, на полу дети играли с собакой, и я с осторожностью прошла между ними. У окна в кресле сидел мужчина, но я видела лишь лысую макушку его головы.

Сняв плащ, я так и держала его в руках, не зная, куда лучше положить его. В этой заставленной вещами комнате явно не хватало свежего воздуха. Вскоре женщина принесла мне кружку пива, и я с благодарностью утолила жажду.

– Меня зовут Лиз, – сказала она. – Вы хотели видеть моего мужа?

– Да, – собравшись с духом, ответила я, по достоинству оценив легкое и вкусное пиво. – Меня зовут Флитвуд Шаттлворт. Простите, что я заявила к вам без всякого приглашения... Даже не знаю, с чего начать...

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Она показала на стул рядом с камином, и я, осторожно пробравшись между детьми, присела. Она устроилась на другом стуле.

– Мне нужно поговорить с Абрахамом о том, что произошло в Колне несколько месяцев назад.

Лицо Лиз мгновенно изменилось, на нем отразилась усталость и даже мучение.

– Это дело, связанное с вашим свекром. Случившееся с ним привело к череде трагических событий... Вряд ли здесь, в Йоркшире, осведомлены о том, что происходит в Ланкашире?

Она отрицательно покачала головой, а один ребенок начал вопить, требуя ее внимания. Лиз мягко, но твердо что-то сказала ему и вновь повернулась ко мне. Разумеется, она ничего не знала: ей с лихвой хватало домашних хлопот.

– Дело в том... что мою акушерку, женщину по имени Алиса Грей... – Подавив волнение, я заметила, как ее взгляд почти неуловимо скользнул по моему животу. – Ее посадили в тюрьму, обвинив в колдовстве, как и многих других. В общей сложности, по-моему, двенадцать человек.

Один из малышей, еще совсем маленький, ухватился за юбку Лиз, встал на ножки и принялся колотить по ее коленям пухлым кулачком. Неужели они не могли себе позволить нанять няню или служанку, чтобы хотя бы ненадолго освободить мать?

– Алиса Грей служила на постоялом дворе «Герб королевы», где отлеживался ваш свекор после... встречи с Элисон Дивайс. Именно Алиса нашла его на той торной дороге и помогла ему добраться до постоянного двора, но семья Дивайсов начала угрожать ей, требуя изменить показания. А потом они навлекли на нее ужасные обвинения, а теперь уже через несколько недель в Ланкастере состоится суд.

Лиз продолжала слушать, но несколько рассеянно. Она высвободила юбку из ручек ребенка и попыталась направить его к остальным детям. Малыш захныкал.

– Простите, я понимаю, что вы очень заняты. Главным образом я хотела узнать о здоровье вашего свекра, и еще, если позволите, мне хотелось бы задать ему кое-какие вопросы о том, что же произошло с ним в тот день в Колне?

Она выпрямилась и посадила ребенка себе на колени.

– Вы можете сами спросить его, но вряд ли услышите что-то осмысленное. Папа?

Она подошла к замеченному мной раньше мужчине, освещенному тусклым, проникавшим через окно светом. Я последовала за ней и едва не ахнула от изумления.

В кресле, скособочившись, сидел Джон Лоу, сморщенный, как прошлогоднее яблоко. Половина его лица выглядела оплывшей, один глаз, похоже, не открывался, а другой глаз вытаращился на нас так, точно старик чего-то боялся. У меня сложилось впечатление, что раньше это был солидный и сильный мужчина, очень быстро исхудавший; кожа его обвисла, и одежда висела мешком.

– Здравствуйте, мистер Лоу, – тихо произнесла я, не сумев скрыть потрясения.

Он пошевелился, но ближайшая ко мне сторона оставалась вялой и пассивной.

– Нннечоо, – громко произнес он.

Я глянула на Лиз.

– Никто, кроме нас, не способен понять его, но мы научились, – пояснила она и обратилась к Джону. – Папа, эта дама пришла повидать вас. Вы узнаете ее?

– Нннне, – крикнул он.

– Нет, он и не знает меня. – Голос у меня сорвался, и я прочистила горло. – Мистер Лоу, меня зовут Флитвуд Шаттлворт. Я подруга мисс Грей, той женщины, которая помогла вам добраться до «Герба королевы» после того, как вы... как с вами случился удар.

Он страдальчески застонал, хотя оставалось непонятным, что вызвало его страдание.

– Алиса Грей? – вновь попыталась напомнить я, но он неловко поерзал и вновь отвернулся к окну.

– Так он теперь ведет себя постоянно, – сообщила Лиз.

Сидевший на руках малыш вытащил из-под ее чепца прядь волос.

– Я думала... – начала я и невольно вздохнула, – думала, он может говорить.

Лиз покачала головой.

– Поначалу мог, но со временем ему стало хуже. Бывают дни, когда он ведет себя более разумно, но... сегодня плохой день. Вы можете остаться с ним и попытаться разговорить его... может, он и скажет что-нибудь путное. А мне как раз нужно кое-что сделать. Вы ведь сможете просто минутку поддержать малыша, пока я тут немного приберу?

Она передала мне крохотного мальчика в липкой рубашонке и, собрав всю валявшуюся в комнате одежду, унесла ее. Я впервые в жизни держала ребенка. Он болтался в моих неловких руках точно куль с мукой, и мы с удивлением разглядывали друг друга. Буквально через мгновение Лиз забрала его и вновь куда-то удалилась. Я осмотрелась. После уборки основных завалов одежды комната приобрела более пристойный вид – обнаружился идеально чистый и отполированный стол, и я также заметила, что детские личики были не грязными, в отличие от детей, игравших на улице. Домочадцы Лоу выглядели скромно, но прилично, и содержание отца Абрахама, видимо, выбило их из обычной жизненной колеи. Они могли бы и днем оставлять его лежать в кровати, но заботливо усадили перед солнечным окном, выходящим во двор, где женщины стирали белье, играли остальные дети и носились собаки. Я подтащила свой стул к креслу старика и села рядом с ним.

– Есть на что посмотреть, верно? – сказала я, и он согласно хмыкнул. – Мистер Лоу, я не хотела расстраивать или огорчать вас, простите, что беспокою. Но я пыталась выяснить, что именно случилось на той торной дороге в Колне, когда вы встретили Элисон Дивайс.

– Хм-м-м... за-а-ч... Н-н-н в-в-вид м-м-м к-к-а-а-а.

С трудом двигая одной стороной рта, он упорно пытался что-то сказать, но я при всем старании ничего не поняла. Его здоровый голубой

глаз смотрел на меня с надеждой, он надеялся, что я пойму его. Но, увидев мое недоумение, старик грустно отвел взгляд и, казалось, сторбился еще больше. Я погладила его обездвиженную руку. Он взглянул на мои пальцы, унизанные золотыми кольцами с рубинами и изумрудами.

– Мистер Лоу, вы помните Алису Грей? Кивните, если помните.

Его подбородок опустился к груди и опять поднялся.

– А вы думаете, что она ведьма?

Он отвернулся, потом опять повернул голову ко мне и повторил это движение.

– И вы готовы подтвердить это на суде? Вы будете присутствовать на судебном разбирательстве?

Голова его осталась неподвижной, только взгляд заметался.

– Вас приглашали выступить на суде?

Он кивнул, по крайней мере, так я поняла. Если бы только у него восстановилась речь, он мог бы выступить в защиту и других невинных.

А Элисон Дивайс, она ведьма?

Он кивнул, а потом отрицательно качнул головой. В его пристальном взгляде отразилось глубокое страдание, голубой глаз наполнился слезами, и они потекли по лицу. Его правая рука поднялась, словно он хотел смахнуть слезы, но ему удалось поднять ее только до груди. Я достала свой платок и сделала это за него. Несчастный Джон Лоу стал похож на полуживую марионетку. Его могут привезти в суд как доказательство случившегося и опять увезти, признав лишенным дара речи. Если бы Элисон Дивайс тихо отсиделась дома, то никаких больше несчастий, возможно, не последовало бы, и зачем только она вернулась на следующий день на постоялый двор «Герб королевы» и призналась в своей собственной вине? Неудивительно, что ее родне захотелось исправить положение: ведь твердила о своей вине только она сама. Этот бедняга не мог ничего сказать.

Я еще немного посидела в компании Джона, мы смотрели, как трудятся во дворе женщины, склонившись над лоханями и время от времени смахивая пот со лба. Солнце стояло высоко, но им приходилось стирать даже в жару. Они не боялись обгореть под обжигающими солнечными лучами; у них не было выбора. В такой день я могла бы выехать на реку и отдыхать под тенистыми деревьями или просто сидеть у окна как украшение жизни, не более полезное, чем Джон Лоу. Из соседней комнаты донесся оглушительный грохот, и Лиз тут же принялась кого-то бранить.

– Дженни! – вскричала она.

Одна из женщин во дворе взглянула в сторону дома, прикрыв рукой

глаза. Именно эта юная девушка открыла мне дверь, на самом деле она была лишь немного моложе меня. Я видела, как она зашла в дом, принеся с собой запах щёлока. Я задумалась о том, как ей живется здесь в окружении капризных младенцев, успевал ли отец почитать им вечерами главы из Библии, и могла ли она приклонить усталую голову на колени матери...

Хлопнула уличная дверь, и, чуть погодя, к нам в комнату вошла Дженни и сказала, что парнишке, которому я поручила присматривать за моей лошадью, пора уходить домой. Я не слишком ловко поднялась со стула, поблагодарила Джона Лоу и подошла также к Лиз, чтобы сказать спасибо и ей, она как раз пристроилась на корточках в прихожей, пытаясь накормить с ложки одного из малышей.

– Извините, что потревожила вас, – сказала я, смущенно остановившись рядом с ними.

– Пустяки. Надеюсь, вы не сильно разочаровались. Я знаю, Джону очень хотелось бы нормально поговорить. Да и всем нам того же хочется.

– А собирался ли он или ваш муж ехать в августе на судебное разбирательство?

– Какое разбирательство? – Она недоуменно посмотрела на меня.

– На ассизы в Ланкастер, где будут судить ведьм.

– Ах да, Абрахам что-то говорил об этом. Я спрошу у него.

– Всего хорошего, миссис Лоу, мне пора.

Покинув сумрачный и запущенный дом, я оказалась на залитой жарким солнцем улице, но, по крайней мере, на меня повеяло легким свежим ветерком. Над губами у меня выступили бисеринки пота, подмышки тоже увлажнились. Мне не удалось узнать ничего полезного; скорее даже появилось такое ощущение, будто я совершенно напрасно разъезжаю по долам и весям, теряя шансы возможного спасения Алисы. А маленькая Дженнет, блаженствуя в роскоши Рид-холла и сочиняя очередные истории, мало-помалу затягивает петли на шеях всех своих родственников и их знакомых. Но ведь она всего лишь глупый ребенок.

Я не представляла, как мне выручить из этой ловушки Алису. Джон Лоу не считал ее ведьмой, но не мог членораздельно сказать об этом; ее родному отцу безразлично, что с ней будет, а ее бывшего хозяина беспокоит только процветание собственного заведения. Кто же еще мог выступить в ее защиту? По дороге домой я напряженно размышляла об этом, однако, казалось, я блуждаю по заколдованному лабиринту, вообще не имевшему выхода.

Заехав наконец на конный двор Готорпа, я почувствовала себя такой уставшей, словно целый день возила мешки с кирпичами. Однако мои

грустные мысли озарила тлеющим угольком одна интересная задумка.
Надо только дать ей разгореться, хорошенько продумав новый план.

Глава 20

Придя домой, я узнала, что Ричард опять уехал в Престон, что, по моим предположениям, могло также означать и Бартон, в силу его близости к Престону. Он не оставил записки, и мне подумалось, что он мог рассердиться на меня; однако я тут же вспомнила, что, если быть справедливой, как раз сама имела право злиться на него, но почему-то злости во мне не осталось. По крайней мере, в его отсутствие мне не придется осторожничать с моими «сумасбродными прогулками», как он называл их. Правда, раньше, до последних волнующих событий, он потворствовал им и даже восхищался моими одинокими блужданиями, моей способностью выехать из дома в полном порядке, изысканно и аккуратно одетой и причесанной, а вернуться лохматой, грязной и промокшей. Мог ли он не понимать, что былые блуждания объяснялись еще ребяческим стремлением к неизведанному, но теперь они обрели четкую, важную цель? Зайдя в кабинет, я взяла чернила, перо и бумагу, и поднялась в свои покои.

Следующее утро выдалось солнечным и безоблачным. Я взяла два письма с письменного стола и сунула их за пазуху. Накануне вечером у меня опухли пальцы, а в груди возникло странное ощущение стеснения. Я отбросила навязчивые мысли о том, что солнце моей земной жизни клонится к закату, приближая мой переход в мир иной. Возможно, смерть следует за мной по пятам, пугает меня, прячется в моей тени, и в любой момент может накрыть меня своим черным плащом. Собравшись с духом, я посмотрела на статуи Благоразумия и Справедливости и решительно направилась вниз по лестнице.

* * *

Открыв дверь, Кэтрин Ноуэлл взглянула на меня глубоко озабоченными глазами.

– Флитвуд? Какая вы ранняя пташка! Заходите.

Опершись на дверной косяк, я погладила рукой свой живот.

– Кэтрин, пожалуйста... мне нужна помощь. Мой ребенок... у меня начались боли. Мне нужна моя повитуха.

– Вы приехали одна? А где же Ричард? Флитвуд, с таким большим

животом, вам, уж конечно, нельзя ездить верхом.

Она помогла мне войти в дом, и я осознала, что в ее голосе прозвучал откровенный страх. Я издала очередной стон.

– Где у вас болит?

– Боли начались вчера. Я старалась не замечать их, но... Кэтрин, ведь время еще не пришло, слишком рано.

– Насколько сильна боль? Она приходит время от времени?

– Нет, какая-то постоянная боль.

Я позволила ей проводить меня в большой зал, где она занималась рукоделием, вышивая подушку. На раздвижном столе лежали булавки, наперстки и моточки ниток, и мне сразу вспомнился Малкинг-тауэр и то, что Элисон Дивайс всего лишь хотело немного булавок. Кэтрин помогла мне сесть в кресло.

– Может, послать за лекарем? За доктором?

– Нет. Кэтрин, мне необходима моя повитуха. С тех пор как Алису посадили в тюрьму, мне с каждым днем становится хуже и хуже. Но до ее ареста я чувствовала себя нормально. Роджер говорил, что он попытается освободить ее, но мне она необходима в Готорпе уже сейчас. Я спрашивала его, не может ли она пожить со мной до суда... я не позволила бы ей никуда сбежать, мы с Ричардом обещали держать ее взаперти. Пожалуйста, попросите Роджера об этом тоже.

Все это я говорила, с трудом переводя дух, и Кэтрин передала мне кубок эля, незаметно принесенного почтительным слугой. По сравнению с суматошной жизнью в доме Лоу, здесь царил такая же, как у нас в Готорпе, спокойная сдержанность. Отец Роджера строго взирал на меня со своего портрета.

– Роджера нет дома... не помню, куда он поехал. Ох, Флитвуд, я так разволновалась. Скажите мне, чем я могу помочь вам?

– Мне нужна Алиса, – слабым голосом произнесла я, – нужно вызволить ее из тюрьмы. Только она способна облегчить мою боль; она знает много лекарственных трав и умеет делать целительные настойки.

– Может, пока спросить совета у аптекаря? Давайте я пошлю нашего слугу, он быстро доскачет до него.

– Нет. Мне нужна Алиса. Только она способна помочь мне. Только Алиса. Уже нет времени писать письмо Роджеру или в замок... придется съездить туда самой, чтобы получить ее помощь.

– Нет, вам лучше вернуться домой... но для начала вам необходимо отдохнуть у нас. Я прикажу приготовить для вас комнату и сообщу Роджеру, когда он вернется, что ради вашего здоровья надо освободить

Алису.

Мне вдруг подумалось, каково жить под замком в одной из множества комнат дома Роджера. Не намного лучше, чем в темнице Ланкастера: он ведь мог запереть меня, а ключ выбросить.

– И вы думаете, Кэтрин, что сможете убедить его выпустить ее? – простонала я.

Ее глаза исполнились сочувствия, морщинистое лицо помрачнело. Она растерянно помолчала, подыскивая слова утешения.

– Я знала одну отличную акушерку из Ливерпуля, но, с тех пор как я общалась с ней, прошло много лет, и теперь даже не представляю, как с ней связаться и...

– Нет, мне необходима именно Алиса.

Кэтрин страдальчески заломила руки.

– Флитвуд, я... Ее же посадили в тюрьму Его Величества. Я не представляю, как...

– Только до суда, – быстро вставила я, – боюсь, моя жизнь в большой опасности.

Впервые в моем голосе прозвучал страх, и на сей раз я говорила правду.

– Но эту женщину обвиняют в колдовстве. А такое обвинение чревато смертной казнью; ей не позволят свободно бродить до суда. Она же может сбежать!

Внезапно я осознала, что за нами следят, причем не строгие живописные лица с картин на стенах этого парадного зала. Оглянувшись в сторону двери, я увидела пристальный взгляд пары больших бледных глаз. Дженнет Дивайс продолжала откровенно разглядывать меня, и в ее взгляде светился не по годам цепкий и трезвый ум. Я понимала, что смешно бояться ребенка, но от нее исходила сила какого-то пугающего хитроумия. Ведь ухитрилась же она украсть мое ожерелье, да так, что никто этого даже не заметил! Не хотелось бы мне, чтобы она жила в моем доме, беззвучно скользя по половицам и, точно привидение, возникая в дверных проемах.

– Кэтрин, не могли бы вы попросить кого-то из слуг позаботиться о моей лошади? В спешке я просто оставила ее возле входа, надеюсь, она еще никуда не забрела.

Живо поднявшись с кресла, Кэтрин быстро ушла, стремясь хоть чем-то помочь мне. После ее ухода, Дженнет проскользнула в зал, прошла к камину и опустилась на колени перед одним из жестких дубовых кресел. Очевидно, принеся с собой какие-то обрезки ткани, она принялась раскладывать их на сиденье. Не в силах скрыть любопытства, я встала и

направилась к ней.

– Что это у тебя, Дженнет?

Я заметила, что сложенные обрезки связаны нитками так, что походили на человеческие фигурки – верхний узел отделял головку, а благодаря остальным завязкам обозначились ручки и ножки. Раньше мне приходилось видеть таких тряпичных куколок в церкви, их использовали для того, чтобы успокоить плачущих малышей, зажав куколок в кулачках, они разглядывали их и переставали плакать. Заглянув в ее родной дом, я убедилась, что Дженнет не избалована игрушками.

– Кто тебе дал их? – спросила я. – Роджер?

– Я сама сделала, – ответила она своим резким писклявым голосом.

– Какая умница, ты еще и набила их чем-то. Что у них внутри?

– Овечья шерсть.

Несомненно, она принесла их сюда специально, чтобы показать мне, подобно тому, как кошки приносят пойманную мышку к ногам хозяина. Я посмотрела на ее бедное, бесформенное платье: все в ее облике свидетельствовало о несчастной, лишенной родительской заботы жизни. И из-за этого ребенка теперь несчастье ждет многих других людей. Мне захотелось схватить ее за тощие плечики и встряхнуть так, чтобы у нее лязгнули зубы и вытаращились глаза. Мне хотелось накричать на нее, чтобы она отказалась от всех своих слов, от всей той лжи, что она наболтала своим хитрым язычком. Мне даже смотреть на нее было противно. Я вернулась обратно на кресло.

Дженнет выразительно что-то нашептывала, и от ее шепота у меня невольно зашевелились волосы на голове.

– Что ты там бормочешь? – так резко спросила я, что она изумленно оглянулась и смерила меня презрительным взглядом.

– Молитву об утолении жажды, – с невинным видом ответила она.

– И как же она звучит?

– *Crucifixus hoc signum vitam Eternam. Amen*^[26].

Пристально наблюдая за ней, я попыталась понять смысл этих слов. Не слишком часто берясь за книги, я подзабыла латынь. Но, в общем, поняла, что речь, видимо, идет о кресте и вечной жизни. А если так, не из-за своей ли католической веры и оказались в тюрьме Дивайсы? Нет, это бессмысленно – половина жителей Пендла оставались католиками. И Роджер знал об этом, но пока они каждую неделю посещали церковь и просто молились, скромно потупив глаза, он не доставлял им неприятностей.

Дженнет приблизилась к столу и взяла стоявший рядом со мной

пустой оловянный кубок. Она поднесла его к воображаемым губам своих кукол, чтобы они могли напиться.

– А откуда, Дженнет, ты узнала эту молитву?

– От бабушки, – прошепелявила она.

– Ты хочешь сказать, что она давала тебе напиться?

– Нет, – решительно возразила она, – жажда утоляется молитвой. А питье приносится.

– В каком смысле?

– Как-то таинственно, само собой.

Все, сказанное ею, звучало на редкость загадочно. Была ли я сама в детстве такой же не по годам развитой? Почти наверняка не была. Однако ее объяснение пробудило во мне одно давнее воспоминание, и оно появилось перед моим мысленным взором. Убитые кролики; присевшая рядом с ними Алиса.

«Я не убивала их. Их убили».

Какова причина таких странных уточнений?

Возможно, к Дженнет следовало искать особый подход. Как Ричард говорил о своих ловчих птицах, преданность надо заслужить, а не требовать. Мне вспомнилась недавняя угроза Роджера, заявившего, что при особом поощрении Дженнет способна «вспомнить» и других гостей в ее доме. Только совсем не хотелось думать о тяжелых последствиях такого поощрения.

– Дженнет? – Я мельком глянула в сторону двери. – Наверное, ты знаешь мою подругу. Алису Грей?

Словно не слыша меня, она продолжала возиться со своими куклами. Ее прямые тусклые волосы рассыпались по спине под капором. Она молча играла с тряпичными игрушками, стряхивая с них воображаемые пылинки.

– Так ты знаешь ее, Дженнет?

Она подняла плечики: в знак молчаливого согласия.

– Да знаешь ли ты ее? – Я подалась вперед. – Разве ты не думаешь, что могла неправильно понять причину ее присутствия на вашем сборище в тот день в Малкинг-тауэр.

– Джеймс украл овцу для нашего ужина, – сказала она, показав на одну из ее куколок. Они, как пьяные, повалились друг на друга, и, показав на вторую, девочка добавила: – Мама велела ему украсть ее.

Я нервно облизнула губы.

– Ты помнишь, как Алиса появилась в вашем доме? Разве она дружила с твоей мамой или ты не видела ее раньше?

В этот момент послышался стук шагов по каменным плитам, и через

мгновение в зал вошла Кэтрин с подносом.

– Еще эля. Вам стало лучше, Флитвуд?

Я огорченно откинулась на спинку кресла, глядя на стоявшую передо мной девочку. Дженнет улыбалась, и когда я сообразила, что у нее на уме, меня прошиб холодный пот и пробрала дрожь.

– Питье приносится, – радостно произнесла она и опять склонилась к своим игрушкам.

– Дженнет, оставь нас, – напряженным тоном произнесла Кэтрин.

Девочка метнула в нее быстрый взгляд, схватила в охапку свои игрушки, смахнув со стола оловянный кубок, со звоном упавший на пол. Даже не потрудившись поднять его, она молча выскользнула из комнаты.

Кэтрин тяжело вздохнула, и я заметила усталые складки у ее рта и унылую, затаившуюся в глазах опустошенность.

– Долго ли еще она будет жить с вами? – мягко спросила я.

– Роджер сам не знает. – Кэтрин покачала головой.

– Но разве не сам он принимает решение?

– Она может быть полезна для него... пока живет здесь. Поэтому, наверное, только после того, как надобность в ее услугах отпадет...

Ее прямота застала меня врасплох. Кэтрин откинулась на спинку кресла и с жадностью припала к кубку. Допив пиво, она вытерла губы и сказала:

– Не могу даже описать, как я буду рада, когда закончатся эти ассизы и все, что с ними связано.

– Но как вы можете желать скорейшего завершения суда, если жертвой поспешности станут жизни невинных людей?

– Невинных? – в замешательстве повторила Кэтрин. – Флитвуд, ни вы, ни я не вправе судить об этом.

– Разве у нас не такие же глаза и уши, как у наших мужей, и у тех людей, которые вынесут им приговор?

– Вы говорите так, словно уже знаете, каким он будет.

– Конечно, знаю, все знают! Вспомните историю, разве бывало, чтобы к ведьмам проявляли милосердие? Кэтрин, мы должны что-то предпринять.

Кэтрин так снисходительно усмехнулась, что мне захотелось вlepить ей пощечину.

– Флитвуд, ваша головка полна фантазий. Вы рассуждаете так, словно мы разыгрываем пьесу, где у каждого есть своя особая роль. Ни вам, ни мне не отведено никакой роли в деле королевского правосудия: наша роль состоит в поддержке наших мужей.

– Но мы же не можем пассивно стоять в стороне и позволить

случиться несправедливости! – воскликнула я. – Мы должны что-то предпринять!

– Флитвуд, прошу вас, – успокаивающе проворковала Кэтрин, – не стоит так переживать, вы можете навредить себе и вашему ребенку. Можно я выскажусь откровенно? – Совсем не ожидая такого вопроса, я смогла лишь вяло кивнуть. – Ричард очень любит вас. Он вас просто обожает. Вам повезло, у вас получилась счастливая семейная пара в отличие от большинства семейных пар нашего круга.

Я мельком подумала, известно ли ей о Джудит, или Роджер предпочитает оберегать ее от подобных знаний.

– Вы должны сосредоточиться на семейном благополучии, быть примерной женой. Слухи разлетаются быстро, Флитвуд, вы же знаете. Я понимаю, будучи мелкопоместным дворянством, мы, естественно, привлекаем здесь внимание. Да, мы далеки от больших городов и в нашей провинции можем рассчитывать на уединенную личную жизнь, однако это не означает, что мы можем вести себя непристойно.

Я устроилась поудобнее, тишина зала отдавалась звоном в моих ушах. Я спокойно ждала, пока Кэтрин смочит губы, прежде чем продолжить.

– Вы очень молоды, дорогая, пылки и обаятельны. Вы владеете самым роскошным особняком в наших краях. И будущий ребенок наполнит вашу жизнь разнообразием и радостью. Вам надо увлеченно заниматься достойными делами, блюсти интересы семьи и домашнего хозяйства и не огорчаться из-за того, чему вы не властны по- мочь.

У меня возникло ощущение, будто ее доброжелательная проповедь проехала по моей груди, как колесо кареты. Слова замерли у меня на языке, я совсем растерялась и упала духом.

– Я хочу помочь своей подруге, – едва дыша, вымолвила я, – иначе она умрет. И я умру вместе с ней.

Осознание этого подхлестнуло меня, придав новые силы: я понимала, что без помощи Алисы у меня на шее тоже затянется петля. Она обещала спасти меня, и я обещала спасти ее, и шансы исполнения наших обещаний были настолько ничтожны, что практически теряли смысл. Внезапно я поняла, о чем думала все последние дни. Я упорно пыталась представить, как будет выглядеть мой ребенок, как я держу его на руках, но так и не смогла. Не смогла также представить свою жизнь через пять, десять или двадцать лет. В недалеком будущем уже маячили летние ассизы, и вся моя жизнь, как я знала, ограничивалась этими короткими оставшимися неделями.

– Флитвуд, но я же ничего не смогу сделать, – тихо призналась

Кэтрин, – Роджер не освободит ее. Она обвиняется в колдовском убийстве... а такое преступление наказуемо смертной казнью.

– Роджер ошибается. Ее обманули, всю жизнь ее окружало множество обманщиков и предателей. Я не могу, подобно остальным, подвести ее. Кэтрин, вы должны поехать со мной в замок и умолять освободить ее! – пылко воскликнула я. – Ведь вы жена Роджера... должна же у вас быть какая-то власть.

Слыша собственные слова, я понимала всю их необидительность и безнадежность, и мои плечи поникли от безысходного страдания.

– Вы совсем издергались. Вам нужно отдохнуть. Давайте я отведу вас в одну из наших спален.

– Нет, спасибо. Мне пора ехать.

– Нет, вам нельзя сейчас скакать на лошади, вы же плохо себя чувствуете.

– Я поеду медленно.

– Флитвуд, вы ведете себя скорее по-мужски, чем по-женски, – с улыбкой заметила Кэтрин, – придется отправить с вами сопровождающего.

Я извлекла из складок юбки письма, написанные вчера вечером при свете свечи.

– Кэтрин, я хочу попросить вас об одной услуге.

– Ох, Флитвуд... вы помните, о чем я вам говорила?

– Пожалуйста. Больше я ни о чем не попрошу вас.

Я вложила письма в ее руки. Восковые печати краснели, как пятна крови.

– Когда в следующий раз Роджер собирался ехать в Ланкастер?

– Вероятно, через денек-другой. Вы хотите, чтобы я передала их ему?

– Нет-нет, ему лучше их не видеть. Мне нужно, чтобы в следующий раз вы поехали вместе с ним. Ну, я не знаю, допустим... можете сказать, что вам хочется сменить обстановку или походить по лавкам. Главное, поехать... а когда вы доберетесь туда, вам надо будет ухитриться посетить замок, но только одной. Меня там уже знают... Роджер говорил, что предупредит их, поэтому сама я не могу там появиться. Вам надо передать эти письма секретарю коронера Томаса Ковелла. Не отдавайте их никому другому – вручите их ему лично и попросите срочно передать по назначению. Если секретарь начнет задавать вопросы, воспользуйтесь именем Ричарда, скажите, что письма от него.

Кэтрин встревоженно нахмурилась.

– Я не понимаю...

– Умоляю вас, Кэтрин. Это дело жизни и смерти, иначе я не стала бы

просить вас.

– А в них не содержится никакой клеветы или обмана? Ничего, что может опорочить репутацию моего мужа? Почему ему нельзя рассказать о них?

– Он просто не позволит доставить их по назначению. Прошу, сделайте это ради меня, если не хотите потом винить себя за то, что я умру во время родов.

Мы долго смотрели друг на друга, и вдруг в ее глазах затеплился дерзкий огонек, намекавший на зарождение в Кэтрин своевольной, непокорной мысли, явно не по отношению к моей просьбе. На ее задумчивом лице отразился процесс, подобный знакомству со вкусом нового блюда, она попробовала его, оценила и, видимо, решила, что оно вполне съедобно.

– Хорошо, я сделаю это, – кивнув, сказала она.

Мне хотелось расцеловать ее, и я едва не бросилась ей на шею, однако сдержалась и ограничилась рукопожатием. Она взяла письма и спрятала их в складках юбок.

– Благодарю вас тысячу раз! – воскликнула я.

– Полагаю, Роджер вернется из Йоркшира завтра, если казнь не отложат.

– Какую казнь?

– Вы не слышали? Судьи сочли, что та бывшая служанка, Дженнет Престон, виновна в убийстве отца Томаса Листера. Сегодня ее должны повесить.

* * *

Следующие несколько дней я посвятила исполнению своей старой роли, слонялась по дому маленьким готторпским призраком, ожидая возле многочисленных окон приезда Ричарда. Увидев, как он идет от конюшни, я понаблюдала немного за его беспечным самодовольством и резвостью после путешествия в Престон. Казалось, ничто не могло встревожить его душу, он с беспечной легкостью скользил по жизни. Я пошла в прихожую, чтобы встретить его. Он явно удивился, когда я открыла ему дверь, и чуть помедлил, оценивая выражение моего лица.

– Что-то случилось?

– Может, зайдете в дом?

– Вы не... у вас не...

– Нет, ничего подобного, ребенок жив и здоров.

Он вздохнул с облегчением и, снимая перчатки, поднялся по ступеням и отдал мне свой плащ. Я провела его в гостиную и закрыла дверь. Лениво дремавший под окном Пак нехотя поднялся и приветствовал Ричарда, обливав ему руки своим большим языком.

– Помните, на днях, когда Роджер обедал у нас, он говорил об Элтаме и Бромли, судьях Суда королевской скамьи на грядущих ассизах?

– Ну да, – с утомленным видом ответил он.

– Я пригласила их отобедать в Готорпе.

За время молчаливой паузы Пак успел добрести обратно до своего теплого местечка, а ребенок, устраиваясь поудобнее, покрутился в моем животе, и я мягко погладила его.

– Вы пригласили их на обед сюда? В этот дом? – Я кивнула, спокойно выдержав пристальный взгляд Ричарда. – И чего ради?

– Ради ознакомления с положением ведьм из Пендла.

Ричард даже не удивился, лишь спокойно произнес:

– Флитвуд, вы чертовски осложняете себе жизнь. И не только себе, нам обоим.

– Сложности не у меня или у нас. А у Алисы, ведь она вовсе не убивала никакого ребенка.

– Это будут решать присяжные, а не вы и не Роджер.

– Роджер решил за всех! – возмущенно крикнула я. – Он сам уже все решил!

– Умерьте свой пыл!

Ричард принялся ходить взад-вперед, стрелы его ярости, казалось, разлетались по всему залу. На щеках моих вспыхнули красные пятна, я так разозлилась, что кровь, видимо, бросилась мне в голову. На ощупь найдя кресло, я медленно опустилась в него. Скуля и повизгивая, Пак подбежал ко мне и попытался добраться до моих рук. Положив дрожащую ладонь ему на голову, я закрыла лицо другой рукой.

– Когда они приедут?

– На следующей неделе, после прибытия в Ланкастер.

– И Роджер в курсе?

– Нет.

Вцепившись пальцами в спинку кресла, он удрученно покачал головой.

– Вы выставляете на посмешище имя Шаттлвортов. Слишком долго я позволял вам разъезжать повсюду, вы вели себя как ребенок, и вот результат.

– Это я-то выставляю на посмешище нашу семью? А не вы ли живете на две семьи!

– Черт побери, Флитвуд, я думал, мы покончили с этим. Множество мужчин имеют любовниц; в этом нет ничего особенного.

– Значит, мы вписываемся в общие традиции? И подобное предательство никто не осуждает. А я всего лишь стараюсь помочь невинной женщине... что же в этом плохого?

Ричард вновь принялся вышагивать мимо окон, пересекая по пути лучи дневного света, полные легких пылинок, то освещаясь ими, то уходя в сумрак; свет сменялся мраком.

– Почему вам надо постоянно подрывать авторитет вашего собственного мужа? Вы понимаете, как ваши действия сказываются на мне? И все это из-за какой-то едва знакомой вам местной прислуги. Разве она достойна вашего внимания? Вы знакомы с ней всего несколько месяцев. Почему вам взбрело в голову выставлять себя, нас на посмешище из-за женщины, всего лишь собравшей для вас какие-то травы?

– Если вы еще этого не поняли, то не поймете никогда: Алиса ни в чем не виновата. Но, кроме меня, этому никто не верит! Никто не хочет помочь! Ричард, мне нужна ваша помощь. Кого вы предпочтете... вашу жену или вашего друга?

– Роджер и ваш друг тоже!

– Я не могу дружить с этим человеком, узнав, что он сделал, и вам не советую.

– Как вы можете говорить такое? Ведь Роджер относится к нам почти как отец. Он заботился о нас и частенько помогал нам. Он считает, что у меня есть все возможности стать шерифом. Даже полагает, что однажды увидит меня в парламенте. Флитвуд, он же верит в меня, как никто еще не верил.

– Вам стоило бы увидеть тюрьму, где он держит их, тогда вряд ли вы сохранили бы о нем столь высокое мнение. Там просто настоящий ад – темное и сырое подземелье, где люди заперты и лишены света, спят в собственных испражнениях и блевотине вместе с крысами и черт знает еще с кем. Одна из них уже умерла! Да есть ли у вас сердце? Или у вас дырка в груди в том месте, где оно было? Куда исчез тот мужчина, с которым я венчалась?

От следующих слов Ричарда кровь застыла у меня в жилах.

– Отныне и до родов вы будете лежать в кровати. Вы не будете даже выходить из ваших покоев. Будете оставаться там до появления на свет нашего сына. Хватит бессмысленно и глупо носиться галопом по

окрестностям, создавая ненужные неприятности и себе, и людям и подвергая опасности себя. Вы совершенно не думаете о нашем ребенке, поглощены только своими безумными затеями.

– То есть вы хотите наказать меня за то, что я пытаюсь спасти жизнь моей подруги? Вы больше переживали из-за потери вашей птицы, чем о судьбе невинной женщины. И в любом случае вы предпочли бы увидеть меня мертвой, не так ли? Без меня вам сразу станет проще жить, и вы сохраните вашу драгоценную дружбу с Роджером. Сможете жениться на Джудит и вообще забыть о том, что я существовала.

Пак начал скулить, и я рассеянно погладила его. Лицо Ричарда исполнилось своеобразной смесью обиды и страдания. Не дожидаясь его ответа, я выбежала из гостиной и закрыла за собой дверь, чтобы он не слышал моих рыданий.

Глава 21

Настал день званого обеда, весь дом, кроме меня, деловито гудел, точно растревоженный улей. И хотя я, следуя приказу Ричарда, оставалась в постели, мое сердце отчаянно колотилось. Узкие тиски боли еще сдавливали мою грудь, узкие, но такие тугие, что на шее усиленно билась жилка.

Мне приснился новый кошмар. Я оказалась в том подземелье, где содержали ведьм. Даже открыв глаза, я видела лишь непроглядный мрак, более черный, чем под закрытыми веками. Слышались звуки капающей воды и чьи-то приглушенные рыдания. Тихо шуршал сырой пол, устланный чем-то вроде соломы, и я предпочла не двигаться. Едва я подумала, что могу умереть от страха, около меня, где-то совсем близко, послышалось громкое чавканье. Но какое-то нечеловеческое... более грубое, может, собачье или какой-то более крупной твари. Я слышала, с какой легкостью вгрызаются зубы в чью-то плоть, и набив целую пасть, пожирают ее. От этого дикого урчания мне стало совсем дурно, и я проснулась, вся мокрая от липкого страха, с колотящимся сердцем.

Никаких ответов от лордов Бромли и Элтэма я не получила, хотя и не ждала их. Из-за своего заточения я не могла даже узнать, удалось ли Кэтрин выполнить мою просьбу. К сегодняшнему утру мои нервы уже звенели от напряжения, точно связка ключей. Лежа в спальне, я представляла, что происходит двумя и тремя этажами ниже: кухонные слуги, наверное, ощипывают птиц, рубят, чистят, жарят и парят; Джеймс выбирает вина в погребе; уже перемыты и до блеска протерты бокалы и столовые приборы, наточены ножи. Если они не приедут, великолепный обед достанется нам двоим.

Ричард не появлялся: он не разговаривал со мной. Встав с кровати, я подошла к зеркалу, решив наконец впервые за неделю привести в порядок волосы. У меня болели руки, и я чувствовала себя так, словно много дней страдала бессонницей, хотя на самом деле я только и делала, что спала. Я почистила зубы и перешла в гардеробную, но пребывание там перестало радовать меня. Мой альбом с рисунками давно пылился в углу. После облачения в светло-желтое платье из тафты мысль о том, чтобы спуститься в зал после стольких дней заточения в спальне, показалась мне нелепой – сама-то я привыкла к своим постоянно увеличивающимся размерам. Незадолго до полудня раздался стук в дверь. В дверной щели появилось

строгое лицо Ричарда.

– Вы спуститесь? – изрек он с легкой вопросительной интонацией.

– Они уже прибыли? – вставая, спросила я.

– Нет, но госпоже, пославшей приглашения, следует встречать гостей.

К торжественному обеду подготовили большой зал, стол поблескивал серебром и бокалами, окруженными свежими крахмальными салфетками. Вазы с фруктами наполнились клубникой и сливами, яблоками, грушами и персиками. Дрова в камине прогорели, остались лишь слабо тлеющие угли, но большое помещение успело хорошо прогреться, а сияющая небесная синева изливалась в чистые стекла окон. Мы с Ричардом стояли в подавленном молчании, поглядывая на праздничный зал, но вот справа в дальнем дверном проеме появился Джеймс.

– Господин, прибыл первый гость.

В зал вступил Роджер.

Ричард направился приветствовать его.

– Добрый день, Флитвуд, – поздоровался он, пожав руку Ричарду, и мягко добавил: – Надеюсь, ваше здоровье намного лучше?

Я посмотрела на мужа, он в очередной раз предал меня, отдав предпочтение своему другу, однако он не сводил взгляда с Роджера.

– Благодарю вас, гораздо лучше, – помедлив, выдавила я.

– За это можете поблагодарить Кэтрин.

Он безмятежно улыбнулся. Ричард направился к столу за вином.

– Судьи Его Величества еще не прибыли? – небрежно поинтересовался Роджер.

– Пока нет. Флитвуд, на какое время вы назначили обед?

– По-моему, на полдень.

– К сожалению, сегодня рыбный день, – сообщил Роджер Ричарду, – кстати, надо отдать вам должное, в четверг вы уложили прекрасную лань.

– Да, жаркая выдалась охота. Думаю, теперь мне придется долго ждать подходящей погоды для новой охотничьей вылазки. От жары лошади глупеют.

– Ваше мастерство одолеет их глупость. Вы способны успешно охотиться даже на муле.

Ричард рассмеялся, и они с Роджером чокнулись бокалами. Мне он вина не принес, поэтому я сама направилась к Джейкобу, нашему румяному и ясноглазому молодому лакею, он смущенно покраснел, заметив оплошность Ричарда. Я с невозмутимым видом сама взяла бокал вина.

Мы представляли странный треугольник, мужчины стояли рядом, а я, оставаясь поодаль от них, глубоко дышала, стараясь успокоиться. В

открытом дверном проеме вновь появился Джеймс.

– Сэр Эдвард Бромли и сэр Джеймс Элтэм, – провозгласил он.

Отвесив легкий поклон, Джеймс удалился, и вот, словно дождавшись выхода на сцену двух главных персонажей сегодняшнего спектакля, оба дверных проема в наш приемный зал заполнились именитыми гостями.

Слева возникла осанистая, исполненная собственного достоинства фигура Эдварда Бромли, его объемистую талию подчеркивал бархатный пояс с застежкой. Расшитый изысканно тонкой вышивкой дублет дополняли рукава с продольными разрезами, а веерный воротник был завязан под подбородком зеленой лентой. Завершала ансамбль широкополая черная шляпа, и под ее полями весело поблескивали живые глаза. Он уже достиг среднего возраста – по меньшей мере лет сорока, – но не растерял красоты и стати.

В десяти футах от него, в правом дверном проеме, одновременно появился и Джеймс Элтэм. Вероятно, лет на десять старше сэра Бромли, он был выше и стройнее, но выглядел величественно благодаря просторному, наброшенному на одно плечо плащу. Приятного сливочного цвета шелковая куртка с широкими манжетами на рукавах плотно облегла его фигуру. Черные бархатные бриджи с золотыми прошивками под стать куртке завершались подчеркивающими стройность колен подвязками с розетками. Он был без шляпы, но серебристые волосы красиво обрамляли его изрезанное морщинами лицо с серьезными темными глазами.

Словно повинувшись внутреннему приказу, оба одновременно вступили в зал. Ричард сначала двинулся навстречу сэру Эдварду, поэтому я поспешила к более пожилому сэру Джеймсу, как и приличествовало встречать гостей равного положения.

– Милорд, мы так рады, что вы удостоили Готорп визитом, – сказала я. – Надеюсь, дорога не утомила вас?

– Благодарю вас за приглашение, госпожа Шаттлворт. Необычайно великодушно с вашей стороны устроить такой прием во время наших долгих северных ассиз.

Целуя мне руку, он не сводил с меня своих темных глаз. Наше общение прервало удивившее меня сообщение управляющего.

– Господин Томас Поттс, – в очередной раз провозгласил он.

Сэр Джеймс еще не отпустил мою руку, но я, взглянув в сторону двери, увидела у входа высокого и стройного молодого мужчину.

– Надеюсь, госпожа Шаттлворт, вы простите меня за то, что я взял на себя смелость пригласить к вам также нашего постоянного спутника в поездках по северным краям? Позвольте представить вам, господина

Поттса, секретаря ассиз.

Молодой человек изящно поклонился мне.

– Разумеется, добро пожаловать, господин Поттс, – приветливо произнесла я.

Секретарь прошел по залу и, окидывая его взглядом, уделил должное внимание дворянским гербам на стенах и верхней галерее менестрелей. Он выглядел немного моложе Ричарда, вероятно, лет на двадцать с небольшим.

– Господа, – Роджер, видимо, счел, что настал его черед приветствовать наших гостей и, спокойно подойдя к каждому из них, обменялся рукопожатиями, – давненько мы с вами не виделись. Когда же это случилось в последний раз... уж не во вторник ли?

Все гости искренне посмеялись, и им незамедлительно предложили бокалы с вином.

– Так вы, господин Поттс, сопровождаете эти ассизы? – поинтересовалась я у молодого человека.

– Да, – тихо ответил он, и я уловила легкий шотландский акцент, – недавно мы покинули Йорк, а послезавтра ассизы начнутся в Уэстморленде.

– Надо же, моя мать как раз живет в Уэстморленде, в окрестностях Киркби-Лонсдейла, – заметила я.

Он вежливо кивнул.

– А скажите мне, – я понизила голос, хотя остальные мужчины, громко переговариваясь, удалились к столу, – раз вы уже побывали в Йорке, то, должно быть, присутствовали на судебном разбирательстве по делу Дженнет Престон?

– Вы правы, – ответил он так любезно, словно мы говорили о прибыльном для нас торговом судоходстве. – Вы знакомы с Томасом Листером из Уэстби?

– Да.

Я умолкла, ожидая, что он продолжит эту тему, но не дождалась.

Его темные глаза метались по залу.

– У вас на редкость современная обстановка.

– Спасибо, – ответила я, осознавая, что это весьма сомнительный комплимент.

– Вам нравится жить на севере?

– Честно говоря, север мне привычен, мы редко выезжаем в южные графства. – Мы направились к столу, где уже предусмотрительно добавили шестой куверт. – А вы впервые приехали сюда с ассизами?

– Да, это мой первый и необычайно интересный выезд. Должен

сказать, северяне показались мне весьма... странными. Здесь у вас все другое: блюда, юмор, города. Я уже начал скучать по Лондону.

Он улыбнулся, показав острые, точно булабочки, зубы. Улыбнувшись в ответ, я заняла свое место, из-за размера живота оказавшись дальше всех от стола. Роджера также представили молодому секретарю.

– Рад познакомиться с вами, – сказал мистер Поттс, и, перехватывая другой рукой бокал вина, несколько запоздал с рукопожатием.

Роджер мельком взглянул на меня и отвернулся.

Подали первую перемену блюд: сваренную в пиве лососину и соленую сельдь. Бокал вина помог мне справиться с потрясением, вызванным приездом Роджера, и я переключила внимание на королевских судей.

– Как проходят ваши ассизы?

– Отлично, госпожа, – добродушно ответил сэр Эдвард, слегка пригладив усы, обрамлявшие округлые и розовые, как яблочки, щеки, – пока мы проехали только полпути, нам еще предстоит поработать в Кеңдале и, как вы знаете, в Ланкастере. – Я слегка покраснела, отчаянно надеясь, что он упомянет перед Роджером о просьбе, высказанной мной в письме, но он сменил тему. – Мы уже завершили дела в Дареме, Ньюкасле и Йорке, а Карлайл ждет нас после Ланкастера. И тогда нам предстоит долгий путь домой, на юг.

– Должно быть, – продолжила я, – в вашей работе вам приходилось сталкиваться с самыми разными необычными обвинениями. Давно ли вы уже выезжаете в наши северные графства?

– Два года, – ответил сэр Эдвард.

– Я принимаю участие в ассизах немногим меньше десяти лет, – подхватил сэр Джеймс.

– А я впервые отправился в такую поездку, – с важным видом заявил их секретарь.

Взгляды мужчин опустились к тарелкам, и все мы приступили к обеду.

– Недавно я слышала одну новость... – Я постаралась придать своему голосу степенную уверенность. – Говорят, в Йорке вы признали виновной в колдовстве какую-то женщину?

– Действительно, – ответил пожилой судья, – интересное получилось положение, поскольку не прошло еще и четырех месяцев с тех пор, как мы рассматривали то же обвинение в отношении этой женщины на Великопостных ассизах.

– И вновь, насколько я понимаю, обвинение выдвинул Томас Листер, – заметила я.

Гости за столом умолкли. Кусок селедки завис возле рта сэра Джеймса,

не успев попасть по месту назначения.

– Совершенно верно, – признал он, – а вы, должно быть, интересуетесь законами королевства.

– Но на сей раз ее признали виновной.

– Да, эту женщину признали виновной в тяжком уголовном преступлении, убийстве посредством колдовства Томаса Листера-старшего, – тихо, почти задушевно, произнес Джеймс Элтэм.

Наверняка он приберегал влиятельную мощь своего голоса для судебных заседаний.

Я кивнула, выталкивая языком из глубины рта рыбную косточку, чтобы не подавиться ею.

– Сэр Эдвард, однако, очевидно, помиловал ее на Великопостных ассизах, поэтому ее жизнь милосердно продлилась на несколько месяцев, – добавил он, взглянув на своего коллегу. – Хотел бы я знать, имели ли вы тогда представление о том, насколько сомнительна репутация ее сторонников, и не потому ли вынесли такой вердикт.

– Я ничего не знал, – блеснув глазами, откликнулся сэр Эдвард. – Все эти Престоны так голосили, – пояснил он остальным гостям. – Беднягу Элтэма, фигурально выражаясь, обливали грязью в каждом городке от Йорка до Джисберна. А между ними, как вы знаете, больше шестидесяти миль.

Я попыталась представить толпы поселян на улицах Падихама и Колна, протестующих против ареста пендлских ведьм, и не смогла вообразить себе ни единого поднятого кулака.

– А до нынешнего года вам приходилось судить людей за колдовство? – спросила я.

Пара королевских судей переглянулась, задумчиво помедлив с ответом.

– В Англии такого еще никогда не случалось, – удивленным тоном ответил сэр Эдвард, – на самом деле, в этом графстве нам впервые предстоит разбираться с такой большой группой обвиненных в колдовстве людей.

– За все время ваших ассиз?

Он кивнул. Не в силах удержаться, я посмотрела на Роджера, ему уже явно не терпелось вступить в разговор.

– До сих пор они успешно скрывали свои злодеяния по всей стране, – заявил он, – тут ведь, как с ловлей мышей: поймав одну, понимаешь, что где-то поблизости целый выводок. Наш король давно подозревал, что Ланкашир стал тайным пристанищем разного рода преступников и колдунов, поэтому я только рад помочь искоренить сей порок до того, как

он распространится и заразит все королевство, предоставив его на ваше правоспособное рассмотрение.

– Неужели вы подразумеваете, что такой порок подобен чуме? – поинтересовался сэр Эдвард.

– В известной степени. Обратите внимание на этих Дивайсов и Редфернов: они живут поблизости друг от друга. Если одно семейство увлеклось колдовством, а другое тоже занялось им для собственной защиты или в других целях, то это уже не случайное совпадение. Однако старуха Демдаjk злодействовала уже не одно десятилетие.

Осознав, что готова испепелить его взглядом, я опустила глаза.

– Почему, как вы полагаете, эта старая женщина до сих пор избегала наказания, если дело обстоит именно так? – удивленно спросил Томас Поттс. – Неужели раньше никто не обвинял ее?

– Никто, насколько мне известно.

Убрав грязные тарелки, слуги принесли вторую перемену: устричные пироги. Впереди нас ожидали еще три перемены блюд, и за это время мне необходимо убедить судей в том... В чем же именно?

– Где вы остановились на ночь? – спросил Ричард.

– Неподалеку отсюда, на скромном постоялом дворе.

– О нет, я настоятельно прошу вас воспользоваться нашим гостеприимством.

– Не будет ли это излишне навязчиво с нашей стороны? Нам надо выехать рано утром.

– Хотя перины были бы гораздо приятнее надоевших соломенных тюфяков, – заговорщически подавшись вперед, пробурчал Томас.

Мужчины рассмеялись.

– Полагаю, – прочистив горло, заметила я, – избавившись после выезда из Йоркшира от сторонников Дженнет Престон, вы вздохнули с облегчением.

– Именно так.

– И вы еще не сталкивались с подобными протестами по поводу так называемых пенделских ведьм?

– Мы совсем недавно в Ланкашире, – ответил сэр Эдвард, отрезая устричный пирог, – и пока не ознакомились с деталями этих дел, учитывая, что сначала нам предстоит разбираться с делами в Уэстморленде. А много ли женщин обвиняется?

– Дюжина или около того. Но, к сожалению, одна уже умерла, – бесстрастно произнес Роджер, – однако в данное время я расследую очередное дело женщины из Падихама.

– Очередное дело? – мне не удалось смолчать.

– Мой коллега, господин Баннистер, возьмет показания у ее служанки, она клянется, что своими глазами видела духа-покровителя миссис Пирсон.

– И в каком же виде?

– В виде жабы.

В последовавшем удивленном молчании явственно послышался сдавленный смешок, изданный Томасом Поттсом. Роджер сделал вид, что ничего не заметил.

– Миссис Бут, служанка, чесавшая шерсть в доме Пирсонов, говорит, что попросила у нее молока. Они добавили в очаг дров, чтобы подогреть кастрюлю с молоком, а когда миссис Пирсон забирала кастрюльку, из-под дров выпрыгнула странная жаба – вернее дух-покровитель в облике жабы. Маргарет Пирсон взяла эту тварь щипцами и вынесла во двор.

– Хотелось бы мне знать, Роджер, – тихо начала я, – вы сами видели кого-то из этих духов-покровителей?

В неловком молчании Роджер задумчиво пережевывал пирог.

– Дьявол является только тем, кто жаждет общения с ним, – в итоге ответил он.

– Разве не вы говорили, – не в силах сдержаться, продолжила я, – что дух-покровитель является вернейшим признаком ведьмы? Не означает ли это, что если у предполагаемых ведьм нет духов-покровителей, то, вероятно, они просто невинные женщины?

Роджер пристально посмотрел на меня из-под набрякших тяжелых век. Поднял бокал и глотнул вина.

– С той же вероятностью они могут хорошо прятать их.

– Господа, – обратилась я ко всем участникам обеда, – у меня есть большая собака, и она повсюду сопровождает меня. Не могут ли и меня обвинить в колдовстве?

Все молчали, а я взглянула на Роджера, хладнокровно смотревшего на меня.

– Такое впечатление, госпожа, что вы напрашиваетесь на обвинение. На вашем месте я вел бы себя крайне осторожно. Вам должно поддерживать вашего мужа. Его имя, как сообщили мне сэр Эдвард и сэр Джеймс, уже известно в Уайтхолле с наилучшей стороны, поэтому не стоит портить его репутацию.

Судьи обменялись смущенными взглядами.

– Падихам тоже относится к Пендл-форест? – вежливо поинтересовался сэр Эдвард.

– Граница проходит по нашей реке, – добродушно пояснил Ричард,

обозначив ножом саму границу, хотя выражение его лица оставалось непроницаемым, – поэтому в этом доме вы будете в полной безопасности.

– Вы не можете поклясться в этом, – возразил Роджер, глядя непосредственно на меня, – учитывая, что одна из обвиняемых бывала у вас.

Несколько властных и проницательных взглядов мгновенно обратились ко мне, и я невольно онемела. За нашим столом явно доминировал Роджер, и мужчины, отведя взгляды от меня, недоверчиво взглянули на него.

– Среди обвиняемых есть женщина, Алиса Грей, она обслуживала Флитвуд в качестве повитухи.

Он произнес слово «повитуха» с таким скептицизмом, словно она претендовала на роль русалки.

Лицо сэра Джеймса озадаченно вытянулось.

– Какой необычный случай.

– Весьма.

Роджер не сводил с меня глаз. В этот момент я исполнилась презрением не только к нему, но и к Ричарду, пригласившему его сюда, несмотря на то что он знал о моей цели. Все могло бы сложиться совсем по-другому, если бы мне не помешали эти двое. Я рассказала бы о деле Алисы и, вероятно, смогла бы способствовать улучшению ее положения. Но мы собрались все вместе, словно одна неблагополучная семья. В этот момент подали основное блюдо: огромная щука изящно свернулась на блюде, размером с каретное колесо. Мы с Ричардом встретились глазами, и в его взгляде горел опасный огонек, хотя к нему и примешивалось нечто вроде легкого чувства вины. Возможно, он осознал теперь последствия своего поступка.

– Господа, перед тем как мы насладимся нашим очередным блюдом, позвольте мне с разрешения моего супруга поведать вам одну историю.

Я вновь взглянула на Ричарда, и он быстро и как-то формально кивнул. Роджер многозначительно кашлянул, но я сразу заявила:

– Речь пойдет о моей подруге Алисе Грей, она как раз навещала меня здесь в качестве повитухи. Она предстанет на судебном разбирательстве в ходе Ланкастерских ассиз, обвиненная в убийстве посредством колдовства.

Роджер попытался протестовать, но я продолжила. Мой голос напряженно звенел, и я молилась только, чтобы он не подвел меня.

– Алиса прослужила у меня несколько месяцев и проявила себя на редкость сведущей повитухой. Она отлично знает свое ремесло, научившись всем его премудростям у своей покойной матери.

Подавив волнение, я пристально взглянула на каждого из судей. Они также взирали на меня с напряженным вниманием. Я понимала, что вступила на край обрыва и нахожусь в одном шаге от головокружительно падения.

– Алиса на редкость великодушна, законопослушна и добра. Когда-то давно она... она...

Я нерешительно запнулась, и вдруг почувствовала нечто особенное: от кого-то из ближайших гостей, казалось, исходили ободряющие, как от теплого очага, волны. Переведя дух, я бодро продолжила:

– Довольно давно уже она оказалась в ужасном положении, какое вряд ли выпадало на долю даже несчастливой женщины. У нее почти нет родных и друзей; ее единственная подруга томится вместе с ней в подземелье Ланкастера. Я надеюсь, что, – я зажмурилась, пытаюсь справиться с подступившими слезами, – я надеюсь, что вы не станете наказывать ее за пережитую трагедию и вызванные ею безмерные страдания.

Роджер оборвал меня, вскочив со своего стула.

– По-моему, мы уже выслушали более чем достаточно. Мы здесь не на судебном разбирательстве, и заявление этой обвиняемой будут заслушаны в свое время в более подходящем зале.

Лицо его побагровело, маленькие бусинки глаз пылали злобой.

Я кивнула и вновь обратилась к другим гостям:

– Я пригласила этих уважаемых судей в наш дом и надеюсь, что они не сочтут за дерзость то, что я с сердечной теплотой отозвалась о своей повитухе, ведь они скоро встретят ее в других, весьма плачевных обстоятельствах. Господа, разве я чем-то оскорбила вас или нарушила какой-то закон?

Изумленно, но вежливо, они покачали головами. Тишина, словно пыльный полог, накрыла стол.

– Господа, – подал голос Ричард, – по окончании обеда я могу показать вам дом, если у вас появится желание осмотреть его.

Все обрадовались перемене темы, и настроение заметно улучшилось, когда Ричард под это роскошное рыбное блюдо коротко поведал собравшимся историю его знаменитых дядюшек. Только мы с Роджером сидели, как две черные тучи, размышляя, кто из нас первым выплеснет накопившееся возмущение.

Глава 22

Несколько дней спустя, после унылого и дождливого полудня, я лежала в своем тихом заточении, когда в дверь спальни постучал Ричард. Он сообщил, что в наши края заехали актеры лорда Монтегю и нынче вечером они выступят у нас в доме. Раньше такая новость взволновала бы нас обоих, но сейчас многое изменилось.

– Господи, почему же Джеймс пригласил их в столь неуместное время? – спросила я, с трудом приподнимаясь на подушках.

– Я просил его пригласить их уже много месяцев назад, – вздохнув, признался Ричард, – но только сегодня утром они известили о прибытии.

Он удалился, а я, преодолевая усталость, заставила себя встать с постели и одеться.

Мне следовало бы удивиться, увидев спустя пару часов, что в большом зале уже сидит Роджер, сцепив руки на своем объемистом животе. Но когда я вошла туда вместе с Паком, мой взгляд привлекала не сидевшая слева от него бледная и осунувшаяся Кэтрин, а темноволосая женщина справа. Она смотрела вниз, но белый воротник не позволял ей опустить лицо, и его черты тут же всплыли из глубины моей памяти. Сидя за столом, она попыталась скрыть свой огромный живот под складками парчи и тафты.

У меня закружилась голова.

– Госпожа, – любезно произнес Роджер, – позвольте представить вам Джудит, дочь моего старинного друга Джеремайя Торпа из Брэдфорда. Его не надо путать с Торпами из Скиптона, хотя, возможно, между ними даже имеется дальнейшее родство.

Через несколько мгновений гробовую тишину зала нарушили звуки шагов из коридора. В другом дверном проеме появился Ричард. Он мгновенно осознал, что произошло, лицо его побледнело. Остатки смелости – крупница надежды, еще жившая во мне, – исчезли, словно перышко, подхваченное и унесенное мощным речным потоком. Я поняла это моментально, и поняла также, что надежда утрачена безвозвратно.

– Роджер, – с трудом выдавил побледневший Ричард.

Но он не разозлился; он пребывал в таком парализующем изумлении, словно друг всадил ему нож в спину.

И тогда одновременно произошло несколько событий: встревоженный накаленной чувствами обстановкой, Пак разразился мощным лаем, и тут же в дверном проеме появился Джеймс, объявив о прибытии актеров труппы

лорда Монтегю, чьи хорошо поставленные громкие голоса уже доносились до собравшихся в зале; бледность лица Ричарда сменилась неприглядным свекольным румянцем, а Джудит наконец подняла глаза. Пока я смотрела на нее, какофония звуков, звеневших в зале и в моей голове, утихла. На ее кремовом, в форме сердца, лице изящно выделялись пухлые щечки теплого карминно-розового оттенка. Ее ясные темные глаза испуганно взирали на Ричарда, но, помимо вины и уважения, я безошибочно узнала в ее взгляде еще одно чувство: любовь.

В зале опять поднялся шум, и я положила руку на голову Пака, чем мгновенно утихомирила его. Еще немного поскулив, пес спокойно замер рядом со мной. Джеймс нерешительно топтался на пороге, в явном изумлении разинув рот.

Ричард решительно направился к столу, где Роджер восседал, точно колючка между двумя дрожавшими розами.

– Роджер, как прикажете это понимать? – взревел он. – Какого черта, скажите на милость, вы себе позволяете такое?

Кэтрин выглядела глубоко печальной. Она еще больше похудела с нашей последней встречи. С легким уколом вины я подумала, чего ей стоило ради меня послушаться Роджера. Джудит выглядела жутко испуганной, ее очаровательные черты исказило выражение мучительных страданий.

– Ответьте же мне, пока я не снял со стены меч и не пронзил им вас. Черт возьми, Роджер, отвечайте!

Встревоженный взгляд Роджера переместился на это убийственно грозное оружие, поблескивавшее над каминной полкой.

– Вы же знаете, Ричард, что наши с Джудит семьи давно дружат, и я пригласил ее погостить в Рид-холле. Поэтому, когда люди лорда Монтегю объявили о прибытии труппы в Пендл и я заинтересовался, не смогу ли я лично насладиться в Рид-холле их представлением, то мне сообщили, что они уже приглашены в Готорп, поэтому, естественно, я увидел удобную возможность свести наши семьи вместе по такому знаменательному... случаю.

Он широко развел руки, словно желая обнять всех собравшихся в зале.

– Господин?

Преданный Джеймс попытался растопить ледяную атмосферу. Только Роджер, барабанивший по столу унизанными перстнями пальцами, видимо, чувствовал себя совершенно непринужденно. За спиной нашего управляющего, где только что тихо переговаривались актеры, установилась мертвая тишина, словно они, затаив дыхание, ждали новых указаний.

С чопорной степенностью Ричард повернулся и посмотрел на меня. На лице его застыло горестное выражение. И, вероятно, оно также отражалось на моем лице.

– Флитвуд, не соблаговолите ли вы присоединиться к нам? – спросил он, охрипшим от волнения голосом.

Я взглянула сквозь слезы на Джудит, ту женщину, с которой уже поделилась мужем, а теперь еще и домом. Она опять опустила глаза на сложенные на коленях руки. Шмыгнув носом, я кивнула и заняла свое место рядом с Ричардом.

Пока нам подавали вино и херес, шестеро или семеро мужчин, поднявшись на галерею, чинно раскланялись перед нами.

– Добрый вечер, дамы и господа, – приветствовал нас стоявший посередине молодой красавец. У него был большой рот и приятный звонкий голос, – господин и госпожа Шаттлворты, благодарим вас за приглашение в столь великолепный чертог. Сегодня вечером мы сыграем для вас пьесу, наиболее предпочитаемую нашим народом, созданную пером одного из величайших современных драматургов, и мы сами почитаем за счастье сыграть перед вами нашу любимую драму. Трагедия тщеславия, заплутавшего в лабиринте морали с легким магическим налетом, перенесет ваше воображение в глубочайшие и темнейшие дали Шотландии – что, вероятно, будет не столь сложно, учитывая климат здешнего графства. – Он помедлил, ожидая реакции на свою шутку, но, не дождавшись смеха, продолжил: – Итак, леди и джентльмены, внимайте, мы представим вам трагедию шотландского короля Макбета в изложении Уильяма Шекспира!

По взмаху полы его плаща часть актеров удалилась, оставив на галерее только троих, а они, натянув капюшоны, сгруппировались в тесный кружок. Я смутно осознавала происходящее, но мной овладело тупое бесчувствие. К тому же я уже видела раньше эту пьесу.

Первая ведьма

– Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?

Вторая ведьма

– Когда один из воевод
Другого в битве разобьет.

Третья ведьма

– Заря решит ее исход^[27].

Пока актеры декламировали свой текст я уголком глаза следила за

Джудит, она сидела спокойно и прямо, подняв лицо к актерам, но, возможно, иногда и бросала взгляды на интерьер зала: на китайские вазы в горках, на до блеска начищенные канделябры на стенах, на фамильные портреты – все эти обычные предметы интерьера, несомненно, представляли для нее огромный интерес. Она с жадностью впитывала малейшие детали дома Ричарда, чтобы позже наслаждаться, подолгу вспоминая их. Если только, разумеется, она уже не бывала здесь.

Дождь с шумом хлестал по окнам; голоса актеров были едва слышны, и им приходилось едва ли не кричать, поэтому их персонажи выглядели несколько истерично.

Первая ведьма

– Мурлычет кот, зовет. Иду!

Третья ведьма

– Зов жабы слышу я в пруду.

Все вместе

– Зло есть добро, добро есть зло, Летим, вскочив на помело!

Струи дождя продолжали барабанить по стеклам, а присутствие Джудит отдавалось у меня в голове колокольным звоном. Я чувствовала, что она бросала на меня взгляды, но сама не сводила глаз с галереи. Какими же унылыми, должно быть, мы все выглядели, какими тупыми и скучными. Громко тикали часы. Мне вспомнилась лестница в подzemелье, и дверь, скрывавшая полный мрак. Тик-так, тик-так.

Когда один из воевод

Другого в битве разобьет.

Болезнь служанки. Кровать, тряпичная кукла с привязанным черными волосами ребенком. Исчезнувшая чаша с кровью. Растерзанный сокол. Из темноты, белея, выплывает ночная рубашка, она все ближе и ближе.

– Прекратите! – вдруг вскрикнула я. – Пожалуйста, прекратите!

Ричард встревоженно вскочил со стула и хлопнул в ладоши.

– Господа, примите мои извинения, но моей супруге стало дурно.

Я смутно и отстраненно осознавала какое-то начавшееся в зале беспорядочное и суетливое замешательство. Продолжая бессильно сидеть, я завороченно взираала на свои руки, похолодевшие и безжизненные. Скоро я действительно могу умереть, и Алиса тоже, но этот зал, и все эти люди

будут продолжать жить, и этот двенадцатый год семнадцатого века постепенно станет для них далеким воспоминанием. Вино будет литься рекой за здоровье Ричарда и его новой жены, и Роджер с Кэтрин будут играть с их розовощекиим ребенком. Я даже чувствовала присутствие в этом зале этого другого ребенка, всего в нескольких шагах от меня, он ждал дня своего рождения, ждал, когда займет свое место в этом мире, позволив Джудит заменить меня.

Раньше Ричард в шутку называл меня маленькой тенью, но скоро мне всерьез суждено умереть. Руки мои поддерживали живот, и мне показалось, что он начал уменьшаться. Скоро он, безусловно, совсем исчезнет, однако его исчезновение не будет легким, словно меркнувший дневной свет. Оно будет мучительным, ужасным и беспомощным, никто не положит прохладную руку мне на лоб, и не успокоит меня добрый взгляд янтарных глаз. Скоро состоится суд, и Алиса умрет, а потом умру и я, обе мы погибнем под ударами злосчастной судьбы. Закрыв глаза, я подумала о своем ребенке, о том, как мне хотелось, чтобы мы оба выжили. Моя земная жизнь подходит к концу, и конец ее близок.

Глава 23

Завтра начнутся ассизы, и практически все население Ланкашира и граничащих с ним графств собралось посмотреть, как сложатся судьбы ведьм из Пендл-форест. Улицы Ланкастера заполнились конными повозками, людьми и собаками, коровами и курами, детьми и прочими всевозможными преградами, побуждавшими ехавшего за нашими с Ричардом спинами кучера осыпать их громогласными проклятиями, ведь ему приходилось лавировать в этом хаотичном лабиринте, везя наш багаж и утомленного дорогой Пака. Покачиваясь в седлах, мы с Ричардом влились в поток поднимавшейся по склону толпы, я не отрывала взгляда от мощенной бульжником дороги, которую мы пересекли, чувствуя, до мурашек на коже, устремленные на меня взгляды. Мне хотелось стать невидимкой, но с моим огромным животом я бросалась в глаза, точно у меня вдруг выросла борода. Узкие улицы заполнило море коричневых платьев, белых чепцов, черных шляп и немых тел. Я заметила, как мальчонка пару раз споткнулся на дороге передо мной, и тогда его мать резко вытащила его на обочину, благодаря чему он не попал под мощные, размером с блюдца, копыта моей лошади. Она перехватила мой взгляд, и ее удивило, по-моему, мое неподобающее матери безразличие. Всю дорогу от дома мы с Ричардом скакали в странном оцепенелом молчании, Пак бежал рядом с нами или трясся сзади на повозке, изредка поскуливая. Услышав издали беспорядочный шум Ланкастера, мы испытали желанное облегчение.

К середине дня мы уже заехали во двор «Красного льва», скромного постоянного двора, расположенного среди тенистых деревьев в конце ведущей к реке улочки. Я едва обратила внимание на предоставленную нам комнату на втором этаже, однако отметила ее чистоту и хорошую меблировку, с тяжелыми тканевыми дорожками на буфетах и комодах, и роскошной кроватью под пологом на четырех столбиках. Я вздрогнула, услышав, как грохнулся на пол мой дорожный сундук, и носильщик с любопытством посмотрел на меня. Взбудораженный долгим и тряским путешествием, малыш брыкался и крутился у меня в животе. Я стала такой большой, что юбки, натянутые на животе, уже не скрывали моих туфель.

Нашей собаке принесли хлеба с молоком, и, с благодарностью вылакав эту похлебку, Пак уютно устроился на турецком ковре перед камином. Хотелось бы мне устраиваться на отдых с такой же легкостью, однако я, дрожа от холода, лежала на своей половине кровати, подтянув колени к

животу.

Ричард стоял у окна, сцепив руки за спиной. С того ужасного обеда недельной давности я почти не разговаривала с ним. Мне с трудом удавалось хоть что-то съесть, да и спалось не лучше. Целыми днями я бродила из конца в конец по длинной галерее, широко расставляя ноги на гладком деревянном полу, чтобы уравновесить положение моего объемистого живота. Либо же сидела возле одного из многочисленных окон, глядя на окрестные пейзажи, а малыш активно двигался за нас обоих. Я могла сказать Ричарду, что по-прежнему боюсь потерять его, и мне хотелось сказать ему о том, что нам нет нужды слишком уж переживать из-за того, что мы изменить не в силах, ведь зачастую мы не делаем даже того, что могли бы сделать. Мы могли бы подать апелляции; могли бы предложить помощь. Я не смела думать, что уже слишком поздно, но отчасти понимала, что это именно так: для меня, для нее, для всех нас.

– Чем, по-вашему, закончится суд? – спросил Ричард.

Мой взгляд упирался в стену комнаты.

– Их не могут признать виновными, – ответила я, – свидетели не достойны доверия. Они, точно дети, готовы рассказывать любые сказки.

– Людей отправляли на виселицу и по гораздо более сомнительным обвинениям. Но сами-то вы думаете, что они действительно связались с дьяволом?

Мне вспомнилась Малкинг-тауэр, торчавшая из верескового холма, точно перст судьбы из могильной насыпи. Вспомнились доводящие до безумия завывания ветра. Вспомнилась и лачуга Алисы с дырой в крыше; сочившиеся влагой стены; ребенок, принятый ею, как дочь, и теперь похороненный в плотной сырой земле. Что все эти люди видели в своей жизни? Возможно, они видели образы гораздо лучшей жизни в тенях, отбрасываемых по вечерам огнями их очагов.

– Если дьявол предстает в облике нищеты, голода и горя, то с таким дьяволом, по-моему, они действительно крепко связаны.

Ричард отправился в замок, чтобы узнать, когда начнется суд над ведьмами. Я пролежала на кровати, не раздеваясь до самого вечера и поглядывая на зеленеющие за окном деревья. Рядом со мной лежал Пак, он живо помахивал хвостом, радуясь тому, что ему разрешили прилечь на стеганое покрывало. Даже через стекло, отделявшее меня от улицы, в комнату просачивалась необычайно напряженная атмосфера. Я осознала, что город охвачен нервным возбуждением. Вместе с ним дрожали и ветви деревьев и кустов, взметаясь, они отлетали от дворовых стен и плит, словно зеленый дождь. Во двор «Красного льва» заехало много новых карет и

повозок, и люди с горящими ожиданием глазами топтались вокруг них, бурно обсуждая завтрашнее событие. Женщины терпеливо укачивали детей на руках; мужчины с глубокомысленным видом стояли на булыжной мостовой, для пущей важности широко расставив ноги. Я понимала, что если бы могла подслушать их разговоры, то услышала бы множество противоречивых мнений, причем высказываемых с полной уверенностью. Соседи всегда готовы осудить друг друга – это наиболее достоверная особенность человеческой природы, и именно благодаря ей в первую очередь заполнилось тюремное подземелье. Слухи распространялись быстрее, чем болезни, и могли быть не менее пагубны.

Принесшая поднос с едой служанка поставила его на буфет, неловко поклонившись и вздрогнув при виде собаки. Я даже не взглянула на этот поднос, не говоря уже о том, чтобы притронуться к пище. Мои пальцы нащупали бумагу, положенную в сумочку вчера вечером, – мое заявление в защиту невиновности Алисы, которое я надеялась огласить завтра перед судьями. Это была более красноречивая версия моего выступления за обеденным столом, переписанная по меньшей мере пять раз на листе бумаги, закапанном чернильными кляксами и слезами. Если мне не захотят дать слова, я попрошу Ричарда поддержать меня. Он пока не знает об этом, но я не представляла, чтобы он мог отказаться помочь в добром деле, даже если мне больше никогда не придется ни о чем просить его. Я не знала, позволят ли мне зачитать мое заявление на этих ассизах, не знала, имеют ли вообще право говорить что-то женщины, если они, конечно, не сидят на скамье подсудимых. От одной мысли о таком поступке у меня затряслись поджилки, но я тут же вспомнила несчастное лицо Алисы, выбравшейся из мрака подземелья. Ей придется отвечать на этом разбирательстве, а у меня есть выбор. Роджер говорил, что никаких свидетелей вызывать не будут, однако Бромли и Элтэм, возможно, не откажут в вежливой просьбе представителю местного дворянства, тем более что они обедали в его доме. Я решила попросить Ричарда о разрешении высказаться в самый последний момент, сама еще сомневаясь в том, что моего заявления будет достаточно, и понимая, что из-за собственных сомнений не смогу убедить его в необходимости такого поступка.

С прибытием новых постояльцев коридоры заполнились людскими голосами и перестуком шагов по каменным плитам. Пак спокойно посапывал рядом со мной, а я рассеянно слушала болтовню женщин и ворчание матерей, бранивших расшалившихся детей, мужские покрякивания, скрежет дорожных сундуков и залиvistый лай собак.

Я так сильно сжимала сложенное заявление, что испугалась, не

порвется ли оно, вспомнив, как не так уж давно сжимала в кулаке другую бумагу – письмо, сулившее мне смерть, в то время как этот листок мог подарить жизнь. Шум в коридоре усилился. Где-то рядом раздался громкий мужской голос; хлопнула, закрывшись, какая-то дверь.

Внезапно я насторожилась. Приподнявшись на локтях, я пристально посмотрела на свой живот. Должно быть, ребенок наконец уснул. Подойдя к окну, я посмотрела на небо; у меня не было часов. Где же задержался Ричард? Скоро стемнеет, снизу доносился шум кухонной суеты, там явно заканчивали приготовление ужина. По булыжникам двора перекачивали поднятые из погреба бочки, и уличное движение заметно поредело. Я осознала, что настал момент принятия окончательного решения: теперь или никогда! Дольше тянуть нельзя.

Растормошив спящего Пака, я выманила его с кровати на пол и направилась к одному из дорожных сундуков. Возблагодарив Благоразумие, одарившее меня своим даром, я вытащила длинный сверток, заранее спрятанный мной среди ночных рубашек. Затем, подойдя к буфету, я черкнула записку Ричарду и напоследок окинула взглядом комнату, проверяя, не забыла ли я что-нибудь нужное. И вот, спрятав под плащом узкий сверток, я позвала Пака, и мы с ним вместе отправились на конюшню.

Глава 24

Дом Джона Фаулдса находился в конце одного из слякотных переулков Колна. Я добралась туда около полуночи, и совсем запыхалась, устав управлять лошадьёю на темных дорогах. Слава богу, мне помогала луна: полная и яркая, она сияла в небе от самого Ланкастера, освещая путь нашей маленькой призрачной процессии. Благодаря Паку я чувствовала себя в безопасности и, взяв его за ошейник, постучала в дверь дома Джона Фаулдса.

На улочке стояла тишина, все окна уже сонно темнели. Я уже постучала в четыре дома, где заметила слабое свечение тростниковой свечи^[28], и последняя хозяйка – женщина с помятым усталым лицом – удивленно глянув на меня, сообщила, что Джон Фаулдс живет в переулке за рыночной улицей, в третьем доме справа.

Не дождавшись ответа, я постучала вновь, а Пак поддержал мой стук тихим горловым рычанием. Оглянувшись кругом, я никого не увидела, однако меня не покидало ощущение, что за мной следят. Возле дома на тесной улочке было слишком темно и практически ничего не видно. Вздвогнув, я опять глянула на деревянную дверь дома и постучала на сей раз более настойчиво и громко. Но тут вдруг волосы на моей голове встали дыбом, и я осознала, что в переулке действительно кто-то есть. Пак мгновенно разразился лаем и, пытаясь вырваться от меня, грозно повернулся направо, и тогда, несмотря на густой сумрак, я увидела почти над самой землей чей-то гибкий силуэт, бесшумно выскользнувший из-за последнего дома. Я неистово заколотила в дверь, из дома тут же донесся возмущенный мужской голос и наконец передо мной возникла сонная личность Джона Фаулдса. Его темные включенные волосы спускались на плечи, скрытые ночной рубахой, хотя завязки ворота пока свободно болтались на груди. Мне запомнилась его красота, однако при ближайшем рассмотрении в ней обнаружилось нечто порочное – возможно, тусклое равнодушие в глазах негативно сказывалось на всем его облике, точно творцу не удалось вдохнуть жизнь в созданное изваяние. Все его возмущение растаяло, когда он увидел то, что я прижала к его животу: ствол мушкета Ричарда, который я всю дорогу, до ломоты в руке, прижимала к боку под плащом. А потом он увидел еще и собаку, и тогда в глазах его проявился страх и даже смирение.

Его фигура заполняла щель приоткрытой двери, не позволяя мне

заглянуть в его скромный по размерам дом. Меня сильно потряхивало от волнения и, переместив ствол к его груди, я порадовалась весомой убедительности оружия.

– Так вы позволите мне войти? – спросила я.

– Мы, что ли, будем стреляться? – враждебно произнес он, скривив губы.

Пак зарычал, и Джон, смерив встревоженным взглядом мощного пса, настороженно глянул на меня и открыл дверь пошире. Я прошла в дом, сопровождаемая Паком.

Убогий двухэтажный домишко вмещал в себя две расположенные одна над другой комнатенки, причем наверх вела узкая, пристроенная к задней стене, лестница. Джон Фаулдс пользовался для освещения комнаты единственной свечой с фитилем из сердцевины ситника, и в ее тусклом свете мне удалось разглядеть лишь смутные очертания интерьера: пару стульев около очага, приземистый буфет, покрытый скатеркой, какие-то кастрюли и сковородки. Пройдя к буфету, Джон зажег вторую свечу, вставил ее в светец, и от горящего жира по комнате сразу поползли струйки удушливого дыма. Я продолжала напряженно следить за каждым его движением, сознавая, что не представляю даже, как пользоваться своим грозным оружием.

– Кто вы? – спросил он, поднося светец к моему лицу.

– Мое имя вам ничего не скажет, – ответила я, – но у нас с вами есть общие друзья.

Он сдавленно усмехнулся.

– Я не назвал бы его другом.

– Кого?

– Роджера Ноуэлла. Разве вы не от него явились?

– Нет.

Я пристально смотрела на полускрытое в сумраке лицо Джона Фаулдса, освещенное лишь неровным отблеском свечи. Почесав грязную шею, он нервно оглянулся. Если ему вдруг вздумается сбежать, сумею ли я остановить его?

– Он соблазнил вас деньгами? – спросила я.

– Ну и что, если даже так?

Опустив дуло мушкета, я услышала щелчок его механизмов. Тяжесть этого оружия истощила мои силы. Едва я доскакала до Колна, начал сеять мелкий дождь, а сейчас он пошел сильнее, его капли глухо шлепали по грязной улочке. Глаза Джона Фаулдса поблескивали в мерцающем свете.

– С какой стати Алису Грей будут судить за убийство вашей дочери?

– Она ж ведьма, – просто ответил он.

От его смуглой шеи веяло теплом, как и от гладкой груди, озаренной тусклым светом.

– Она любила вас, – сказала я, стараясь придать твердость голосу, – и любила Энн.

– Да кто ж вы такая?

– Не важно.

– Кто ваш муж?

– Это не имеет значения. Но сегодня вечером вам придется сделать для меня кое-что. Я не уйду отсюда без ваших письменных показаний, свидетельствующих о том, что Алиса Грей не убивала вашу дочь.

Он смотрел на меня, точно на сумасшедшую. А потом расхохотался. Смрад от капающего свечного жира преобладал над другими слабо уловимыми, но неприятными запахами. Эля. Какого-то кислого брожения. И гнильцы. Джон Фаулдс был еще пьян.

– Если Алису повесят, это не вернет вам дочь. Неужели вы хотите, чтобы убили невинную женщину?

– Невинную? Да она та еще распутница, – злобно процедил он, – и вообще, я не умею писать.

У меня защемило сердце. Подписанные показания оставались моей последней надеждой – я даже специально положила в седельную сумку бумагу, перо и чернила. Господи, ну почему я по своей наивности решила, что он умеет читать или писать, или хотя бы нацарапать свое имя, ведь я же помнила, что Алиса не знала даже букв! От тяжести мушкета у меня ныли плечи. Но я не смела даже повернуться к нему спиной.

Джон Фаулдс поставил мне мат.

Я вздрогнула, услышав скрип лестницы, кто-то спускался по ступенькам. Сначала под потолком появился подол длинной белой рубахи, а потом и округлая фигура, и невзрачное лицо женщины, изумленно разинувшей рот, при виде развернувшейся перед ней сцены. Когда же она увидела еще и Пака, то в ужасе вытаращила глаза; возможно, в тусклом освещении он показался ей волком, но в любом случае дог выглядел чудовищно в этой тесной комнатенке.

– Д-д-жон? – запинаясь, произнесла она.

– Возвращайся в постель.

– Кто это?

– Живо, – рявкнул он.

Опираясь рукой на стену, женщина с трудом развернулась на темной и узкой лестничной клетке.

– Подождите! – повелительно окрикнула я женщину, прежде чем ее голова исчезла на втором этаже. Она остановилась, и я спросила: – Каким из ножей Джон обычно затачивает перо?

– Да любым, мисс, – промямлила она, изумленно глядя на меня.

– Именно так я и думала. Около дома привязана лошадь. В седельной сумке вы найдете бумагу, перо и чернила. Не могли бы вы принести их мне?

Мельком взглянув на Джона, она кивнула, но не тронулась с места.

– Мне некогда ждать, – качнув стволом мушкета, добавила я, и она стремительно выскользнула в дверь на поливаемую дождем улочку, – оказывается, вы все-таки обучены грамоте, – бросила я Джону, – это ваша очередная распутница?

Он взирал на меня со злобной ненавистью.

– Нет.

– Сколько денег дал вам Роджер?

– Не ваше дело.

– Да, это дело достойно иска о нарушении общественного порядка, оно уголовно наказуемо. Так сколько?

Выпятив нижнюю губу и прикрыв глаза веками, он стойко хранил молчание.

– А что для вас выгоднее: деньги или эль? Я владею пивоварней. Если вы выполните мои указания, то ежемесячно вам будут присылать бочку пива. – Его глаза раскрылись, он явно заинтересовался моим предложением. – Я догадываюсь, на что вы тратите деньги. Если только вы не предпочитаете бренди? Вино? Что вы хотите?

– Откуда мне знать, что вы сдержите слово?

Я выпустила ошейник Пака, и он подался вперед, щелкнув мощными челюстями. И что только Алиса нашла в этом мелочном эгоистичном человеке?

Тихо вернувшись в дом, женщина, не сводя взгляда с собаки, робко вручила мне то, что я просила. И, освободившись от своей ноши, тут же убежала вверх по лестнице.

– Говорят, собаки отлично улавливают запах страха, – сообщила я Джону, – на вашем месте я попыталась бы скрыть его. Однако я понимаю, как это сложно, если вы пребываете в ужасе. Знаете, Джон, я тоже боюсь, но я боюсь того, что мою подругу повесят за преступление, которого она не совершала. И не только Алису: ее хорошую знакомую тоже могут повесить за то, что она пыталась спасти жизнь вашей дочери.

Я окинула взглядом унылую комнату, провонявшую горелым жиром и

элем, ее сырые голые стены, ничуть не защищавшие от холода, и зябко поежилась. Ребенок не мог выжить в таких условиях. Возможно, раньше, при жизни жены Джона, дом выглядел более уютным и ухоженным, и они заворачивали их новорожденного младенца в чистые пеленки, а в гостеприимно открытую входную дверь заходили соседи, чтобы поздравить их с благословенным даром.

– А ежели я не стану ничего писать? – Он шмыгнул носом. – Вы пристрелите меня?

– Да. Или вы предпочтете быть разодранным моей собакой?

Взгляд его темных глаз переместился с меня на Пака. Убедительно кивнув, я вручила ему бумагу и перо. Он вздохнул, положил бумагу на столешницу приземистого буфета и, склонившись над ней, разгладил лист бумаги в скудном свете свечи.

– Чего писать-то?

– Правду.

Дрожа от холода, я стояла и ждала, пока он, поскрипывая пером, выписывал свои признания неровными, едва читаемыми каракулями. С улицы до меня доносились только пофыркивание лошади и шум дождя. Моя грудь сжималась от страха и облегчения, и я уже представляла дальний путь, в который мне предстоит отправиться утром. Я собиралась вернуться в Готорп, поспать несколько часов и еще до рассвета опять выехать в Ланкастер.

Джон Фолдс передал мне свои показания, и я быстро прочитала их.

– Добавьте свидетельства оправдания Кэтрин Невитт, – велела я, – ей предъявлено такое же обвинение.

– Я вам не писатель, чтобы строчить тут целые сочинения.

– Вы напишите то, что необходимо. Дописывайте.

– Ну вот, – буркнул он, – этого достаточно?

– Не знаю, – ответила я, взяв у него бумагу, сложила ее и убрала в сумочку, – Но вам лучше надеяться именно на это.

– В каком смысле?

– Если этого окажется недостаточно, то я могу нанести вам еще один визит, и не рассчитывайте, что тогда я буду в настроении торговаться с вами. Ассизы начнутся утром, и вам следовало бы по-мужски осознать, что вы натворили своим лживыми показаниями. Спокойной вам ночи.

Я отвернулась, направившись к выходу. На улице лил дождь.

– А если ту распутницу все-таки повесят, я буду получать свой эль?

Не оборачиваясь, я остановилась на пороге и отпустила ошейник Пака. Джон Фаулдс успел заметить лишь промельк рыжего отлива и блеск зубов,

когда пес набросился на него и вонзил зубы в его руку. Взвизгнув от ужаса, Джон принялся чертыхаться, раскачиваясь из стороны в сторону и сжимая прокушенный локоть. Темная кровь проступила на грязной белой рубахе. Я тихо позвала Пака, и он послушно вернулся ко мне. Оглянувшись напоследок, я смерила взглядом этого слабовольного и дрожащего труса, которого Алиса когда-то любила.

– Да, вы будете получать обещанный эль, – сказала я, – раз моя собака не захотела убивать вас, то это сделает он. И чем медленнее, тем лучше.

* * *

Часом позже стало понятно, что я заблудилась. Я намеревалась проехать в западном направлении по берегу реки до самого Готорпа, но из-за сильного шума дождя не смогла услышать журчание речного потока, не говоря уже о непроглядной тьме. Луна скрылась за тучами, и теперь я смутно различала лишь темные очертания деревьев да грязную дорогу.

Я промокла. Лошадь тоже промокла и, печально переставляя ноги, время от времени протестующе останавливалась. Такой же усталый Пак тащился рядом с нами, его мокрая шерсть потемнела. Мой живот, казалось, потяжелел безмерно, и сердце колотилось, несмотря на то что мы двигались с черепашьей скоростью. Я поворачивала то налево, то направо, в надежде найти широкую дорогу, проложенную между деревьями. Все мои мысли сосредоточились на сохранении двух документов, спрятанных в складках юбок: моим свидетельским заявлением и признательным показанием Джона Фаулдса. Если они промокнули, то все пропало. На душе у меня было мутно, возможно, от подступающего отчаяния, но я не собиралась сдаваться. Нет, я не стану плакать; я найду дорогу домой, даже если мне понадобится для этого весь остаток ночи. А утром поеду в Ланкастер, предстану перед судом, и мой звонкий голос разнесется по залу, заявляя о невиновности Алисы, и все будут слушать меня, и в итоге ее цепи с лязгом упадут на пол, и она выйдет на свободу.

Стараясь защитить свой живот, я привалилась к лошадиной шее, мы еле-еле продвигались по лесу, со всех сторон окруженные черными стволами деревьев, струи дождя стекали по моей шее, но вскоре начался кошмар.

Лошадь внезапно остановилась, словно чего-то испугавшись, и тогда я услышала угрожающее хрюканье. Тихое, но отчетливое, прорезающее шум дождя. Волна холодного страха окатила меня, голова закружилась. Я

зажмурилась и опять открыла глаза, проверяя, не уснула ли я, однако хрюканье не затихло: я безошибочно узнала его, мне так часто приходилось слышать его, однако до сих пор только во сне. Но сейчас я бодрствовала и блуждала одна в самом настоящем лесу. Пак залаял, и из темноты послышалось тихое повизгивание, опять сменившееся чавканьем и хрюканьем, животные подошли ближе, но я никого не смогла разглядеть на земле. Сжав бока лошади, я прикрикнула на нее, но она лишь испуганно топталась месте, и я почувствовала, как она на что-то наткнулась, заржала и взвилась на дыбы... а я начала соскальзывать назад.

Я завопила, лошадь опять взбрыкнула, и я резко переместилась в сторону. Лежавший у меня на коленях промокший мушкет свалился на землю, и я, испуганно вскрикнув, отчаянно пыталась нащупать поводья, но вместо них вцепилась в мокрую лошадиную гриву. Она опять взвилась на дыбы, и я быстро вытащила ноги из стремян, на тот случай, если, сбросив меня, она вздумает умчаться и утащить меня за собой в неведомую даль, однако через мгновение я начала падать назад, в темноту. Мир перевернулся вверх тормашками, и в какой-то момент я четко и ясно испытала ощущение свободного падения, все мои мысли испарились в свободном полете – не падении, – но полет завершился приземлением на бок, мой живот тоже плюхнулся в жидкую грязь.

Дождь и не думал ослабевать, я лежала, прижавшись щекой к земле, и где-то совсем рядом заливался яростным лаем Пак. Вдали затихал стук копыт, моя лошадь все-таки умчалась во тьму. Я не могла двинуться с места, но по-прежнему хорошо слышала и, слыша дикое хрюканье, поняла, что за этим последует. Да, я отлично слышала этих тварей. Один кабан подступал ко мне сзади, а другой – спереди, и Пак метался около меня, рыча, лая и щелкая зубами, потом раздался какой-то многоголосый визгливый вой, и я уже совершенно не понимала, сколько же кабанов скрывается во тьме леса и сможет ли Пак выжить в схватке с их острыми клыками.

Я закрыла глаза, сознавая, что они доберутся до меня... как обычно бывало во сне. Но я не знала, что произойдет после этого. И пока Пак отбивался от одного, или двух, или даже трех кабанов, хрюканье стало громким и более угрожающим, и я почувствовала странный толчок по ноге, чье-то жаркое дыхание и запах окровавленных клыков. Я вся промокла, от дождя или крови, или собственной мочи, мои ноги под юбками увлажнились, и именно тогда меня пронзила раздирающая боль.

Возможно, клык вонзился в мой живот, породив взрыв дикой сокрушительной боли, сердце мое заколотилось, и я не могла даже

шевелинуться. Внезапно боль исчезла, но я словно опустошилась, с каким-то потрясающим хлопком у меня возникло потрясающее ощущение потери. Но кошмар продолжался, кто-то уткнулся мне в шею, коснулся щеки, кто-то волосатый и мягкий... может, Пак? Или кто-то другой? Глаза мои бессильно закрылись, снова вернулась боль, более сильная, тянущая, простреливающая спину, и я не могла пошевелиться, не знаю, от ужаса или мучительной боли, но я утратила чувство реальности.

Должно быть, у меня начались галлюцинации... или бред, может, я даже провалилась в сонное забытие. Я лежала в своей кровати дома, в Готорп-холле, за окном сияло полное звезд черное небо. Нет, я лежала на лесной подстилке, под дождем, в каких-то неведомых дебрях, совсем одна, на пороге смерти.

«Ее земная жизнь завершится».

От страха я не могла даже закричать, но этот страх отличался от того, что я испытывала в своих ночных кошмарах. У меня появилось новое знание и понимание, однако не менее дикий страх, и я не могла решить, что же страшнее: сам страх или понимание его источника.

Моя верный пес... Где же он? Когда-то я спасла его от уготованных ему судьбой жестоких страданий, я полюбила его. Открыв глаза, я искала его взглядом, и увидела рыжий промельк, яркую, как пламя, вспышку перед глазами. Мои веки вновь опустились. Но я поняла, что Пак, мой грозный защитник, где-то рядом, не зря он неизменно сопровождал меня повсюду, мой преданный большой зверь, не зря я баловала и целовала его, делилась с ним секретами, мой отважный друг мог с легкостью убить быка, но не обидел бы без надобности даже муху.

Мой малыш, я никогда не увижу его, и он не увидит меня, но хорошо уже то, что мы успели узнать друг друга. Боль вновь прожгла меня, точно каленым железом, разрывая мои внутренности, но я надеялась, что ребенок не испытывает ее, что он ничего не боится.

«Ее земная жизнь завершится».

Все звуки, казалось, затихли, но какая-то сила придавливала меня к земле, по-прежнему связывая с этой жизнью и вынуждая терпеть мучительные приступы боли. Мне казалось, что на меня наехало колесо тяжелой кареты, и перекатывается по мне взад-вперед, взад- вперед...

Дождь уменьшился и потеплел, капли ласкали мои руки и лицо, словно поцелуи Ричарда.

А бумаги в моей сумочке, должно быть, промокли.

Алиса... я должна спасти Алису.

Я открыла глаза, однако вокруг чернел непроглядный мрак. Я вновь

зажмурилась, пытаясь вытерпеть очередной приступ раздирающей боли и ожидая, когда полная тьма поглотит меня.

* * *

– Госпожа?

Мой слух уловил птичье пение. Птицы щебетали так живо и радостно. С очередной стрелой боли меня приподняли чьи-то руки.

– О боже, посмотрите на нее.

– Она мертва?

Голоса звучали испуганно, а мне не хотелось открывать глаза и видеть то, о чем они говорят.

– Неужели она истекает кровью?

Меня попытались поднять, но я значительно потяжелела из-за промокшей от дождя одежды. Очередной пронизывающий приступ боли, не оставляющий сил даже на стоны, и холод... жуткий холод.

– Она вся дрожит.

– Поживей, парень, надо поторапливаться!

Началось ритмичное движение, меня, словно ребенка, покачивало в колыбели, сквозь приоткрытые веки я увидела, как колышутся надо мной зеленые листья и темные ветви, слышала шелест ветра в кронах деревьев. Я любила бывать в лесу, чувствуя себя там в безопасности, мерное покачивание, должно быть, убаюкало меня, и после внезапного пробуждения я осознала, что меня прижали к чьей-то мускулистой груди, словно драгоценный подарок. Сильные надежные руки бережно обхватили мое тело, и мы начали плавно подниматься, вероятно, сам Господь уже поднимал меня на Небеса.

Однако очнувшись я в своей спальне, где лежала на кровати с откинутым стеганым одеялом, за раздвинутыми занавесами полога стояли люди, но я не успела разглядеть их, пронзенная очередной стрелой ослепительной боли, и именно эта боль вернула меня в реальность, до сих пор я лишь смутно, как во сне, осознавала происходящее. И только сейчас внезапно осознала, где я нахожусь и что происходило со мной.

Мой ребенок собирался появиться на свет.

Я закричала и, приподнявшись на локтях, увидела, что с меня уже сняли платье и юбки с фижмами, и я лежу в одной рубашке, испачканной красными пятнами от талии до лодыжек.

– Нет, – точно в бреду прошептала я, – нет, нет, нет. Ричард! Алиса!

Где же Ричард?

– Мы уже послали за господином, – робко произнес кто-то рядом со мной.

Я узнала одного из молодых подмастерьев с фермы, почему-то топтавшегося возле моей кровати.

– Кабаны, – со стоном сообщила я ему, – мне нужна Алиса. Пошлите за Алисой.

Парень мял в руках свою шапку, перепуганный едва ли не до потери сознания.

– Джордж, спустись на крыльцо и дождись приезда повитухи, – произнес другой голос.

Я узнала голос Джеймса, нашего управляющего, он стоял в изножье кровати. Его мрачное лицо заметно побледнело.

– Повитуху? – повторила я, предчувствуя, что очередной приступ боли вот-вот опять лишит меня сил. – Неужели Алисы еще нет? Только она может помочь мне. Где же она, где?

И тогда память вернулась ко мне. Я же сбежала из Ланкастера, чтобы заехать к Джону Фаулдсу и взять у него показания, ведь сегодня состоится суд, и Алиса сейчас ждет его в подземелье замка, а я лежу здесь, истекая кровью, и это означает только одно... Моя земная жизнь скоро закончится, так же, как и ее. Истошный утробный вопль зародился где-то в глубине моего естества, и я в отчаянии закричала:

– Алиса! Я должна ехать в Ланкастер на ассизы. Неужели я проспала?

– Госпожа, ваш муж уже в пути, он вот-вот приедет, и доктор тоже, и повитуха.

В темных глазах Джеймса пламенел ужас.

– Где мое платье? Принесите мне платье.

Кто-то из слуг – не Джеймс – принес мне его, подняв с пола, где оно валялось смятое, испачканное землей и пропитанное дождем и кровью.

– Сумочка... откройте сумочку.

Я не смогла достать ее сама; меня скрутил очередной приступ боли, и, приподнявшись на локтях, я изо всех сил сдерживала слезы и старалась не смотреть на кровь, покрывавшую мою рубашку и простыни. Но я выглядела столь плачевно, что никто не знал, что делать, и меньше всего я сама, но уж если мне суждено умереть в этой кровати, мне хотелось хотя бы покидать этот мир, держа руку своего мужа, ведь я по-прежнему любила его, и все уже простила, и надеялась, что он тоже простит меня. Из складок испорченного платья извлекли сумочку и сложенные листы бумаги, и я, выхватив их из женской руки – одной служанки с кухни, – издала возглас

облечения, увидев, что они совершенно сухие, их защитила подкладка сумочки.

Но облегчение вытеснили очередные приступы давящей боли, она накатывали на меня снова и снова нескончаемой чередой, откатываясь лишь ненадолго, кто-то протирал мне лицо влажной салфеткой, и советовал успокоиться и уснуть, но это была не Алиса, она все еще не пришла.

– Алиса невинна. Я виделась с Джоном Фаулдсом, – пробормотала я и услышала в ответ:

– Ш-ш-ш, я знаю, я знаю.

Наверное, я уснула, но, пробудившись, мгновенно исполнилась жуткой тревоги. Помню, что увидела Ричарда, его всеобъемлющая и мощная аура заполнила весь мир, словно сам король явился в мою спальню.

Он припал ко мне, держа меня за руки. Его лицо было мокрым.

– Мое маленькое призрачное видение, что же вы натворили?

Я смутно осознавала присутствие рядом с ним другой крупной женщины, внушительной наружности с розовым лицом, и с ужасом подумала, что вернулась мисс Фонбрейк. Однако Ричард сообщил мне, что он привез повитуху из Клитер, и она будет...

Но я уже не слушала, меня так успокоило его присутствие, что произошло нечто странное, я словно витала в приятных грезах. Но внезапно вспомнила, что должна отдать ему нечто важное... нащупав на кровати бумаги, я доверила их Ричарду.

– Ричард, вы должны срочно ехать, должны огласить эти документы на ассизах.

Во рту у меня пересохло, и мой слабый голос срывался.

– Что это?

– Ричард, умоляю, выслушайте меня. Эти показания могут освободить Алису. – Очередная стрела боли пронзила меня, словно раскаленная в печи кочерга. – Вы должны выступить и настоять, чтобы судьи их прочитали, и сами огласить их. Это мое свидетельство, и показания Джона Фаулдса.

Моя голова закружилась, перед глазами возникла пелена.

«Ее земная жизнь завершится».

– Ничего подобного, Флитвуд, я должен быть здесь, с вами.

– Вы должны сделать это! – срывающимся голосом воскликнула я. – Освободите ее, Ричард! Освободите ее! Только она способна спасти меня, и только я могла бы спасти ее!

– Довольно, успокойтесь!

Его голос, подобно голосу Бога, гулко разносился по какой-то огромной темной пещере, ибо реальность моей спальни и всего прочего

осталась позади, и меня уже увлекало в ее бесконечный мрак. Я полагала, что пережила уже самые мучительные боли, но оказалось, что я познала лишь малую их толику, и самое худшее еще впереди.

Мою плоть пронзали острые ножи. Меня накрывали огненные волны. Крепкие цепи приковали мое тело к кровати, и все мои попытки подняться заканчивались неудачей. Мои конечности раздулись от воды. Незримый меч рассек меня пополам от самого черепа. Каждая клеточка моего тела вопила от боли, одуряющей и немой боли, лишившей меня даже голоса. Вода, мне нужна вода. Вода погасит огненные языки, лизавшие мою спину. Я вся объята огнем. Я умираю, должно быть, я уже умерла и попала в ад. Я еще чувствовала, как между моих ног струится какая-то жидкость, потом тьма вновь поглотила меня, милосердно окутав плотным черным плащом.

– Флитвуд.

– Флитвуд.

– Флитвуд.

До меня смутно доносился исполненный любви и печали потрясенный голос. То ли женский, то ли мужской голос призывно произносил мое имя. Боль... я стала воплощением боли, она заполнила все мое существо, став неотъемлемой спутницей оставшейся мне жизни. И вновь меня накрыл мрак, благодатный мрак бесчувствия.

Моей руки коснулся теплый мех. И, даже не открывая глаз, я догадалась, кто навестил меня. Около моей кровати стояла лиса, глядя на меня своими большими янтарными глазами. Казалось, она отчаянно хочет что-то сказать мне.

Я рассмеялась и спросила:

– Что случилось?

И тогда произошла на редкость странная вещь: лиса открыла свой рот и произнесла женским голосом: «Noni soit qui mal у pense».

Стыд тому, кто дурно об этом подумает.

* * *

Я так долго пребывала во мраке, что уже забыла, как выглядит свет. Однако мои глаза разглядели огоньки свечей, подобные жемчужинам на черном бархатном платье. Прохладная рука на моей голове выдернула меня из мрака. Рука света, но тьма еще тянула меня назад за ноги и за руки.

«Нет, я хочу остаться на свету!»

Я попыталась отмахнуться от мрачной пелены, сосредоточившись на

прохладной ладони – или это было влажное полотенце? – на моей голове, словно она привязывала меня к земному миру, выдерживая из поглощавшего неистового огненного шторма.

– Тужьтесь, – произнес голос, – вам нужно тужиться.

Белый чепец. Выбившаяся из-под него волнистая прядь золотистых волос. Эта девушка заблудилась в лесу с тушками кроликов. Как же ее звали?

Очередная волна боли окатила меня, и на излете я напряглась, пытаюсь вытолкнуть ее из своего тела.

– Тужьтесь!

Что-то выплеснулось, и вода хлынула из меня, как из перевернувшейся рыбной бочки. Волна накатила вновь, медленно нарастая и разбиваясь на мелкие обжигающие брызги, и я напрягалась все сильнее, сильнее и сильнее... казалось, что с очередной попыткой напряжения я просто взорвусь.

– Когда боль снова придет, вытолкните ее!

Ох, неужели боль опять придет? Да, вот она начинается, но на сей раз я готова схватиться с ней, побороть ее, точно некое древнее божество. У меня вырвался ужасный вопль, исполненный муки стон, и мне захотелось, чтобы все это закончилось, и внезапно я осознала, что из моего открытого рта уже не вырывается ни звука, мои легкие опустошились, и мне стало легче, словно с этим опустошительным стоном я извергла наружу боль, мой стон победил ее.

Да, мой стон замер, но в тот же миг я услышала другой незнакомый крик. Только более тонкий, он звучал прерывисто и слабо, словно этот голос еще не набрался сил. Сокрушительные приступы боли прекратилась, сменившись слабыми спазматическими толчками. И вновь до меня донеслись странные звуки, словно где-то рядом пищал ягненок или котенок. Неожиданно я почувствовала невероятное изнеможение. Мне смертельно захотелось спать, и хотя мои конечности отяжелели, словно налитые свинцом, сердце неистово заколотилось, выдавая неровные глухие удары.

Мне отчаянно хотелось спать, но вокруг суетились какие-то громогласные люди. Я услышала слово «кровь», встревоженные голоса повторяли его снова и снова. Неужели они никогда раньше не видели крови?

Спать... мне необходим сон.

– Флитвуд, вернитесь. Фливуд, останьтесь со мной.

Можно подумать, что я могла куда-то уйти? От усталости я не могла

даже пошевелиться. Мрак, раньше увлекавший меня в темное забытие, и теперь тянул меня за руку, намереваясь увести с собой. Ах, вот о чем они говорили. Не уходить с ним.

«Мне нельзя уходить, – произнес голос в моей голове, – я должна остаться».

Очередной рывок, на сей раз более настойчивый, и тогда я поняла, что там меня ждет тишина, покойная, безопасная тишина. Я ведь страшно устала... и так легко послушно погрузиться в манящий теплый и густой мрак.

– Флитвуд, выпейте это.

Можно немного подождать, мне нужно напиться.

Напиток мне поможет. С трудом, поскольку мрак был силен, я высвободилась из его манящего объятия и почувствовала, как моих губ коснулась кружка, и в рот пролилась какая-то теплая и сладкая жидкость. Потом жидкость сменилась чем-то более плотным и существенным, и мне велели жевать.

Когда сознание вернулось ко мне, в спальне, заливаемой ярким дневным светом, царила милосердная тишина. За окном щебетала какая-то птица, и огонь в камине весело потрескивал, насыщая воздух древесным дымком. Около камина спиной ко мне стояла женщина, она помешивала что-то в котелке, и по спальне разносился сильный резковатый аромат трав. Отголоски боли еще блуждали по моему телу, и все во мне стремилось опять забыться сном. Наблюдая за ней, я заметила мягкий изгиб ее шеи, и непослушные локоны, упорно отказывающиеся аккуратно прятаться под чепцом. Она выпрямилась, направила взгляд на что-то к изножью кровати и издала тихий возглас.

– Алиса, – прошептала я, не зная, услышит ли она меня, но она подняла глаза, и я увидела, что она плачет.

Подойдя к кровати, она опустилась на колени рядом со мной. Я попыталась приподняться, но она решительно остановила меня, положив руку мне на плечо. Мы долго смотрели друг на друга, мне хотелось о многом расспросить ее, но силы, потраченные на вопросы, возможно, не стоили ответов, сейчас они уже не имели значения.

– Кора ивы, – пояснила она.

Я вдруг поняла, отчего у меня на языке появился горьковатый привкус, и этот настой, вероятно, помог мне, мои мысли слегка прояснились, а сердце билось ровнее. Мне хотелось смахнуть с ее щек слезы, похоже, она перестала сдерживать их, и они свободно струились из глаз.

– Вам нужно выспаться.

Она поднялась, зашуршав юбками.

Послушно, как ребенок, я закрыла глаза. Вновь зашуршали юбки, на меня повеяло успокаивающим запахом лаванды, и я почувствовала, как ее губы очень мягко коснулись моего лба, ее дыхание теплым ветерком пронеслось по моей щеке.

Я вновь погрузилась во тьму, но это была приятная темнота сна.

Часть 4

Отличай и береги добрых друзей

Девиз рода Шаттлвортов

Глава 25

Ричард Лоуренс Шаттлворт родился перед рассветом двадцатого дня августа тысяча шестисот двенадцатого года, и в тот же самый день на холме Ланкастера повесили десять ведьм.

Алисы Грей среди них не было.

И выжили мы, все трое, – Алиса, мой сын и я сама – только благодаря Паку, нашедшему путь к Готорпу из тех злосчастных лесных дебрей, хотя они и оказались всего лишь в миле от нашего дома. Его лай возле подвальной двери встревожил слуг, они разбудили Джеймса, он в свою очередь разбудил нескольких подмастерьев, и моя собака провела эту небольшую, освещенную факелами процессию по лесным тропам туда, где я пролежала в грязи до самого рассвета первого дня суда над ведьмами из Пендла. Одного из конюхов – лучшего наездника отправили на самой быстрой лошади в Ланкастер, и он, проскакав галопом сорок миль, нашел в «Красном льве» Ричарда, который уже обошел в отчаянии все городские дома, спрашивая, не видел ли кто-нибудь маленькую женщину с большим животом и огромной собакой. Ведь в оставленной мной записке было лишь сказано, что я вернусь до начала судебного заседания. Он заходил даже к смотрителю замка, Томасу Ковеллу, но слова замерли у него на губах, когда он подумал, что в соседней гостиной может подслушивать Роджер, поэтому, сбивчиво извинившись, он удалился, так ничего и не спросив.

Посланец из Готорпа примчался к нему до завтрака, и Ричард говорил мне, что, услышав цокот копыт лошади по булыжной вымостке двора под окном, сразу понял, что сейчас получит сообщение от меня. Не тратя ни минуты, он тут же выехал домой, летя, точно пущенная по ветру стрела. Он рассказал мне и о том, что, глядя по дороге на лазурные небеса с легкими персиковыми облачками, пообещал себе, что если я выживу, то он закажет мне наряд из парчи тех цветов, что видел тем утром. Он говорил, что давал сам себе всевозможные обещания... если я выживу, то он призовет мастеров для отделки и покраски дома моей матери от погребов до фронтона, закажет для нее новые ковры и целую библиотеку книг, чтобы хватило не только ей, но и ее внукам до конца жизни. Если я выживу, то никогда больше не буду спать одна, если только сама не пожелаю. Наши слуги также послали за повитухой из Клитеро, она приходилась сестрой нашей кухарке. Когда Ричард, запыхавшийся и взмыленный, как и его лошадь, вбежал в дом, она попросту сообщила ему, что не питает особых

надежд, ибо Господь, видимо, уже готов забрать меня вместе с ребенком в мир иной. Побелев от ярости, Ричард отправил ее восвояси и приказал слугам отыскать другую повитуху. Перед тем как удалиться с надменным видом, она передала ему бумаги, извлеченные из моей сумочки в складках юбок, еще валявшихся на полу и истоптанных множеством суетившихся вокруг моей кровати слуг.

Именно тогда Ричард пришел к выводу, что единственный, способный спасти меня человек, томится, закованный в цепи, в подземелье замка. Поэтому, даже не сменив дорожный костюм и не задержавшись на ланч, он поскакал обратно в Ланкастер, сознавая, что, возможно, ему уже больше не суждено увидеть меня живой. Оставив лошадь у ворот, оба они уже исчерпали все силы, он ворвался в замок и потребовал, чтобы королевские судьи позволили ему огласить два свидетельства в защиту Алисы Грей, дело которой уже начали разбирать.

Он едва осознавал волну шумного изумления, прокатившуюся по галерее, и угрожающее выражение лица Роджера, сидевшего рядом с судьями, и великолепные высокие потолки зала, и ряды полированных скамей, и чинно сидевших присяжных. С колотящимся в груди сердцем, он видел лишь бумаги в своей руке, и несчастное лицо Алисы среди других, сидевших за барьером заключенных со скованными цепями руками и ногами.

Лорд Бромли предоставил ему слово, и Роджер, едва не взорвавшись от гнева, протестующе встал, но закон тем не менее восторжествовал, и Ричард, обращаясь к Алисе, уверенно огласил мои свидетельства, не смущаясь тем, что его руки и голос дрожали. И затем он зачитал также признание Джона Фаулдса, хотя с ним ему пришлось разбираться гораздо дольше, в силу ужасного почерка трусливого пьяницы.

Присяжные удалились на совещание, и вымотавшемуся после стремительной и почти безостановочной восьмидесятимильной скачки Ричарду в пропитанной потом влажной одежде пришлось дожидаться их решения на галерее. Когда присяжные вернулись, он пытливо вглядывался в лицо каждого из них, заметив, что некоторые из этих господ так же пристально смотрели на него – сейчас-то он уже вспомнил, что встречался с ними раньше за карточным столом – и, не понимая значения их взглядов, он подумал, что умрет от мучительного ожидания. Когда же старшина присяжных произнес слова: «Не виновна», Ричард увидел, что стоявшая поблизости Алиса рухнула как подкошенная.

– А что произошло потом? Расскажи мне еще раз.

– По толпе зрителей прокатился грандиозный вздох облегчения. Я

поблагодарил присяжных и потерял сознание.

Я рассмеялась и захлопала в ладоши. Опираясь на подушки, я сидела в чистой ночной рубашке на кровати, застланной белоснежным бельем, – все родильные постельные принадлежности, включая очередной матрас, видимо, сожгли. У меня на руках лежал малыш Ричард, и, хотя он был совсем маленьким, в моих глазах он выглядел идеально. На головке темнели тонкие, как пушок волосики, щечки напоминали спелые яблочки, а ротик – бутон розы. Когда я кормила его в первый раз, у меня появилось достаточно времени, чтобы тщательно рассмотреть все его прелестное тельце, тогда я вдруг заметила что-то странное на его ручке, и уже собиралась позвать няню, но передумала, поняв, что же это такое.

На сгибе его крошечного локотка темнела коричневая родинка, не больше ноготка его мизинчика, в форме лунного серпика. Он напоминал шрам, имевшийся у меня на том же месте, где Алиса выпускала из меня излишки крови. На следующее утро я проверила, не исчезла ли эта родинка, но она оказалась на прежнем месте, как и все его пальчики на ручках и ножках, и я, улыбнувшись собственным мыслям, аккуратно опустила маленький рукавчик.

– А потом?

Я прихлебывала теплое молоко, сдобренное целебными травами.

– В общем, нам пришлось дожидаться всех остальных вердиктов, – добавил Ричард.

Он нерешительно потренькал погремушкой, которую купил много месяцев назад. Увы, не все новости были радостными.

Ричарду не удалось разобрать последнюю приписку Джона Фаулдса, накарябанную в тусклом свете пьяной трясущейся рукой и снимавшую также все обвинения с Кэтрин Невитт. К сожалению, эту бедную женщину, подругу Алисы и ее матери, признали виновной и казнили. Ричард поведал мне также, что после его выступления в защиту Алисы как раз начало заслушиваться дело Кэтрин, и Роджер стал просто одержимым, добиваясь признания состряпанных им обвинений. Он запугивал присяжных, потрясал кулаками и, брызжа слюной, вновь и вновь пытался убедить всех в том, что эта женщина, по прозвищу Канительщица, принявшая за свою жизнь так много родов и осчастливившая множество матерей, могла убить ребенка не иначе как по наущению дьявола.

И тогда Алиса не выдержала: по словам Ричарда, она зарыдала с таким надрывом, словно виновной признали ее саму. В итоге с нее сняли цепи, и она, ни разу не оглянувшись, покинула замок, но всю дорогу до Готорпа продолжая плакать, вцепившись в Ричарда с такой силой, что порвала его

камзол. Ее освободили, но за эту свободу пришлось заплатить ужасную цену.

В тот же день повесили всех ведьм из Пендла, включая Элизабет Дивайс, ее дочь Элисон и ее сына Джеймса, и Дженнет осталась сиротой. Вместе с ними казнили еще семерых. Все они были гостями на праздничном обеде в Малкинг-тауэр. Удалось освободить только Алису. Одну из женщин признали виновной в менее тяжком преступлении и приговорили к позорному столбу на четыре рыночных дня и году тюремного заключения. Ее звали Маргарет Пирсон, именно ее служанка поведала, что видела выпрыгнувшую из огня жабу. Она не имела отношения к Малкинг-тауэр, поэтому Роджера мало волновала ее судьба, и он был не готов тратить силы, чтобы обеспечить ей смертный приговор.

Ричард также рассказал мне, что Бромли обратился к Алисе с напутственным словом, призывая ее отречься от дьявольских происков. Для нее это не составило труда, поскольку, именно покинув зал суда, она освободилась от них.

* * *

– Кое-кто хочет видеть вас, – через несколько дней сообщил мне Ричард, – Вы готовы принять здесь гостей?

– Кто же? – надежда расцвела в моей груди.

Ричард улыбнулся.

– Вам придется немного потерпеть, дорогая, скоро сами все узнаете.

Отцовство сделало его поистине счастливым; он обожал своего сына. Возможно, где-то уже родился еще один сын, или дочь, но я выбросила эту мысль из головы.

– Я хочу сама спуститься, – сказала я, – ведь я так долго не покидала своих покоев, что успела забыть, как выглядит наша гостиная. Ричард? – набравшись смелости, я окликнула его, и он остановился, уже взявшись за дверную ручку. – Простите, но мне придется купить вам новое ружье. – Он удивленно взглянул на меня. – Я взяла его с собой в ту ночь... в ту ночь, когда вернулась сюда. Но оно потерялось в лесу.

– Вы взяли с собой мой мушкет?

Он выглядел скорее изумленным, чем рассерженным.

– Да. Правда, я не собиралась стрелять из него... ведь я даже не знала, как его заряжать. Но это уже не важно. Кроме того, ружье все промокло, поэтому я в любом случае испортила его.

- Госпожа Шаттлворт, вы каждый день удивляете меня.
- Ричард... есть еще один вопрос... я уже давно хотела спросить вас.

Передав уснувшего малыша отцу, я осторожно выбралась из кровати и прошла к комоду в углу спальни.

Я вытащила оттуда письмо доктора, уже сильно помятое и потрепанное, как старая тряпка. Зажав его в руке, я посмотрела в окно на маячивший вдали Пендл-хилл. И наконец-то передала письмо Ричарду.

- Почему вы ничего не сказали мне об этом?

Он озадаченно нахмурился и взял его свободной рукой. Я смотрела, как он пробежал глазами текст, лицо его озарилось пониманием и опять нахмурилось.

- Откуда оно у вас?
- Мне уже давно отдал его Джеймс.
- Но вам незачем было видеть его.
- Неужели вы полагаете, что мне не хотелось бы знать о моей собственной судьбе...
- Вам не следовало его видеть, поскольку вас оно вообще не касается.
- Что вы имеете в виду? – помолчав, спросила я.
- Это письмо написано о судьбе Джудит, – вздохнув, признался

Ричард.

- Джудит?

Присев на кровать, он жестом предложил мне сесть рядом с ним. Все эти месяцы жуткой тревоги и страха проносились в моей голове, и я с трудом заставила себя прислушаться к его объяснениям.

– Этот доктор не навещал нас; он живет в Престоне. Я пригласил его к Джудит в Бартон, когда она потеряла... она потеряла первого ребенка. После этого я старался избегать общения с ней, однако... все-таки заехал туда еще разок, и она опять забеременела.

Я закрыла глаза, пытаюсь осознать его слова.

- Но в нем говорится о вашей жене.
- Мне пришлось сказать так доктору, – опустив голову, очень тихо признался Ричард.

Перед моими глазами вдруг всплыла черная чернильная запись из гроссбуха: «Г-ну Уильяму Андертону за доставку из Йорка разрешения на вступление в брак».

- А зачем вам понадобилось разрешение на вступление в брак?

– Для племянницы Джеймса, – грустно ответил Ричард, – она вышла замуж в прошлом месяце. Уверяю вас, теперь у меня не осталось никаких тайн от вас.

Я спокойно сидела, осознавая сказанное.

– А зачем вам вообще понадобилась она? – прошептала я.

Видимо, размышляя над ответом, он задумчиво помолчал, мягко накрыв мою руку своей. Глядя, как поблескивали его кольца, я с трудом расслышала его ответ.

– Я видел, как вы страдали после выкидышей, – почти беззвучно произнес он, – видел, как болезненно проходят ваши беременности. И мне стало страшно, что я могу вновь обречь вас на жуткие мучения.

Даже теперь, после всего, что мне пришлось пережить, я не могла испытывать к нему ненависти.

– А теперь, когда у нас родился сын, я чувствую себя абсолютно счастливым.

Удерживая малыша одной рукой, он опять поднял погремушку и улыбнулся, поглядев на своего первенца. Я смотрела на них, испытывая смешанные чувства грусти, радости и жалости. Мне требовалось время, чтобы пережить все его откровения.

– Вы не забыли, что вас внизу ждут. Пока вы одеваетесь, я пойду и сообщу о вашем скором выходе из заточения.

Он запечатлел легкий поцелуй на головке малыша и бесшумно удалился.

Скрутив волосы валиком, я убрала их под шапочку. Они перестали выпадать и в целом выглядели здоровыми и толстыми, как канат. Надев распашное платье без рукавов прямо на сорочку, я вновь взяла на руки младенца, собираясь показать его домочадцам. Спускаясь по лестнице, я немного помедлила возле своего детского портрета, вспомнив, как Алиса говорила, что он напомнил ей кого-то. Сейчас я догадалась, что она, должно быть, имела в виду Энн. Мой сын, возможно, никогда не узнает женщину, которая спасла наши жизни, но, вероятно, для собственной безопасности ей лучше оставаться подальше от Пендл-хилла.

Алиса ушла, пока я спала, чисто смыв все следы крови и аккуратно завернув ребенка в пеленки, она выскользнула из моей спальни, никем не замеченная. Ричард сказал, что тогда прошли только одни сутки после рождения нашего сына, и слуги сбивались с ног, бегая вверх-вниз по лестнице с лоханями горячей воды и чистым бельем, поэтому никто ничего не заметил. Она сделала все необходимое, а потом исчезла. Она даже не простилась со мной, хотя поцеловала с материнской нежностью, которой я никогда не знала.

Понимая, что это почти невозможно, я все-таки лелеяла крохотный огонек надежды на то, что сейчас именно она будет сидеть в гостиной,

ожидая меня. И, словно оттягивая миг разочарования, я очень медленно продолжила спускаться по ступеням, на ходу покачивая и баюкая ребенка. Прибавление нашего семейства вызвало бурю восторгов у всех домочадцев, и теперь, когда они меня видели, то их лица неизменно сияли улыбками. Небольшая группа радостных слуг топталась в ожидании у подножия лестницы, горя желанием встретить меня на последних ступеньках спуска, и я ответила им не менее счастливой улыбкой.

Гостиная оказалась пустой.

– Госпожа? – окликнула меня одна из помощниц кухарки. – Она в столовой, уж очень проголодалась в дороге и попросила принести закуску.

Когда я вошла в столовую, мать тут же поднялась и с невозмутимым видом шагнула мне навстречу, раскинув руки.

– Мой внук, – проворковала она, протягивая к нему руки.

Нерешительно помедлив, я все-таки передала малыша ей. Придирчивый и цепкий взгляд матери быстро оценил состояние моей кожи, волос и фигуры.

– Флитвуд, вы прилично выглядите. Хотя ваша беременность проходила не слишком легко.

– Да, не слишком.

– Вы уже восстановили силы?

– Да, наверное. Я потеряла много крови, поэтому кухарка пичкает меня мясом едва ли не ежечасно. Но я наконец отдохнула настолько, что смогла самостоятельно спуститься из спальни.

Она улыбнулась и склонилась к малышу Ричарду. Он удивленно посмотрел на нее, закрыл глазки и принялся молотить кулачками, а она ловко просунула свой палец в его ладошку.

– Славный мальчик, – радостно изрекла она.

Однако по ее голосу я поняла, что она явно что-то скрывала.

– В чем дело? – спросила я, и она, глянув на меня, натянуто улыбнулась.

– Ричард стал отцом дважды.

– И зачем вы говорите мне об этом?

Перо на ее шляпке всколыхнулось.

– Просто мне хотелось, чтобы вы слышали об этом от меня, а не от деревенских сплетниц или от кого-то из гостей на обеде. – Она вздохнула. – Я понимаю, вы не сможете простить меня за то, что я хранила другую тайну, но мне подумалось, что так будет правильно, ведь ее знание лишь сделало бы вас несчастной. Никто из родителей не пожелал бы такого ребенку, особенно если они могли уберечь его от этого.

Она вновь взглянула на малыша, а когда опять заговорила, я заметила лучики морщинок, протянувшиеся от уголков ее губ и глаз.

– Когда ваш отец умер, я осталась... в полной растерянности. Одна с грудным младенцем на руках и...

– И не могли дождаться, когда избавитесь от меня, – уныло закончила я, – вы незамедлительно выдали меня замуж.

– Такое решение мы приняли вместе с вашим отцом, – покачав головой, сообщила она. – Ваш отец заболел, и мы нуждались в надежном защитнике, способном позаботиться о нас обеих. Когда господин Молине пришел к вашему отцу с предложением, он вынужден был принять его.

Я и не знала, что мое первое венчание организовал отец.

Мы посидели молча пару минут, разглядывая темные волосики на головке Ричарда, его розовые ушки, похожие на миниатюрные морские раковины. Мне уже не хватало его близости, и я грустно посмотрела на свои пустые, лежащие на коленях руки.

– В том доме я чувствовала себя очень несчастной, – призналась я, – все свое детство я целыми днями с ужасом думала о том, что завтра вы можете отослать меня к нему.

– Я не собиралась никуда отсылать вас.

– Но вы угрожали этим, если я дурно вела себя.

– Об этом я сожалею. Но я не собиралась так поступать. Вы не представляете, как трудно растить ребенка без отца. Да уж, в сердцах сболтнешь все, что угодно, ради минутного покоя.

– А вы знаете, что он... когда он пришел первый раз, он... – у меня предательски задрожал голос, – вы тогда ушли из комнаты...

Моя мать отвела взгляд. Ее глаза стали необычайно мрачными, и уголки рта опустились, хотя она продолжала машинально поглаживать и мягко покачивать ребенка. Прежде мне не приходилось видеть ее с младенцем на руках, казалось, он пробудил в ней какой-то древний материнский инстинкт, от щедрот которого мне в свое время ничего не досталось.

– Именно поэтому я аннулировала этот брак.

– Так вы знали? – Я изумленно посмотрела на нее.

– Когда я вернулась, то догадалась о том, что случилось. Он выглядел виноватым, как смертный грех, а ваше личико... – Впервые в жизни я видела, как глаза моей матери наполнились слезами. – Это только моя вина, – произнесла она дрожащим от волнения голосом, – я не знала, что делать, как исправить эту ошибку, ведь ваш отец уже ничего не мог посоветовать мне. Хотя одно я знала наверняка: никогда в жизни не смогу

отдать вас этому человеку.

– А я думала, что брак аннулировали из-за того, что Ричард представлялся вам более выгодной партией.

Успокоившись, моя мать нехотя улыбнулась.

– А разве нет?

Я медленно откинулась на спинку кресла. В окна струился солнечный свет... начинался прекрасный день позднего лета.

– Я обрадовалась тому, что Ричард поселил свою любовницу именно там, ведь теперь мне больше не придется туда возвращаться.

– Я тоже ненавижу это место, – к моему удивлению, призналась моя мать, – никогда не чувствовала себя там спокойно. Я надеялась, что после вашей женитьбы, у меня будет другой дом, и так и случилось.

Благодаря Ричарду. Я не имела к этому отношения и вообще не интересовалась тогда желаниями своей матери.

– Отлично, теперь там есть новая госпожа. Джудит Торп из Бартон. Пусть живет там и радуется, если сможет.

Моя мать слегка подалась вперед.

– Уезжая оттуда, я забрала с собой все лучшее серебро.

Мы обменялись улыбками. Я собиралась спросить, кого же родила Джудит, сына или дочь, но передумала, решив, что ничего не хочу знать об этом. Слуги начали подавать обед, к нам присоединился Ричард, и мы перешли за стол, чтобы подкрепиться жареной говядиной и мясистыми лесными голубями, пропитавшимися соусом. По сравнению с пятимесячной давностью мой аппетит неузнаваемо изменился – теперь я могла одна съесть целого голубя.

– Проезжая через Падихам, – начиная обеденную беседу, произнесла моя мать, – я видела какую-то женщину в колодках, голову ее скрывал мешок с надписью «ведьма».

– Маргарет Пирсон, – откликнулся Ричард.

После посещения судебных заседаний он стал живо интересоваться событиями уходящего лета. У него даже появилась новые версии, объяснявшие поведение нашего старого друга, Томаса Листера: Дженнет Престон, вероятно, была любовницей его отца, и желая уберечь от лишних волнений свою слабую здоровьем мать, он захотел удалить бывшую служанку с глаз долой, чтобы навсегда забыть о ней. Либо же она узнала о нем нечто предосудительное, и он предпочел заткнуть ей рот, отправив на виселицу. Что до Роджера, то наши пути еще определенно могли пересечься, однако этот бывший мировой судья несколько запятнал свою репутацию в погоне за властью. Он показал, что готов пожертвовать

жизнью людей ради комфортной отставки: людские души в обмен на щедрое вознаграждение от короля, и все только ради добавления нескольких заключительных дней славы к его блестящей карьере на судейском поприще. В северных дворянских кругах такое жестокое честолюбие считалось весьма гнусным, и двери многих особняков закрылись для него.

– Ей предстоит провести четыре рыночных дня в колодках, а потом вернуться в тюрьму, где она, вероятно, умрет, поскольку не сможет внести залог до окончания срока приговора, – пояснил Ричард.

– А почему ее не повесили? – спросила моя мать.

– Может, победили остатки здравого смысла? – Ричард пожал плечами. – Не знаю.

Моя мать вздрогнула.

– Мне говорили, что на казнь в Ланкастере собрались безумные толпы народа.

– Ничто не возбуждает живых больше, чем смерть, – изрекла я.

– А что случилось с той девушкой, Джилл? Или ее звали Алиса? Ее не арестовали?

Мы с Ричардом обменялись взглядами.

– Ее признали невиновной.

– Слава Богу, правда, разве это не замечательно? Я-то уж думала, что, обнаружив хоть одного виновного в этой компании, они осудят и всех остальных. Не сговаривались ли они убить Томаса Листера?

– Кто знает? – сказала я. – Не было никаких свидетелей, не считая малого ребенка. И не принимая в расчет признанной невиновной Алису.

– А как вы узнали?

Мои пальцы невольно нащупали под рукавом рубашки маленький шрам.

– На самом деле она лишь хотела помогать людям, – уклончиво ответила я.

– И где же она сейчас?

– Хотела бы знать.

– Она не сказала вам?

Я покачала головой.

– У нее есть родные?

Я вспомнила грязную лачугу, где спивался Джозеф Грей.

– Нет.

В этот момент из поставленной возле камина кровати раздался детский плач. Няня обедала со слугами, а мои груди уже наполнились

готовым пролиться молоком, поэтому я встала из-за стола и, подойдя к дубовой колыбели, подаренной мне матерью еще в начале первой беременности, склонилась к ребенку. Взяв его на руки, я осторожно выпрямилась и оказалась прямо напротив резных панелей над каминной полкой.

Прищурившись, я удивленно разглядывала их. Я не верила тому, что увидели мои глаза. Рядом с инициалами Ричарда на панели, оставшейся пустой со времен строительства этого дома, была вырезана буква «А».

Я узнала бы ее в каком угодно виде, написанную множеством раз дрожащей рукой учившегося писать человека. Но здесь она запечатлелась четко и ясно. Постояв в оцепенелом изумлении, я вдруг засмеялась.

– Флитвуд? В чем дело?

Я развернулась и, подняв Ричарда над головой, закружилась в радостном танце, пока мой муж и мать переглядывались с озадаченными улыбками.

– У нее все хорошо! – воскликнула я. – Все хорошо.

Алиса Грей была моей единственной подругой. Я спасла ее жизнь. И она спасла меня.

Глава 26

Пять лет спустя

Ричард собирался на охоту. Он заглянул в большой зал, где я штопала шелковый чулочек Николаса. Обзаведясь двумя сыновьями, я стала большой рукодельницей, учитывая скорость, с которой они проделывали дырки в одежде, ползая по полу, или рвали плащи и воротники, лазая по деревьям. Под одной рукой лежала стопка вещей, требующих починки, а под другой – неизменно увеличивающийся список вещей для Джеймса, требующих доставки из Лондона. Когда меня осеняла очередная полезная мысль, я брала перо и пополняла список. Я как раз вспомнила, что мне нужна еще серая амбра для духов, когда изображавшие поединок мальчики перестали стучать деревянными мечами и с грохотом бросили их на пол.

– Папа, мы с вами устроим настоящий поединок? Николас дерется понарошку, как ребенок, – заявил пятилетний Ричард, пытаясь вложить в руку отца игрушечный меч брата.

Он стал похож на меня, с такими же черными как смоль волосами и серьезными темными глазами.

– Он же еще маленький, – заметила я, улыбнувшись Николасу, так же не похожему на старшего брата, как я на Ричарда. Ему достались от отца мягкие золотистые волосы и серые глаза.

– Устроим, когда я вернусь, поэтому постарайтесь до этого не сломать мечи.

Словно посвящая сыновей в рыцари, Ричард с важным видом приложил меч к плечу каждого из них и подошел ко мне. На лице его отражалось озабоченное смущение.

– Что случилось? – спросила я, оторвав взгляд от шитья.

– Король собирается в путешествие по северным графствам.

– Когда? – Я пристально взглянула на мужа.

– В следующем месяце.

– Неужели он планирует остановиться у нас? Вряд ли он найдет здесь радушный прием.

– Хвала Господу, нет, хотя отказ ему в гостеприимстве мог быть равносильным измене. Я рад, что он наметил путешествие не на следующий год, когда мне предстоит стать шерифом, тогда он почти наверняка почтил бы нас своим присутствием. Однако он намерен квартировать в Бартоне.

– В Бартоне? Почему?

– Я знаю об этом не больше вас. Раньше он останавливался в Хогхтон-тауэр, а Бартон удобно находится на полпути между ним и Ланкастером.

– Но он же пустует.

– Королям недосуг думать о неудобствах подданных.

Я отложила чулочек Николаса.

– Да, удобства придется обеспечить нам, нанять слуг... Мы разоримся. Ведь король путешествует со свитой, насчитывающей сотню человек, а то и больше.

– Увы, он же король, – просто констатировал Ричард, – меня, не более чем вас, «радует» такая перспектива.

– Тот дом, – проворчала я, – не лучше проклятия.

Ричард оставил мое замечание без внимания. Я знала, что он продолжает поддерживать Джудит и их бастарда где-то в Йоркшире, но меня не интересовало, где именно. Пока они оставались вне поля моего зрения и не мешали нашей семейной жизни, я могла с легкостью игнорировать само их существование. Ричард кивнул на мой лежащий на столе список.

– А знаете ли вы, что представляет собой амбра? Блевотину кашалотов.

– Ричард!

Я оттолкнула его, и он отскочил за пределы моей досягаемости, попав прямо в липкие ручонки его сыновей, которые ухватились за его ноги и опять начали умолять его поиграть с ними.

– Прекратите! Я еду на охоту, и если вы оба не отпустите меня сию минуту, то мне придется использовать вас в качестве приманки.

Обхватив лодыжки Николаса, он поднял его над головой, а малыш визжал и вопил, задыхаясь от смеха, пока старший брат, понарошку тыкая его игрушечным мечом, орал: «Умри! Умри, презренный!»

Пак, привыкший к их шумным играм, но в силу преклонных лет не склонный принимать в них участия, лениво наблюдал за суетой с ковра. Иногда они вынуждали его участвовать в своих розыгрышах, но сегодня его милостиво пожалели.

– И почему эти горластые мальчишки так скверно себя ведут? – спросила я. – Почему у меня нет двух милых дочек, ведь они могли бы спокойно сидеть и шить вместе со мной?

Николас шлепнулся на пол, изнемогая от смеха.

– Отец, – важно произнес Ричард, потянув за край отцовского плаща, – возьмите же меня с собой на охоту!

– Возьму, когда подрастешь.

– Что мы должны сказать отцу, отправляющемуся на охоту?
– Не убивайте лисиц! – хором воскликнули оба, стараясь перекричать друг друга.

Я улыбкунула, а Ричард притворно вздохнул.

– Даже несмотря на то что они сами убивают зайцев и кроликов, осложняя труды моих соколов, я полагаю, что ваша мать не направит на меня дуло мушкета, если я вернусь домой с лисьей шкурой.

Серьезно кивнув, я улыбкунула, но меня серьезно встревожили принесенные им новости.

* * *

Проснувшись еще до рассвета, я оставила тихо похрапывающего Ричарда. Собранную вчера вечером сумку я спрятала под кровать, и сейчас, вытащив ее, быстро оделась и подошла к конюшне с первыми рассветными лучами. Утро выдалось ясное и спокойное, прохладное, но солнечное. Один из подмастерьев появился в воротах, услышав стук копыт во дворе, и сильно удивился, увидев меня.

– Я собираюсь сегодня навестить госпожу Таунли, – сообщила я, и он сонно прищурился, напомнив мне одного из моих сыновей. – Пожалуйста, передай господину, что я рассчитываю вернуться к вечеру.

Дорога была пустынна, и я взяла хороший старт. Через несколько часов, прибыв на место, я почувствовала, как протестующе заныли бедра, корсет немилосердно врезался в живот, и вся я взмокла от пота. Давно я не устраивала дальних прогулок, и мои мышцы в полной мере дали мне это прочувствовать. Спешившись, я прижалась на минуту к разгоряченному боку лошади, он влажно поблескивал на полуденном солнце. Я привязала ее к стоящему в стороне дереву и протатила последние пару сотен ярдов, досадуя на то, как сильно врезается ремень сумки в мою влажную ладонь.

Найдя ключ, я открыла дверь. Последний раз я приезжала сюда поздним вечером, и тогда повсюду плясали призрачные тени, а сейчас солнечный свет рассеял все тайны. И я видела перед собой просто старый, пыльный и пустой дом. Уныло смотрелись последние остатки мебели, и я, быстро пройдя по залу, задержалась возле старого отцовского шкафа и мягко коснулась его желобков и граней. Но я не могла уже забрать его с собой, как и всю прочую обстановку, поэтому просто погладила его, словно домашнего любимца, и пошла дальше.

Пройдя по комнатам, я заглянула в оставшиеся буфеты и комоды.

После отъезда Джудит слуги, безусловно, могли поинтересоваться их содержимым, забрав свечи, иглы и треснутые вазы, так же как любые остатки еды. Мне не хотелось заходить в гостиную, где меня отвлекли от игры с куклами для знакомства с моим первым мужем, однако я все-таки зашла туда и быстро оценила обстановку. Все тот же камин, перед которым сидел мистер Молине, но в остальном я видела просто пустую комнату. Свою спальню я оставила напоследок. Теперь там стоял лишь опустевший остов кровати – моей детской кровати. Кровать моей матери перенесли в другую комнату. Мне вспомнилось, как мы спали рядом каждую ночь; в детстве я воспринимала это как наказание, но теперь поняла, что это было нечто совсем другое.

Подойдя к окну, я взглянула на слабо колышущиеся ветви деревьев и на раскинувшиеся за ними приусадебные земли. В этот чудесный летний день даже ветер почти затих. Не забыв оставить все двери открытыми, я спустилась обратно в большой зал, где и увидела Джудит пять лет тому назад. Мне показалось, что ее дух еще витает здесь, глядя, как я прохожу к большим окнам, выходящим в парадный парк. На окнах еще висели запылившиеся портьеры, несомненно слишком громоздкие и тяжелые для служанок, прибиравшихся в этом доме. В зале не осталось ни стульев, ни стола, где я могла бы разложить привезенные вещи. Встав на колени возле окна, я ощутила холод каменных плит пола и теплый струящийся в стекла солнечный свет. Подняв голову, я закрыла глаза и подставила лицо его ласкающему теплу.

Но пора было приниматься за дело. Из бархатной сумочки я достала миниатюрную серебряную трутницу и открыла ее, положив на дно скомканное для лучшего доступа воздуха обгорелые льняные лоскутки. Меня порадовало то, как спокойно я действовала. Вытащив кремь и кресало, я принялась высекать искру. В пустом зале стук металла по кремню звучал так громко, словно я занималась какой-то кузнечной работой. Меньше чем за минуту мои усилия увенчались успехом, на лоскутки попала искра, и, нагнувшись над трутницей, я осторожно раздула пламя. Опасаясь, что оно быстро прогорит, я сразу поднесла к огню лучину, и когда она загорелась, положила ее возле самой портьеры. Сухая и пыльная ткань воспламенилась мгновенно, и я с безмолвной радостью смотрела, как языки огня слизывают алую ткань, порождая черный дым. В доме давно не осталось ни матрасов, ни дров... но я надеялась, что портьер будет достаточно, и оказалась права. Мне вдруг вспомнилось, как в лачуге Джозефа Грея у меня загорелся подол юбки, и тогда я быстро собрала свои вещи и, выйдя из дома, заперла входную дверь на ключ.

Король не сможет жить в сгоревшем дотла доме.

Я долго стояла на газоне, глядя, как приемный зал наполняется мерцающими огнями. Сейчас, при ярком свете солнца, они почти незаметны, но к вечеру зрелище будет великолепным. Быстро занялись и обшитые дубовыми панелями стены, и когда окна потемнели от дыма, я решила, что неистовой мощи этого огня будет достаточно для полного уничтожения Бартона, поэтому спокойно направилась к пощипывавшей траву лошади.

Кто-то явно следил за мной. Я испуганно вздрогнула, заметив какое-то движение между деревьями. Великолепная рыжая лиса смотрела на меня своими большими янтарными глазами, робко поставив на газон изящную лапку. Мы, точно замороженные, уставились друг на друга. За моей спиной полыхал пожар, и у меня вдруг перехватило дыхание. Мои веки невольно опустились, но когда я вновь открыла глаза, лиса уже исчезла.

Исторический комментарий

Флитвуд и Ричард Шаттлворты, Алиса (Элис) Грей, Роджер Ноуэлл, семья Дивайсов и многие другие действующие лица данного романа были реальными людьми, однако роман «Покровители» является художественным произведением. Флитвуд Шаттлворт (родившаяся в 1595 г.) действительно была хозяйкой Готорпа во время состоявшегося над ведьмами суда, и ее первый ребенок родился в 1612 году, но история не сохранила никаких свидетельств ее связи с Алисой. Тем не менее ее муж Ричард присутствовал на ассизах, разбиравших судебные дела десяти ведьм Пендла и Алисы Грей, возможно, потому, что они породили в то время очень большой интерес. То немного, что известно об Алисе Грей, дошло до наших дней благодаря подробному полуофициальному протоколу суда, написанному секретарем Томасом Поттсом – «Чудесное разоблачение ведьм в графстве Ланкашир» (Лондон, 1613 г.). Но по неизвестной причине в книге Поттса нет записи о суде над Алисой. И остается тайной причина, по которой ее, единственную из ведьм Пендла, признали невиновной.

1

Паттены – башмаки на деревянной подошве с железным ободом, надевавшиеся поверх обычной обуви для ходьбы по грязи.

Пак – проказливый чертенок, один из главных персонажей комедии У. Шекспира (1564–1616) «Сон в летнюю ночь».

3

Около 125 см.

Третья книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии.

Первое послание Петра, глава 2, ст. 17 и глава 2, ст. 11.

Девиз Наиблагороднейшего ордена Подвязки – высшего рыцарского ордена в Англии, учрежденного английским королем Эдуардом III в середине XIV в.

Речь идет о так называемом пороховом заговоре 1604 г., когда заговорщики задумали устроить взрыв в здании парламента; одной из задумок организаторов было восшествие на престол после гибели монарха его малолетней дочери принцессы Елизаветы при католических регентах.

Fawn – пыжик (*англ.*).

Йомен – крестьянин в Англии XIV–XVIII вв., ведущий, как правило, самостоятельное хозяйство, мелкий землевладелец или фермер.

Ассизы – выездные сессии суда присяжных, созывались в каждом графстве не меньше 3 раз в год; дела слушались судьями Высокого суда правосудия.

Глориана (от англ. *gloria* – слава) – одно из славных имен, данных благодарными подданными королеве Елизавете I; под именем божественной Глорианы ее воспел в «Королеве Фей» знаменитый английский поэт Эдмунд Спенсер (ок.1552–1599).

Евангелие от Луки, глава 23, ст. 8.

Имеется в виду перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 г.

Там же, ст. 10, 11.

Там же, ст. 21–23.

Там же, ст. 29, 30.

Devil – дьявол (англ.).

Благоразумие и Справедливость (*лат.*).

Мера веса или объема: для зерна – примерно 1090 кг, или 40 бушелей.

Сэр Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский мыслитель, ученый и государственный деятель.

Евангелие от Луки, глава 6, ст. 37.

Будучи еще королем Шотландии, Яков VI (позднее король Англии Яков I) опубликовал в 1597 г. трактат «Демонология», написанный в форме диалога.

Судя по тексту оригинала
(<http://www.luminarium.org/sevenlit/james/daemon.htm>), это говорит
Филомат.

Раф – слоеный круглый воротник.

Театр «Роза» – первое постоянное театральное здание в Лондоне, появившееся в 1587 г.

Распятие – знак вечной жизни. Аминь (*искаж. лат.*).

Здесь и далее отрывки трагедии «Макбет» Уильяма Шекспира (1564–1616) даны в переводе Бориса Пастернака.

Масляная свеча с тростинкой вместо фитиля, также в бедных домах использовались свечи, сделанные из сушеного ситника, вымоченного в жире или масле.